

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
«СТОПЖИМА»

Annotation

Больше двадцати лет назад инфарх Матвей Соболев победил Аморфа Конкере и закрыл материнскую, то есть «запрещённую» реальность слоем новых законов, надеясь, что человечество переболеет агрессивностью, как опаснейшей болезнью, и выздоровевшим шагнёт в будущее.

Но инфарх ошибся, как ошиблись и его друзья, решившие закончить деятельность «Стопкрима» – тайной организации, наводившей ужас на продажных чиновников и бандитов всех мастей.

Время снова позвало их, «неудержимых» Василия Котова, Вахида Самандара, Ивана Парамонова и их соратников, остановить беспредел криминала и навести в стране порядок. Но теперь вместе с ними в войну со злом вступает новое поколение: Матвей Котов и Дива Соболева, дети тех, кто однажды добился победы...

-
- [Василий Головачев](#)
 -
 -
 - [Часть I. Двадцать лет спустя](#)
 - [Глава 1. В потенциале](#)
 - [Глава 2. Новое – хорошо забытое старое](#)
 - [Глава 3. Незвестные](#)
 - [Глава 4. Пересечение](#)
 - [Глава 5. Бог любит троицу](#)
 - [Глава 6. Старики-разбойники](#)
 - [Глава 7. Разминка](#)
 - [Глава 8. Пирамида](#)
 - [Часть II. Ошибись, мѝлуя](#)
 - [Глава 1. Репетиция бандлика](#)
 - [Глава 2. Не вязни, коготок](#)
 - [Глава 3. Квота на жизнь](#)
 - [Глава 4. «Живокост» коррупцию не излечит](#)
 - [Глава 5. Иезуит](#)
 - [Глава 6. Непредвиденные встречи](#)

- [Глава 7. Адыгейский мир](#)
 - [Глава 8. Memento mori](#)
 - [Часть III. Легенда о «сорока сороков»](#)
 - [Глава 1. Дива](#)
 - [Глава 2. Полигон](#)
 - [Глава 3. Не ошибись!](#)
 - [Глава 4. Настоящий чёрный человек](#)
 - [Глава 5. Будь настойчив – и получишь своё](#)
 - [Глава 6. Дивный мир](#)
 - [Глава 7. Вы не поверите](#)
 - [Глава 8. Отставить разговоры!](#)
 - [Глава 9. Кипрская одиссея](#)
 - [Глава 10. Нашу птичку попрошу не обижать](#)
 - [Глава 11. Кипрские катакомбы](#)
 - [Глава 12. Без тхабса](#)
 - [Глава 13. Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Василий Головачев

Возвращение «Стопкрима»

© Головачёв В. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Я большой негодяй, и, может быть, дьявол, а не бог послал меня на эту дорогу, но я пойду по ней до конца.

О. Генри. «Гнусный обманищик»

*И предвижу я много бед,
Много-много горького плача,
Если все, в ком совести нет,
Потеряют и страх в придачу.*

В. Шефнер. «Страх»

Часть I. Двадцать лет спустя

Глава 1. В потенциале

– Дракон расправил крылья, взлетел, кинулся на них. – Ульяна сделала страшные глаза, вытянула руки в стороны, изображая крылья, Матвейка вздрогнул, хотя слышал эту сказку не раз, – но тут рядом с папой и его друзьями возникли ещё двое Посвящённых...

– Хранитель Матфей и Юрьев, – прошептал Матвейка.

– Верно, они метнули в дракона молнии, и зверь взорвался, превратился в огненный фонтан. Твой дядя Стас поднял меч...

– Но прилетел диарх Тарас и выбил у него меч, – подхватил Матвейка, – а потом дядя Артур подул в дудочку – и появился сияющий Ангел, так?

– Неужели помнишь? – с сомнением посмотрела на сына Ульяна. – Тебе ж тогда всего полгода было.

Матвейка серьёзно кивнул. Он часто видел во сне финал схватки Посвящённых, среди которых был и его отец Василий Никифорович Котов, с аватарами Монарха Тьмы, и после слов мамы у него перед глазами снова встала незабываемая картина: выжженная магическим огнём чёрно-коричневая пустыня с багровыми барханами песка и праха, «жидкое» серое небо, уцелевшие кое-где золотые замки Инсектов, предков людей, и два столкнувшихся смерча – чёрный и белый, олицетворявшие силы Света и Тьмы...

– Всё закончилось хорошо. – Ульяна поправила одеяло, погладила сына по головке. – Мы победили, спи.

Матвейка улыбнулся, расслабился, закрыл глаза...

...ещё сонно жмурясь, он ткнул пальцем в сенсор мобильного будильника. Семь утра, пора вставать. Интересно, что было потом, после боя смерчей, то есть Конкере и инфарха, которым стал Матвей Соболев? Он победил? Впрочем, отец убеждён, да и мама тоже, что победили они. Монарх Тьмы был низвержен и развеян по безднам *Брахмана* – Большой Вселенной. Почему же на Земле за прошедшие с того момента двадцать с лишним лет ничего не изменилось к лучшему? Почему тьма продолжает разъедать Материнскую

Реальность (отец не любил об этом рассуждать) и всюду всё больше торжествует зло?

Будильник зазвонил ещё раз.

Матвей окончательно проснулся, быстро натянул спортивный костюм: сентябрь, начало осени, по утрам прохладно, однако без дождей, солнышко, – и спустился с пятого этажа дома на 1-й Парковой, где он жил, припустил к главному входу в Измайловский парк и с удовольствием пробежался по его аллеям, практически безлюдным в это время. Делал он это каждый день, исключая воскресенье, и знал парк наизусть, как свои пять пальцев.

Когда-то Измайловский назывался парком имени Сталина, а ещё раньше, в конце шестнадцатого века, являлся усадьбой боярина Захарьина-Юрьева, но с тех пор много воды утекло, и к двадцать первому году двадцать первого века парк превратился в одно из любимых мест отдыха москвичей. На его территории можно было покататься на велосипедах, – пункты велопроката располагались на Северной площади, у главного и Соколиного входов, – поиграть в теннис на кортах, позаниматься фитнесом, отдохнуть в пикник-зонах с друзьями и поплавать на лодках или катамаранах по прудам парка. Не говоря уже о семейном отдыхе с детьми, для которых был создан прекрасный «Панда-парк».

Однако детей у Матвея не было по причине молодости и отсутствия жены, ему в августе исполнилось двадцать два года, и о детях он пока не задумывался.

Окончив год назад Московский институт народного хозяйства, он устроился инспектором в центр СЭП – санитарно-экологической полиции и к этому моменту уже заведовал отделом по контролю за соблюдением СанПиНов^[1] по концентрации запахов и химически вредных примесей.

Поначалу работа показалась ему нудной, заформализованной и слишком надуманной. Но по мере знакомства с обязанностями и письмами жителей столицы, сыпавшимися на электронную почту СЭП сотнями, он начал проникаться проблемами экологии мегаполиса и спустя какое-то время стал ходить на работу с желанием помочь людям, вдруг осознав, что его труд эксперта полезен и востребован.

В конце аллеи, ведущей к прудам западной части парка, мелькнул человек в белом. Сознание отметило его появление, но мысли были

заняты другими вопросами, и Матвей не обратил внимание на раннего посетителя парка, хотя позже вспоминал незнакомца и его белый костюм, не слишком уместный для данного времени года.

Пробежка закончилась у Соколиного входа, Матвей повернул назад и, довольный собой и погодой, вернулся домой. Постоял под душем, смывая пот, вылез чистый «аки бриллиант», поиграл мышцами, втягивая и без того плоский мускулистый живот, которым гордился, услышал звонок телефона в гостиной.

Звонил отец:

– Не разбудил, надеюсь?

– Я уже пять кмэ по парку отмерил, – похвастался Матвей.

Отцу – Василию Никифоровичу Котову – было уже за шестьдесят, но бывший перехватчик контрразведки, владевший всеми видами рукопашного боя, держал себя в отличной форме и сына обучил особой системе выживания в экстремальных ситуациях, позволявшей адекватно реагировать на вызовы стихий и плохих парней, которых почему-то появлялось всё больше и больше. Василий Никифорович много лет проработал в спецслужбах, занимался юридической практикой, отметился в муниципальных службах, но вот уже больше десяти лет тренировал спецназ Министерства обороны и не собирался отдыхать, способный дать фору любому молодому супермену, обладавшему более впечатляющим мускульным рельефом. Хотя он и не любил показывать своё превосходство, за что Матвей уважал его ещё больше.

– Это хорошо, – одобрительно сказал отец. – Я рад, что ты держишь слово и не забываешь о тонусе.

– Это было бы ошибкой, – сказал Матвей голосом Самандара, давнего друга отца.

Котов-старший рассмеялся.

– Жизнь велика, ещё успеешь наделать ошибок.

– Я не собираюсь ошибаться.

– Жизнь прожить и ни разу не ошибиться? Что же это за жизнь такая? Впрочем, философствовать с утра, по словам Самандара, – плохая примета. Вечером ты что делаешь?

– Ну точно не философствую. Сегодня четверг, значит, после работы сразу поеду домой, Ромка обещал заявиться с подругой.

– Может, к нам заедешь? Отпразднуем первую пятёрку Луши.

– По какому предмету? – обрадовался Матвей.

Луша – Лукерья была самой младшей в семье, ей исполнилось семь лет, и в этом году она пошла во второй класс гимназии. Младший брат Матвея Борутка был на три года старше её.

– По русскому языку.

– Филологом сестрёнка станет, – хмыкнул Матвей. – Ждите меня часам к семи.

Он быстро собрался, сварил кофе, с удовольствием умял два бутерброда с сыром и сел в свою «ракету», как отец называл его китайский суперкар «CSS-14 Chery», имевший вполне европейский спортивный нрав: под капотом машины прятался трёхлитровый шестицилиндровик мощностью в триста шестьдесят лошадиных сил.

Управление СЭП располагалось на улице Рогова, недалеко от метро «Щукинская». Но поскольку Матвею приходилось пересекать, по сути, всю Москву, добирался он до места работы больше часа. Как ни боролись с пробками, усугубляемыми своими «гениальными» идеями и решениями чиновников мэрии и службы ГИБДД, ничего не вышло.

Тем не менее прибыл на своё рабочее место Матвей вовремя, к десяти часам утра. Включил компьютер, обошёл сотрудников отдела, поздоровался со всеми.

Всего в подразделении насчитывалось семь человек, и все они работали не покладая рук, так как просьбы от жителей столицы и заявления о «невыносимой жизни» – от запахов или от шума – поступали на центральный контрольный пульт СЭП в неисчислимом количестве. Москва давно стала, по убеждению Матвея, самым грязным в этом отношении городом России. Приходилось сортировать письма по мере срочности и важности, в первую очередь реагируя на приказы начальства проверить то или иное обращение.

Писем за сутки пришло более двух десятков. Матвей быстро просмотрел их, отмечая схожесть жалоб: в основном люди жаловались на шумных соседей или на нашествие насекомых, – составил план работы на день всему отделу и связался с руководителем управления Пацюком.

– Хорошо, – сказал Пацюк, всеми повадками и дородностью отрабатывая фамилию героя Гоголя, глотавшего галушки, – работай,

но сначала съезди на Театральную, ты там был, это где хозяин сдал квартиру таджикам.

– Хозяйка, – поправил Матвей.

– От соседей ещё одна жалоба пришла в мэрию, там отреагировали, так что займись вплотную.

– Мы же хозяйку предупреждали.

– Не вняла, похоже. Можешь взять с собой досудебного исполнителя и местного участкового.

Матвей хотел сказать, что вечером занят, так как ехать в подозрительную квартиру днём означало потерять время, навещать её стоило поздним вечером, но Пацюк сам заговорил об этом:

– Поедешь поздно, часам к одиннадцати, не раньше, надо застать этих деятелей в процессе.

– Слушаюсь, товарищ полковник! – браво кинул ко лбу козырёк ладони Матвей.

Как и все полицейские, они, конечно, имели звания, – Матвей был капитаном, – но никогда не носили мундиров, однако Пацюк любил, когда его называли полковником.

Матвей быстро вывел на экран монитора заявление хозяйки квартиры на Театральной улице, Инны Ивановны, о распространении странных запахов, мешающих отдыхать и спать соседям, а ей в особенности: квартира Инны Ивановны располагалась аккурат над той, где жили таджики. Старушке исполнилось восемьдесят восемь лет, она была аллергиком, и запахи её доводили до сердечных приступов. Это заявление поступило в ЦСЭП неделю назад. Матвей съездил по указанному адресу, поговорил с Инной Ивановной, участницей Великой Отечественной войны, как оказалось, потом с её соседями и выяснил, что хозяйка квартиры этажом ниже сдала своё жильё двум «чёрным», как о них говорили, которые с месяц жили тихо, никому не мешали, а потом по ночам соседей стал беспокоить необычный запах, напоминающий запах палёной шерсти пополам с запахом горячей пластмассы и каких-то трав. Этот запах лез во все щели, но особенно доставалось верхней квартире, хозяйка которой терпела сколько могла, прежде чем написать заявление в полицию.

– К участковому обращались? – спросил Матвей.

– Трижды, – кивнула Инна Ивановна, сухонькая, седая, с морщинистым добрым лицом, – да ничего он не сделал. Приходил,

постучал в дверь, ему не открыли, и на этом всё закончилось. Потом я узнала, что у нас есть эта ваша экологическая милиция, написала.

– Разберёмся, – пообещал Матвей.

С экспертом Пашей Редьковичем он ещё раз съездил по указанному адресу, с помощью японского измерительного комплекса «Мисава», имеющего датчики запахов и управляемого компьютером, замерил концентрацию вредных веществ вокруг подозрительной квартиры и вынес вердикт: жильцы в ней по ночам готовят спайсы – курительные смеси, а то и что похуже. Хотя попасть в квартиру ни полиции, ни соседям так и не удалось. Её съёмщики умело зашифровались и на глаза никому не попадались.

Матвей доложил обо всём начальству, повесил на двери квартиры записку: жильцам явиться в ЦСЭП для дачи показаний по заявлениям соседей, – и несколько дней в этом доме всё было тихо, запахи прекратились. Угроза возымела действие. Однако, как оказалось, ненадолго. Инна Ивановна, отчаявшись, написала новое заявление, теперь уже в мэрию, и чиновники там отреагировали быстро. В нынешние времена опасно было класть письма заявителей под сукно.

– Ну, сволота узкоглазая, – сказал Паша Редькович, в прошлом морской десантник, которому Матвей сообщил о новом заявлении, – я вам покажу кузькину мать!

– Надо трясти настоящую хозяйку квартиры, – подсказал ему Матвей, – с квартирантами воевать нет смысла. Вечером поедem туда и попробуем застать поваров врасплох, а понадобится – взломаем дверь.

Хозяйку квартиры звали Белла Христенко, ее муж, таджик по национальности (она носила свою девичью фамилию), угодил в тюрьму три года назад за сбыт наркотиков. Жила она в другом районе Москвы, а данную квартиру сдала «родственникам мужа», как она написала в заявлении при оформлении документов.

Матвей позвонил ей и попросил подъехать в ЦСЭП либо встретиться на квартире, объяснил ситуацию.

– Никуда не поеду, – заявила Белла Семёновна сварливым тоном; голос у неё был прокуренный, хрипловатый. – Квартира моя, кому хочу, тому и сдаю.

– Тогда нам придётся принять меры, – сожалеюще проговорил Матвей.

– Как хотите, принимайте, – равнодушно бросила госпожа Христенко, – я тоже приму меры, мало не покажется.

На том разговор и закончился.

– Так она ещё угрожает? – удивился Паша – глыба мускулов, двадцать девять лет, сломанный нос, хмуроватое, редко улыбающееся лицо. – Копну-ка я материальчик на неё и на мужа. Может, она в каких-то связях с большими шишками?

– Давай, – согласился Матвей.

Однако ничего особенного в жизни Беллы Семёновны обнаружить Паше не удалось, даже имея доступ к базам данных полиции. За исключением одного факта: её брат Ярим Семёнович Христенко когда-то участвовал в составе бандгруппы «Правого сектора» на Украине в боях с противниками фашистской власти в Киеве, отметился в Дагестане, а в настоящее время являлся депутатом Госдумы.

– Неужели она надеется, что брат её прикроет? – засомневался Паша.

– Посмотрим, – сказал Матвей. – Сразу после работы ехать на квартиру бесполезно, эти крысы начинают варить зелья ночью, значит, встречаемся по адресу часов в одиннадцать. Возьми «Мисаву», детектор «Инкеон» и химию, сделаем анализ прямо там. Я предупрежу управдома, вполне возможно, что понадобится помощь слесаря, будем ломать дверь.

– Это по мне, – сжал кулаки Паша. – Участкового надо бы вызвать.

– Не сейчас, – сказал Матвей после недолгих размышлений. – Не люблю я таких мордovorотов, в пятьдесят лет всё ещё лейтенант. Вдруг он кормится от квартирантов Беллы Семёновны? Предупредит ещё. Оттуда вызовем.

После работы он поехал к родителям.

Вся семья уже была в сборе, ждали только старшего сына, и вечер удался на славу. Луша сияла, хотя её сильно и не хвалили, с увлечением рассказывала о школе, об учителях и подружках. Борутка, старавшийся держаться сдержанно, солидно, всё-таки он учился уже в пятом классе, показал Матвею новые изделия из своей коллекции моделей военных самолётов: он занимался моделированием

уже четыре года, сам собирал комплекты, – и Матвей с интересом подержал в руках точную копию отечественного истребителя военных лет «Ла5», на котором когда-то летал прославленный ас России лётчик Иван Кожедуб.

Потом сели за стол, обмениваясь шутками.

Отец, как всегда, был сдержан, мама радовалась, успевая ухаживать за всеми и поддерживать беседу. В своём домашнем халатике она была похожа на девочку, сестру Луши, а не взрослую мадам пятидесятилетнего возраста.

– Что на работе? – спросил Василий Никифорович.

– Нормально, – отмахнулся Матвей. – Рутинка. Сегодня будем вразумлять одну леди в Южном Бутове, пустила на постой южан из Таджикистана, а те, похоже, устроили в квартире производство курительных смесей. Запахи полезли во все щели. А полиция делает вид, что ничего особенного не происходит.

– Прикормленная полиция.

– Как водится. Участковый какой-то мутный, страдает одышкой, обещает людям помочь, но ничего конкретного не делает. Паша вообще предлагает за ним наблюдение установить.

– Это не ваша епархия.

– Я так ему и сказал.

– Паша – это твой сотрудник?

– Бывший морской пехотинец, молодой, горячий, приходится сдерживать. На нашей работе мы не можем позволить себе вольности.

– Ну, молодость многое может себе позволить.

– Да ну? – делано удивился Матвей. – А старость тогда чего?

– А старость – не позволить, – улыбнулся Василий Никифорович.

– Что это вы заговорили о старости? – услышала последние слова мужа Ульяна, появляясь с подносом в руках. – Нашли о чём говорить. Лучше бы о женщинах поговорили. С Дашей встречаешься?

– Да как-то не получается, – смущённо признался Матвей. – Она предпочитает за границей время проводить. Меня то в Турцию, то на Сейшелы зовёт.

– А ты что ж?

– Турцию не люблю, а Сейшелы далеко.

– За границу в хорошей компании можно съездить, – сказала Ульяна, – но отдыхать лучше всего на родине, в крайнем случае

в Крыму. Нет ничего лучше и красивей русской природы.

– Согласен, – рассмеялся Матвей, уловив подмигивание отца.

Мама расставила чашки, вазочки с вареньем и мёдом, убежала на кухню. Мужчины переглянулись.

– Это она боится за тебя, – понизил голос Василий Никифорович. – Больно в мире беспокойно.

– Можно подумать, у нас в России больно спокойно, – фыркнул Матвей. – Не надо было сворачивать «Стопкрим» двадцать лет назад. Зря вы понадеялись на инфарха... если это, конечно, не сказки. Конкре, может быть, и нейтрализован, однако порядка в нашей Матричной Реальности что-то не видно. Не так?

Василий Никифорович бросил взгляд на разыгравшихся детей, прижал палец к губам.

– Не при них.

– Да это я так, не удержался, философствую, – засмеялся Матвей. – Или вечером тоже не стоит забивать голову философскими умозаключениями?

– Ты это по поводу утреннего разговора?

Матвей кивнул.

– Философия в любое время суток пакостная вещь. Хотя твои упрёки имеют рациональное зерно. Вахид Тожиевич на эту тему тоже любит побалагурить. Могу пригласить.

– В другой раз, мне уже пора выдвигаться к месту сбора.

Матвей допил чай, обнял мать, сестрёнку с братом, пожал руку отцу и спустился во двор, где уже сгустилась ночная темнота. Город придавила пелена облаков, было сыро и душно.

В половине одиннадцатого они встретились с Пашей у дома Инны Ивановны. Поднялись к ней, взяв «дипломаты» с датчиками запахов.

Старушка, предупреждённая заранее, обрадовалась гостям словно кровным родственникам.

– Ой, хорошо, что вы пришли! А я уже собралась к дочке идти ночевать, как и вчера. Спасу нет от запаха! Мы уже и плитуса пеной залили, и щели на балконе заклеили – не помогает. Неужели не чувствуете, как пахнет?

– Чувствуем, мать, ничего, скоро это закончится, – пообещал Паша, развёртывая комплекс «Мисава».

Воткнули датчики под плинтуса, замерили концентрацию запахов на балконе и в квартире.

– Пентотал диметилтриана, – кивнул сам себе Паша. – Плюс ксенофосфодиматрал. Все ингредиенты курительной «травки». Представляешь, что у них в квартире творится, если даже здесь в носу свербит?

– Вызывай домоуправа со слесарем и понятых, я свяжусь с участковым.

Через полчаса у двери подозрительной квартиры собралась небольшая толпа: женщина-домоуправ лет пятидесяти, молодой парень – слесарь, Инна Ивановна и соседи, согласившиеся стать понятыми. Пришёл и хмурый толстяк-участковый в мятом мундире, то и дело вытирая вспотевшую под фуражкой лысину носовым платком.

– Лучше бы вы этого не делали, – пробурчал он, увидев в руках слесаря чемоданчик с инструментом.

– Почему, скажите на милость? – в упор посмотрел на него Паша, сузив глаза. – По-вашему, лучше оставить всё как есть? Пусть жильцы травятся?

Участковый, его звали Федосом Максимовичем, отвёл глаза.

– Хозяйку надо было позвать.

– Звали не один раз, хватит.

Матвей позвонил в дверь, раз, другой, третий, постучал костяшкой пальца.

– Граждане, я знаю, что вы дома, откройте, иначе оформим как сопротивление органам правопорядка.

Никто не отозвался.

Матвей терпеливо постучал и позвонил ещё раз.

– Это полиция, откройте!

Тишина в ответ.

– Ломайте, – отступил в сторону Матвей.

– Зачем же ломать? – весело сказал чубатый остроглазый слесарь, одетый в фирменный комбинезон. – Попробуем открыть без шума.

Действительно, поманипулировав инструментами, чем-то напоминающими набор вора-домушника, слесарь открыл два замка на внушительной толщины двери, а потом перекусил цепочку специальными ножницами.

– Заходите.

Дверь распахнулась, и в лицо Матвею вылилась душная смесь запахов, узнаваемых по общежитию давно не мывшихся и не ухаживающих за территорией проживания людей. Среди этих запахов пота, немытых тел, кисло-горьких ароматов гниющих овощей отчётливо прорезались и запахи иные, от которых слегка закружилась голова. Матвей мимолётно подумал, что живущие здесь наверняка сами находятся под кайфом, не в состоянии оценить реальные последствия своей деятельности.

Квартира была двухкомнатной, в ней явно недавно делали ремонт, и, к удивлению полицейских, никакой грязи, разбросанных вещей, брошенных на столе объедков и бутылок они не увидели. Комнаты выглядели так, будто в квартире никто не жил. Но стоило открыть спальню, откуда в гостиную прянула новая волна запахов пота и грязного белья, как стало понятно, что жильцы здесь имеются. Бардак в спальне был ещё тот, будто обитатели квартиры специально подготовили комнату для съёмки видеофильма о проживании людей с иным менталитетом. Было видно, что спят здесь не один-два человека, а по крайней мере шесть-семь.

Матвей глянул на развешанные по спальне стиранные рубашки, штаны, трусы, майки, вышел.

– Где они?

– В кухне заперлись, идиоты, – появился возбуждённый Паша. – Дверь хлипкая, дёрнуть – вылетит.

– Минуту, – сказал слесарь, деловито достал инструменты.

Замок щёлкнул, полупрозрачная кухонная дверь открылась.

В прихожую обрушилась ещё одна волна запахов, на этот раз сенно-травяных, горьковато-цветочных, возбуждающих и раздражающих.

Взору полицейских представилась живописная картина.

Кухня была заставлена кастрюлями и мешками с пухлым содержимым. На столе, на кухонных шкафчиках, на мойке, на стульях и по углам лежали пластмассовые и жестяные коробки и банки, а на плите побулькивал чан, закрытый специальной термобарической крышкой, на замке которого виднелся датчик температуры.

Обитатели кухни – их оказалось трое – уже лежали на полу, уткнув в него лица и обхватив ладонями затылки, и не помышляли

о сопротивлении. Судя по всему, они не раз проделывали эту процедуру и знали, что сопротивляться бессмысленно.

– А вы говорили – зря мы сюда вломились, – обернулся Матвей к участковому. – Составляйте протокол и вызывайте наряд. Паша, помощи.

– Надо всё-таки хозяйку вызвать...

– Вот и вызывайте, если у вас есть её номер телефона, хотя это ничего не изменит. Поваров этих отправим в полицию СЗАО, квартиру печатаем. Паша, зови понятых.

Процедура с оформлением документов и осмотром квартиры затянулась на час с хвостиком.

Наряд полиции прибыл оперативно и принял участие в обыске, затем увёл задержанных, двое из которых оказались уроженцами Таджикистана, а третий – молдаванином. Собрали ингредиенты, из которых «повара» делали курительные смеси, а также около сотни «фирменных» упаковок с «сигаретами», каждая из которых на рынке наркосодержащих смесей стоила от тысячи рублей и выше.

– Закрывайте, – сказал Матвей слесарю.

– Здесь санобработка нужна, – сказал Паша, морщась.

– Завтра пришлём бригаду.

Понятые, оживлённо переговариваясь, разошлись по квартирам.

– Спасибо вам огромное! – расчувствовалась Инна Ивановна, прижав ладошки к груди. – Спасу же нет никакого, помереть недолго! Сами же чувствуете, чем здесь пахнет. Производство устроили!

– Всё в порядке, бабуля, – заявил весёлый Паша, – теперь никто спать не помешает.

Однако разойтись по домам в хорошем настроении не удалось.

Едва закрылась дверь «душистой» квартиры, на лестнице показалась делегация в составе трёх человек: женщины-блондинки лет пятидесяти с ярко накрашенными губами, полковника полиции и молодого спортивного вида человека в бархатной курточке цвета запёкшейся крови.

– Хозяйка, – изменился в лице участковый.

– Что здесь происходит? – резким тоном, с визгливыми интонациями, спросила блондинка. – Федос Максимович?

Матвей узнал голос хозяйки квартиры Беллы Семёновны, с которой говорил по телефону.

Участковый отвёл глаза.

– Я им говорил.

– Кто такие? – Блондинка упёрла пылающий взгляд из-под сдвинутых бровей в Матвея. – Что вы себе позволяете? По какому праву врываетесь в чужую квартиру, взламываете дверь?! – Она посмотрела на полковника. – Юрий Фёдорович, вы полюбуйтесь!

– Ваши документы, – жидковатым голосом, несмотря на солидную комплекцию и двойной подбородок, сказал спутник Беллы Семёновны, снимая фуражку, под которой пряталась белая потная лысина.

Матвей достал удостоверение, раскрыл.

– Капитан экологической полиции Матвей Котов. Квартира вскрыта по многочисленным письмам жителей дома, обнаружен притон, где изготавливались курительные смеси с добавлением наркотических веществ. Составлен протокол. Изготовители задержаны.

– Постановление на задержание есть?

– Разумеется, все формальности соблюдены.

– Дайте протокол.

Матвей и Паша переглянулись.

– Не имею права, – сказал Матвей сожалеюще. – Прошу прощения, товарищ полковник, из какого вы подразделения?

– По делам мигрантов. Дайте протокол!

– Звони главному, – посоветовал Паша.

Матвей набрал номер Пацюка. Начальник СЭП ответил неожиданно быстро:

– Котов? Что у тебя не так?

– Мы задержали троих граждан из сопредельных государств, изготавливающих «травку», но тут явилась хозяйка, а её спутник, полковник полиции, требует протокол.

– Что ещё за полковник?

– Поговорите с ним. – Матвей протянул айфон потееющему спутнику Беллы Семёновны. – Начальник Управления полковник Пацюк.

Приятель Беллы Семёновны поднёс телефон к уху, прислушался к голосу в трубке.

– Мигайлов... Главное Управление по делам мигрантов... я тоже при исполнении... – Лицо полковника начало наливаться кровью. – Я тоже могу... выскажу... вы что же, решили, что это сойдёт вам с рук?! Завтра же... чёрт!

Он резко сунул телефон Матвею, посмотрел на Беллу Семёновну.

– Посмотри, не пропало ли что.

– Ты хочешь их отпустить? – удивилась женщина.

– Завтра будем разбираться, посмотри.

В руке вельветочного парня вдруг появился пистолет.

– Протокол, быстро!

Паша раскрыл глаза шире.

– Ты что творишь, губошлёп?! Документы покажи!

Матвей покачал головой, оставаясь предельно хладнокровным.

– Вы хорошо подумали, молодой человек? А то ведь и мы можем применить оружие.

Полковник покосился на парня.

– Оставь их, они и так недолго будут работать в полиции.

Парень ловко крутанул пистолет в руке, спрятал его куда-то под куртку.

Белла Семёновна поджала губы, бросила испепеляющий взор на Матвея (слесарь невольно спрятался за его спину), достала ключи.

– Они мне замок сломали.

– Ничего мы не ломали, – с обидой возразил слесарь.

– А тебя никто не спрашивает, щенок!

– Задержись, запиши претензии, если они будут, – сказал Матвей Паше. – Товарищ управдом, я бы и вас попросил остаться.

– Конечно, конечно, – закивала головой пожилая женщина.

– Честь имею! – кинул подбородок на грудь Матвей. – До свидания, Белла Семёновна. Большая просьба не селить у себя наркодельцов, это плохо отразится на вашем имидже.

– Как бы на твоей харе это не отразилось, – грубо бросила госпожа Христенко, скрываясь в квартире.

Полковник, явно близкий ей человек, и парень в куртке последовали за ней. Паша подмигнул Матвею, шагнул следом.

Матвей с облегчением выбрался из дома во двор, вздохнул полной грудью, мимолётно подумав о радости Инны Ивановны, избавившейся

от напасти. Скрытая угроза в словах Беллы Семёновны не произвела на него впечатления, он был молод и в будущее смотрел с оптимизмом.

К подъезду подъехал белый «Лексус», высадил пассажирку.

У Матвея ёкнуло сердце: показалось – вышла мама, но моложе лет на двадцать. Однако женщина или девушка лишь была очень похожей на маму: те же соколиные брови вразлёт, безупречный овал лица, сочные губы изумительного рисунка, – и ещё она кого-то напомнила Матвею, всколыхнув память, вполне возможно – очень давних лет. Сразу вспомнить, кого именно, ему не удалось.

Она прошла мимо с очаровательной грацией королевы подиума, одетая в строгий деловой костюм: синяя юбка, белая блузка с погонами, просиявшими золотом в свете дворовых фонарей, туфли на высоких каблуках, далеко не казённого вида, подчеркивающие стройность лодыжек, в руках папка малинового цвета и сумочка.

Ноздри Матвея пощекотал дразнящий тонкий запах духов «а-ля рюс».

Он замешкался, уступая дорогу, но так неловко, что они дважды едва не столкнулись нос к носу.

– Извините...

Девушка в форме подполковника юстиции кинула на него насмешливо-осуждающий взгляд, и, видимо, что-то в лице молодого человека поразило её. Потому что она вдруг замедлила шаг и оглянулась. Глаза их встретились: он тоже оглянулся. Потом брови незнакомки сдвинулись, придавая лицу выражение воспоминания, она отвернулась и скрылась за дверью подъезда.

Белый «Лексус» выехал со двора.

Лишь после этого Матвей выдохнул застрявший в лёгких воздух, ошеломлённо подумав, что такого потрясения он не испытывал никогда!

Вторая мысль была более прагматичной: надо было познакомиться!

Взорвавшееся сердце едва не погнало его вслед за незнакомкой, однако громадным усилием воли он сдержал эмоции, хотя в машине снова пожалел о том, что не бросился вслед за видением.

Впрочем, пришла последняя успокаивающая мысль: теперь ты знаешь, где она живёт.

Глава 2. Новое – хорошо забытое старое

Сводка СП^[2], всплывшая в поле монитора, заставила сжать зубы и выругаться – беззвучно, про себя. Дочитав её до конца, Игорь Владиславович налил газводы из сифона, бросил в стакан ломтик лимона и выпил залпом.

В списке громких коррупционных дел, расследуемых Следственным комитетом, значилось более двух десятков высокопоставленных чиновников, среди которых были главы администраций, мэры, губернаторы, начальники УГИБДД, замы министров и даже сами министры. Но только трое из них могли быть осуждены. Остальным грозил «мелкий испуг», в том числе таким деятелям, как министр сельского хозяйства и вице-премьер по делам национальностей.

Вспомнилась давняя история с министром обороны Сердюковым, так и не севшим в тюрьму, хотя все знали, что он едва не развалил российскую оборонку и распродал чуть ли не половину стратегически важных объектов. Слишком значительные силы стояли за его спиной и «крышевали» деятельность «менеджера», откровенно плюющего на закон.

Игорь Владиславович сжал зубы. Он вступил в должность год назад, но до сих пор не мог понять, какими соображениями руководствовался прежний президент, назначая его своим преемником. Его – скромного депутата Госдумы от Дальнего Востока, не помышлявшего о карьере политика, а тем более президента. Считал, что нашёл единомышленника? Но единомышленниками они никогда не были, как не были ни идейными соратниками, ни близкими приятелями. Выходит, президент, возродивший государство и одновременно разваливший его образование и науку, ошибся?

Игорь Владиславович тряхнул головой, с силой провёл ладонью по лицу, словно стирая бередившие душу мысли. Нажал на айфоне сенсор с единичкой.

– Слушаю, Игорь Владиславович, – послышался уверенный баритон советника.

– Зайди.

Кабинет советника по национальной безопасности располагался практически рядом с деловой резиденцией президента, в здании Сената – первого административного корпуса, поэтому ждать пришлось недолго, всего три минуты.

– Разрешите, Игорь Владиславович? – открылась дверь кабинета.

Президент оторвал взгляд от экрана компьютера, потянулся, сел в кресле прямее.

Рабочий кабинет главы Российской Федерации в отличие от представительской части резиденции не впечатлял роскошью и был предельно аскетичен и практичен, хотя эта комната Сената и насчитывала сотню с лишним лет со времени постройки кремлёвских палат.

В центре комнаты располагался большой стол под зелёным сукном, за ним стояло кресло, и ещё дальше, к стене кабинета, высились флаг России и штандарт президента. У стен, обитых дубовыми панелями, сверкали стеклом шкафы с уникальными книгами и справочниками, потолок был выкрашен в белый и голубой цвета, лепнина по карнизам тоже не блестела золотом, а ближе к окну красовался ещё один стол, для переговоров и деловых совещаний, окружённый шестью стульями с мягкими сиденьями.

Советник, – его звали Артур Владиленович Суворов, – остановился посреди комнаты.

Он был высок, по-спортивному крепок, волевой подбородок и прямые губы советника говорили о его твёрдом характере, в волосах на левом виске серебрилась прядка седины, хотя был он ещё достаточно молод – до сорокапятилетнего юбилея оставался год.

В молодости Суворов, геолог по образованию, исколесил Сибирь и Дальний Восток, увлёкся экстремальным туризмом, будучи авантюристом по натуре, потом работал в структурах охраны правительства и дошёл до начальника охраны администрации президента, где и сблизился с будущим главой государства. Советником он стал по настоянию самого Игоря Владиславовича, которому до зарезу нужен был надёжный помощник. Правда, Игорь Владиславович не догадывался, какую роль сыграл Артур Владиленович двадцать с лишним лет назад в криптовойне с силами Тьмы, олицетворяемыми Союзом Неизвестных России и его предводителем Рыковым, аватарой Монарха Тьмы – Конкере. Да и не

поверил бы Игорь Владиславович в эту историю, даже если её рассказал бы Артур Владиленович, послуживший одним из проводников сил Света в «запрещённой реальности», которой стала планета Земля миллионы лет назад по вине Конкере.

– Слушаю, Игорь Владиславович, – сказал советник. – Что-то случилось?

– Нервы расходились, – ответил президент, кивнув на экран. – Ни одного позитивного доклада как из-за бугра, так и внутри страны, сплошная коррупция и предательство! Садись, кофеем побалуемся.

Артур Владиленович примостился на стуле, не спуская глаз с бледного расстроенного лица президента.

– Белоруссия?

– И Белоруссия тоже.

Имелось в виду, что после ухода с поста президента Белоруссии Лукашенко власть в стране захватили прозападные деятели, и ситуация в братском государстве понемногу сползала к «майданной революции по-киевски».

– Ещё не всё потеряно.

– Может быть, но мы продолжаем защищаться, а западники наступают, используя все средства, да и «пятая колонна» в Белоруссии подготовлена лучше нашей дипломатии. По сути, против нас сложился международный террористический фронт, экспорт терроризма достиг апогея, предадут даже бывшие друзья по ОДКБ.

– У нас никогда не было друзей за рубежом, только временные попутчики. А внутри страны что вас расстроило?

– Генпрокуратура. – Президент пожевал губами. – И судейский корпус.

Артур Владиленович улыбнулся.

– Такова эта система – всеми силами отбивает своих от уголовного преследования.

– Но не так же нагло?! – вскипел Игорь Владиславович. – Выпустили последних прокуроров ЦАО по рэкетному делу, спустили на тормозах дело министров образования и культуры, освободили проштрафившихся губернаторов, замешанных в получении взяток! Судьи преспокойно выпускают воров! Премьер! – Игорь Владиславович поднял вверх палец. – Сам премьер заступает за

зятя – замминистра, просит закрыть дело о нецелевом расходовании бюджетных средств! Сколько можно?!

Артур Владиленович кивнул.

– Я вас предупреждал ещё два года назад, что вам придётся схлестнуться с этим человеком. За ним стоит не только российский олигархат, за ним...

– Союз Неизвестных, – бледно усмехнулся Игорь Владиславович, не скрывая скептицизма.

Советник остался невозмутим.

– Союз существует реально, хотите вы этого или нет, однако недоступен ни одной государственной силовой структуре. Это надгосударственная надстройка. Точнее – мировая. Я же давал кое-какую информатуру о «Комитете 300», прочитали?

Президент поморщился.

– Руки не дошли, совершенно нет времени, я и так сплю всего по пять часов в сутки. Лучше подскажи, что мне делать с МВД. Генералы исправно сажают мафиози... и захватывают их бизнес, переводят на себя! А генералов потом прикрывает Генпрокуратура! Есть повод веселиться?

– Согласен, нет. В России со времён Горбачёва создана неуничтожимая, мракобесная, чиновничья система круговой поруки, все благие намерения хоронятся ею легко.

– Но ведь мы обеспечили рост экономики, преодолели все кризисы?

– Рост военной мощи и экономической независимости не компенсирует падения морального уровня народа и его духовного обнищания. Выращен целый слой люмпенов, которым плевать, что будет со страной. Нужны иные меры для реального возрождения России как державы.

– Какие?

– Кардинальные.

– Поконкретнее, пожалуйста.

– Вы же хотели из нашего «Рубежа» создать особое подразделение по ликвидации террористов и предателей за рубежом, на чьих руках много крови? Особенно после того как стали известны фигуранты нацистов, организаторы беспорядков в Белоруссии?

Артур имел в виду одно из частных военизированных формирований, созданных ещё в две тысячи пятнадцатом году как инструмент по защите национальных интересов России без прямого вмешательства государства, когда участие регулярных вооружённых сил затруднительно по политическим и юридическим мотивам. Аналогом таких формирований была американская военная компания «Blackwater», позже ставшая «Academy» и прославившаяся участием в гражданской войне на Украине. Первым таким образованием стал «Рубеж», подчинённый, по сути, президенту России, хотя формально он имел своего владельца и командира.

– То был эмоциональный стресс... да и не хочется связываться с наёмниками.

– Вы имеете в виду американских коммандос? Сейчас по всему миру разбежались бандеровцы да грузинские «серые гуси».

– Я имел в виду наших. Сосватаете мне «Братский круг».

– «Стопкрим» – не «Братский круг» и не наёмники, это команда высочайшего профессионального и морального уровня.

– Ты мне все уши прожужжал с этим «Стопкримом».

– У него были и другие названия – ККК – «команда контркрим», и СМЕРЧ – смерть чиновникам, и «чистилище». Но когда «СК» существовал, в стране начал организовываться порядок, чиновники поняли, что их вольнице приходит конец.

– Вот и займись организацией... нового «чистилища». Судя по всему, ты был знаком с его руководством. Единственное, чего я боюсь, – это воплей со стороны ОБСЕ и ПАСЕ. Правозащитники и купленные журналисты с удовольствием смешают нас с грязью.

– Во-первых, о России не пишет плохо только ленивый, так что не привыкать. Мы давно живём в условиях информационной войны с Западом. Плохо, что и у нас развелось крикунов и предателей выше крыши. Если создавать спецгруппу, то такую, о деятельности которой не должен будет знать никто!

– Это возможно?

– Не знаю.

– Если нельзя, не стоит и начинать. Секретность работы подразделения должна быть беспрецедентной! Выше уровня секретности всех наших служб!

Артур задумался, играя ручкой, лежащей на столе.

– В конце концов, попытка – не пытка. Если мне удастся найти старых знакомых... боюсь, они давно отошли от дел.

– Пару дней тебе хватит на анализ ситуации?

Суворов снова крутанул ручку по столу.

– Это как боженька посмотрит. Но я буду стараться.

– Надеюсь на позитивный результат. Не делать ничего в такой обстановке – преступление. Но знать об этом будем только мы двое, я не доверяю никому.

– Даже вашим друзьям из «конторы»? – прищурился Артур, имея в виду ФСБ.

– Особенно им, – признался президент.

События, происшедшие в «розе реальностей», в одном из «адовых» миров Большой Вселенной, бывшей тюрьме Монарха Тьмы, снились ему не раз за двадцать лет, но время потихоньку сглаживало их остроту и превращало в легенду, в которую верилось всё меньше и меньше. Время также разбросало всех участников событий по городам и весям России, покрыло память флёром сомнений, стёрло накал переживаний, хотя и не могло до конца изменить отношения друзей и соратников, избавивших мир от абсолютно равнодушного к человеческим судьбам Монарха Тьмы.

Первое время они перезванивались и встречались, поддерживая друг в друге надежду на позитивное изменение в душах людей, ожидая каких-то сдвигов сознания и всплесков духовности. Но шли годы, Россия осознала своё предназначение, поднялась с колен в окружении врагов, продолжавших ненавидеть её и всех русских с неослабевающей силой, и рутина жизни, заставлявшая простых людей бороться за выживание, потихоньку размыла связи и снизила до минимума необходимость общения.

Артур с удивлением вспомнил, что последний раз встречался со своими учителями и соратниками года четыре назад и с тех пор не слышал их голосов и не звонил сам. Это положение надо было исправлять.

Получив задание от президента, он составил список тех, кто мог ему помочь в деле, и первый звонок сделал Тарасу Горшину, основателю «Стопкрима», достигшему уровня диарха – руководителя системы безопасности «розы реальностей». Однако Тарас после боя с Конкере ни разу не проявился и на звонок не ответил. Вполне

вероятно, что он так и остался вне «запрещённой реальности» Земли, продолжая служить силам Света.

Тогда Артур позвонил Василию Котову, бывшему контрразведчику, профи перехвата, ставшему Мастером иного слоя жизни, о котором обычные граждане и не подозревали. Артур ещё помнил слова Котова, сказанные им во время боя с Конкере:

– Я никому не желаю зла. Я не желаю зла даже моим врагам. Я просто хочу, чтобы их не было.

Добавить к этому было нечего, Артур и сам думал так же, хотя с годами начал понимать, что он живёт в мире вечных войн, и с этим надо просто смириться, увеличивая число друзей и уменьшая количество врагов.

Старый номер мобильного телефона Котова был заблокирован. Не отзывались на звонки и соратники Мастера – Юрий Венедиктович Юрьев, Вахид Самандар и Иван Терентьевич Парамонов. Все они, очевидно, поменяли свои контакты. Можно было докладывать президенту, что у него ничего не получилось, но Артур был упрям, сел за компьютер, прошерстил базы данных спецслужб и выяснил, что Василий Никифорович Котов живёт в Москве, хотя и сменил адрес, а работает в ЦСКА, где уже несколько лет тренирует инструкторов по армейскому рукопашному бою (школа «Барс») в центре спецподготовки, закрытом для обычных любителей единоборств.

Выяснив расписание занятий, Артур вечером того же дня подъехал к базе ЦСКА на Фурманова, дождался начала занятий и прошёл в спортзал базы, предъявив охране удостоверение советника президента.

Котова он узнал сразу: несмотря на немолодые годы, Василий Никифорович почти не изменился, разве что волосы на голове поредели. Бывший комиссар «Стопкрима» был одет в синюю футболку и джинсы, что не мешало ему демонстрировать приёмы боя и знаменитую «Спираль» – боевую гимнастику, разработанную ещё в начале века ветеранами боевых действий в Чечне. Артур знал, что в основе «Спирали» лежат универсальные законы «биомеханических скручивающих движений» тела бойца и великолепное знание приёмов адекватного реагирования на внешние вызовы. Боец в ней рассматривался как «наводящая система», дополнение к оружию, которым может стать любой предмет, и «Спираль» таким образом

становилась базой комплексного развития человека. Её применение позволяло всего за полгода сформировать у солдата навык правильно распределять в любом движении центр тяжести и двигаться расслабленно, а уж на мастера системы, каким, несомненно, являлся Василий Никифорович, любо-дорого было смотреть.

Полюбовавшись, как Котов владеет всеми видами холодного оружия и справляется сразу с пятью бойцами армейского спецназа одновременно, Артур упёр взгляд в затылок тренера и дождался его реакции: Котов почувствовал его взгляд! Оглянулся на дверь. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Потом по лицу Василия Никифоровича промелькнула тень, он поднял руку.

– Внимание! Пять минут на дыхание.

Стремительно подошёл.

– Не сразу понял, что это ты.

– Я, – смущённо отозвался Артур, не зная, обнять комиссара или просто пожать руку.

Василий Никифорович обнял его первым.

– Не думал увидеть. Случайно или по делу?

– Случайных встреч не бывает, ты знаешь.

– Понял, освобожусь через час, подождёшь?

– Посижу в машине снаружи, чёрный «Ягуар», шесть семёрок.

Василий Никифорович усмехнулся.

– Контора?

– Бери выше – администрация президента.

– Растёшь.

– Так получилось, расскажу.

Котов кивнул и отошёл к группе занимавшихся бойцов.

Понаблюдав за работой молодых, и не очень, мужчин, – все они явно не были новичками и двигались весьма умело, – Артур вышел из спортзала и уселся в машину, включив радио.

Ждать бывшего комиссара «Стопкрима» пришлось ровно час, Котов слов на ветер не бросал и всегда выполнял обещанное.

Вместо футболки на нём была чёрная рубашка с коротким рукавом и стоячим воротником. В руке он нёс спортивную сумку, которую бросил в свою машину – синий «Визив», потом уселся рядом с Артуром.

Какое-то время оба изучали лица друг друга.

– Ты не изменился, – изрёк наконец Василий Никифорович.

– Ты тоже, – слабо улыбнулся Артур. – В прекрасной форме, я видел. Кого тренируешь?

– Инструкторов боевых охранений войск воздушно-космической обороны.

– Хорошо смотрятся ребята.

– Они все профи. С ними и легко, и одновременно не просто, иногда приходится ломать базовые стереотипы и навыки. Давно тебя не видел, забывать стал. Администрация президента, говоришь? Так ты теперь чиновник?

– Советник по нацбезопасности.

– Высоко поднялся. Ну, и как живётся?

– Зебристо, – наметил улыбку Артур. – Чёрная полоса, белая полоса. Хотя чёрных больше. Как говорится, мы испытываем трудности, они испытывают нас. Расскажи лучше о себе.

Василий Никифорович отвернулся, помолчал.

– Да особо нечего рассказывать. Как говорил поэт: незаметно исчезают друзья, реже встречи и короче звонки... По возрасту живём, мне за шестьдесят, драйв уже не тот, что в молодости.

– Ты и сейчас в кондиции, да и выглядишь в худшем случае на сорок.

– Оставь комплименты. Не за тем ведь пришёл.

Лицо Артура отвердело.

– Можно начать издаleка?

– Валяй, только покороче, жена ждёт.

– Ульяна?

– Я однолюб.

– Детей трое?

– На больше не решились.

– Матвею уже сколько? Двадцать два, если не ошибаюсь?

– Не ошибаешься.

– Учится, работает?

– Служит в экологической полиции.

Артур с любопытством оглядел профиль собеседника.

– Ты посоветовал?

– Сам выбрал.

Почувяв растущее нетерпение Котова, Артур прекратил расспросы.

– Ладно, не буду отвлекаться. Мы оба знаем, что произошло больше двадцати лет назад. Инфарх, то есть Матвей Соболев, низверг Конкере в «адовы» миры Шаданакара – Большой Вселенной – и закрыл Материнскую, то есть «запрещённую», реальность слоем новых законов. Одним из следствий этого состояния является нейтрализация на Земле магического оперирования. Так? Ни один житель Земли и вообще всей «запрещённой реальности» не может колдовать. Тхабс невозможен. Доступ к модулям иных реальностей практически исключён. Иерархи Союзов Неизвестных не могут силой воли и магии влиять на властные структуры и тем более на физический уровень космоса. Мысль инфарха была понятна: человечество должно переболеть агрессивностью как опаснейшей болезнью. Так?

Василий Никифорович не пошевелился.

– Но инфарх ошибся, как и Конкере сотни миллионов лет назад. Монарх Тьмы изменил не один вид Блаттоптера сапиенс – тараканов разумных, а сразу несколько, в результате чего человечество в настоящий момент более чем на девяносто процентов состоит не из истинно людей, а из людоедов – во всех смыслах, оттого и воюет само с собой.

Котов молчал.

– Конкере нет, – продолжал Артур негромко и бесстрастно, – но судя по всему, кто-то занял его место и продолжает свою сатанинскую деятельность. У тебя нет такого ощущения?

Котов молчал. По его лицу нельзя было понять, о чём он думает.

– Это видно невооружённым глазом, – не дождался ответа Артур, начиная сомневаться в успехе визита. – Российская Федерация перестала быть государством титульного – русского народа, искусно разъединённого инородцами. Экономика, образование, наука и культура стали окончательно управляться инородческими криминально-олигархическими кланами. Прокуроры и судьи у них на побегушках. Культура и образование вообще перестроены по западным лекалам и стандартам, далёким от идеала и менталитета народа. Страна обрушена в демографическую катастрофу. Вымирающее славянское население государственная власть замещает азиатами-мигрантами с целью быстрее его превращения в послушный тупой электорат. Финансовая система...

– Достаточно, – обронил Василий Никифорович, поднимая голову. – Меня ни в чём убеждать не надо. Чего ты хочешь?

– Страна нуждается в твоей помощи, Мастер.

– Я давно не Мастер.

– Мастер – это не звание, это состояние.

– Конкретнее.

– Нужно восстановить команду «Стопкрим» и навести в стране порядок.

Котов хмыкнул.

– Это уже было в моей жизни. Ты обратился не к тому.

– А больше не к кому. Если бы Матвей Соболев был здесь, я обратился бы к нему, но он далеко, до него не докричишься, не дозвонишься и не позовёшь с помощью Иерихонской Трубы. Только ты способен возродить закон.

Василий Никифорович покачал головой.

– У меня другие планы. К тому же я страшный эгоист.

Артур взглянул в лицо собеседника, полускрытое темнотой.

– Раньше ты так не шутил.

– Я страшный эгоист, – повторил Василий Никифорович, раздвинув губы в непонятной усмешке. – Я хочу, чтобы у моих детей, родных и близких всё было хорошо и чтобы они никогда не просили у меня помощи.

Артур сдержал вздох облегчения, улыбнулся.

– Ну, такую лафу судьба вряд ли тебе подарит.

– То-то и оно. От имени кого ты выступаешь? Или это секрет?

Артур помедлил.

– Если ты интересуешься ради продолжения разговора...

– Кого?

– Президента.

На лице Василия Никифоровича не дрогнула ни одна чёрточка.

– У президента достаточно властных рычагов, чтобы навести порядок в стране.

– Он вынужден опираться на государевых людей, а ещё Гоголь говорил: «Никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников»^[3].

– «Стопкрим» в наше время вряд ли просуществует долго, против него ополчатся все имеющиеся силовые структуры, коррумпированные сверху донизу. А магия в нашей реальности не работает, сам же говорил, тхабсом не воспользуешься.

– Работает же как-то Союз Неизвестных, подмявший под себя всю власть в стране.

– Это тебе его иерархи сообщили? – прищурился Котов.

– Это видно по тем процессам в России и за рубежом, которые происходят в наше время. Я дам почитать тебе секретные доклады, поступающие президенту, мы на грани реального уничтожения, причём без всяких ядерных или климатических войн. Концепция управляемого хаоса, разработанная стратегами ЦРУ, внедрена практически во все страны мира и добралась до России. Это ли не доказательство существования Союза Неизвестных?

– Мы ликвидировали Рыкова...

– Свято место пусто не бывает. У него был сын, и он скорее всего связан с Союзом или с его иерархами.

– Им нужна слабая Россия?

– Им нужна сильная Россия без русских. А ещё я убеждён, что идёт война Союзов Неизвестных за абсолютное господство на Земле. Пример – ликвидация Союза Неизвестных Украины в две тысячи тринадцатом году Союзом Неизвестных США. Что случилось, ты знаешь. Да, магия не работает, но в МИРЫ ещё можно попытаться пролезть и овладеть Великими Вещами. Не хочешь разобраться во всём этом безобразии?

– Нет, – твёрдо сказал Василий Никифорович. – С войной покончили мы счёты.

– Бери шинель, пошли домой, – закончил Артур мысль собеседника словами песни. – И всё-таки посмотри материал, узнаешь весьма любопытные вещи.

– Не уверен, что мне это необходимо... прошло слишком много времени, прежнюю команду уже не собрать, да и силы уже не те.

Артур уловил в голосе Котова неуверенность и обрадовался, как подарку: Василий Никифорович допускал мысль о возможности подключения к реализации идеи.

– Помоги, Мастер, Русь гибнет, и это не преувеличение, не попытка националиста заявить о своих претензиях на «незалежность».

Зло недолго раскачивается и приходит в себя после нокаута, оно находит ещё большее количество сторонников.

Василий Никифорович потёр ладонью затылок, глянул на Артура.

– Ничего обещать не буду. Присылай материал, мы посмотрим.

– Мы?

– Я общаюсь с Вахидом, он наш главный теоретик.

Артур достал из кармана куртки прозрачную коробочку с флэшкой.

– Здесь всё, я заранее подготовил.

Василий Никифорович с любопытством повертел коробочку в пальцах.

– Ты и в самом деле представляешь президента?

– Это его идея... точнее, мы оба думали о последствиях, но по-разному. Он вообще хотел создать команду ликвидаторов всякой мрази, кинувшейся с Украины по миру, но этого мало, нужна система. К тому же система должна работать на более высоком уровне, чем когда-то «Стопкрим».

– Это как?

– Никаких бандликов! Ну, или если быть точным, бандлики должны выглядеть естественным стечением обстоятельств. Гибель бандитов и прочих нелюдей, на руках которых много крови, должна быть абсолютно случайной.

– Сбила машина...

– Типа того, нужно разработать целую стратегию с цепочками «случайных» событий, схемы воздействий, процессы, ведущие к ликвидации подонков всех мастей.

Василий Никифорович нахмурился, предаваясь размышлениям. Было видно, что последние слова советника его заинтересовали.

– Для этого нужны математики экстра-класса.

– Не только математики, но и социологи, и эксперты в сфере поведенческих реакций, и психологи, и экстрасенсы, люди с великолепно развитой интуицией.

– Их ещё надо найти.

– А иначе не стоит и начинать, – повторил Артур слова президента. – Я помогу, знаю кое-кого из нужного контингента.

– Ладно, я понял. – Котов открыл дверцу автомобиля. – Ты меня озадачил, советник. Надумаю – позвоню, хотя скорее всего откажусь.

– Буду ждать, – крутанул желваки на щеках Артур.

Котов вылез из машины, сел в свой синий «Визив» и через несколько секунд уехал, мигнув фарами.

Пошёл дождь.

Глава 3. Неизвестные

Уже многие годы дом номер три в Шведском тупике столицы считался самой престижной недвижимостью в России. Квартиры в нём стоили от миллиона до полусотни миллионов долларов, так как стоял он в самом центре, рядом с Кремлём и храмом Христа Спасителя. И проживали в нём очень известные «звёздные» жильцы: глава «Роснефти», руководители самых больших банков России, министры и экс-министры, не считая теневых дельцов и влиятельных особ, приближенных к правительству, окутанных ореолами скандалов и причастности к государственным тайнам.

Все квартиры в этом доме имели сугубо свою планировку под грифом «мегаэлитности», поэтому найти две похожие было невозможно. Разнились они и количеством комнат, и богатыми интерьерами, и качеством мебели.

Валерий Павлович Дубинин, бизнесмен и банкир, бывший адвокат, занимал одну из самых верхних квартир, имевшую пять спален, две гостиные, кухню, совмещённую со столовой на десять персон, два кабинета, СПА-салон (с финской и турецкой банями), бильярдную и большой холл, где тоже можно было сыграть в бильярд или в карты. Квартира имела и отдельный выход в зимний сад, а также лифт в подземную парковку, где у Дубинина стояли три машины: «Мерседес-комфорт», «Майбах» и «Лендровер». Сам он за рулём ездил крайне редко, имея личного водителя и гостранспорт – «БМВ» с джипом охраны.

Все знали этого сорокавосемилетнего человека как банкира и успешного адвоката с большими связями, но очень мало кто догадывался об истинном положении Дубинина, принявшего эстафету от своего предшественника Марата Меринова (он же Рыков) и ставшего анархом – главой Союза Неизвестных России.

Тринадцатого сентября к девяти часам вечера в квартиру Дубинина стали прибывать гости. Все они не играли особых ролей во властных структурах страны, оставаясь в тени, но при любых режимах и любых потрясениях оказывались рядом с теми, кто официально руководил государством, будучи советниками, помощниками,

экспертами, финансовыми обеспечителями и держателями акций. Среди собравшихся лишь двое были министрами – образования и культуры, остальные подвизались на поприще начальников полицейских подразделений, судей, правозащитников, работников силовых структур – СВР и ФСБ, бизнес-менеджеров и руководителей высших учебных заведений. Правда, один из них, ставший вторым человеком после анарха, возвысился до премьер-министра, пройдя лестницу посвящений за двадцать лет от иринарха до диарха, и метил в будущем сменить Дубинина. Остальные иерархи занимали посты в структуре Союза недавно, от силы шесть-семь лет, сменив «старичков», переставших магически влиять на ситуации.

Все эти люди изучали пласты и каскады событий, влияющих на сто сорок миллионов жителей России, и применяли их в своей деятельности тайных «пастухов» государства. Потеряв магические способности, они не потеряли главного – колоссальных амбиций и стремления к абсолютной власти.

Ровно в девять в гостиной для приёма VIP-гостей собрались все иерархи, среднего возраста мужчины, две женщины: породистые полнокровные лица, значительные взгляды, редкие полуулыбки, тихие речи, костюмы и платья «от кутюр», минимум колец, перстней и украшений. Всех их объединяла идея – скрытность деятельности, и каждый носил отличительный знак касты – золотую иголку с миниатюрной головой неведомого зверя, которую почти невозможно было разглядеть без лупы.

Мобильные телефоны все оставили в сейфе холла, как и вообще все гаджеты, хотя апартаменты анарха были оборудованы аппаратурой, глушащей работу любой электроники.

Уникальные стенные часы, сохранившиеся, по легенде, с момента создания их в пятнадцатом веке (поговаривали, что они принадлежали анарху Феофилу, юродивому царя Алексея Михайловича), пробили девять раз, но хозяин апартаментов появился в гостиной с задержкой на три минуты, что давно стало традицией, подчёркивающей занятость этого человека.

Был Дубинин высок, хорошо сложен, плечист, однако голова яйцом и лысина на макушке, делавшие его похожим на самозваного премьер-министра Украины Яйценюка, утонувшего в реке в две тысячи четырнадцатом году, анарха не красили, несмотря на

выражение жёсткой нетерпимости на лице, отбивающее охоту не только спорить с этим господином, но и вообще разговаривать. Главой Союза он стал не в результате общего выбора и магического Посвящения, как того требовал закон, а вследствие замещения – после того как прежний анарх Меринов исчез в «розе реальностей». Ходили слухи, что Меринова уничтожили в «адовых» мирах Шаданакара вместе с творцом человечества – Монархом Тьмы Конкере. Но проверить эти слухи было невозможно, земная «запрещённая реальность» кардинально изменила качества, оперирование мыслью-волей (что и составляло суть магии) стало невозможным, и зам Меринова возглавил Союз, ликвидировав двух-трёх непокорных иерархов, требующих соблюдения процедуры Посвящения, и убедив остальных, что он верховенствует по праву.

Разговоры в гостиной стихли, все с должным вниманием повернулись к хозяину, держа в руках стаканы с соками и чаем; к вину и шампанскому никто не притронулся.

– Прошу к столу, господа, – сказал Дубинин с ноткой нетерпения в жёстком сухом голосе. – К вашим услугам кофемашина, если кто-то хочет поднять тонус. Прохладительные напитки в ассортименте.

Расселись быстро: диарх по правую руку от главы Союза, триарх по левую, остальные по ранжиру. Кофе заказывать никто не стал.

– Плохие новости, господа, – заговорил Валерий Павлович, – потому я вас и собрал внеочередной раз. Но сначала я хотел бы выслушать ответственных за выполнение моих прежних наказов.

Головы присутствующих повернулись к триарху, работавшему в Конституционном суде России заместителем председателя.

Круглолицый толстяк с лицом доброго гоблина заулыбался.

– Задание выполнено, экселенц. На Земле осталось около тысячи модулей иной реальности, но к большинству из них доступа нет. Отловленные нами уцелевшие Хранители умирают, но ключи к ним не отдают. Таким образом, для нас пока закрыт и доступ к Великим Вещам предков.

– Ну и чему же вы радуетесь, Дмитрий Романович? – осведомился молодой дуодецимарх, заведующий подразделением контроля ФСБ. – Прошлый раз вы уверяли всех, что разыщете Великие Вещи, чего бы это ни стоило.

– Я и не отказываюсь от своих слов, любезный Иван Конрадович, – ещё шире заулыбался толстяк. – В своё время прежний анарх Рыков...

– Меринов.

– У него была не одна фамилия. Рыкову... Меринову удалось найти тридцать семь Великих Вещей, которые он якобы спрятал в...

– Тюрьме для героев, – нетерпеливо закончил за коллегу дуодецимарх. – Мы это знаем. Но ведь туда нет дороги. Какой от них толк?

– Сейчас нет, завтра будет. Мои люди кое-что нащупали из того, что было до сих пор скрыто. Есть шанс добраться до МИРов в Екатеринбурге, на Камчатке и в Крыму. Но самое главное, что нам удалось определить местонахождение МИРа, скрывающего доступ к Великий Вещи, известной под названием... – Дмитрий Романович помедлил для вящего эффекта, – «сорок сороков».

В гостинной стало тихо.

Под этим неброским сочетанием слов «сорок сороков» была известна не только легенда о «сорока сороков» московских церквей, но и «самая великая» из Великих Вещей, созданных предшественниками человечества и сохранившихся благодаря Внутреннему Кругу Хранителей. Иногда её называли короче – «сорок» или обозначали числом 40. Эту вещь, способную корректировать реальность в Меру Необходимости – так это и произносили с придыханием, безуспешно искал и Рыков-Меринов, и анархи до него, но так и не смогли приблизиться к тайне её местонахождения.

– Вы не ошибаетесь, третий? – брезгливо заметил пентарх, эксперт Службы внешней разведки. – «Сорок» – миф.

– Когда «сорок» будет у меня, я вам её покажу, – хохотнул триарх.

– Прекрасно, Дмитрий Романович, – усмехнулся Дубинин с иронией. – Мы оценим ваше рвение по достоинству. Олег Николаевич?

– У меня ничего хорошего, – буркнул премьер-министр, чьё мясистое красноватое лицо с набрякшими веками и опухлостями под глазами послужило источником не одной шутки в интернет-сообществе. – Могу сказать с уверенностью лишь одно: президент становится опасен.

– Что такое?

– Мои люди переходят к нему.

– Это не повод для паники.

– Я не паникую, констатирую факт. Он всё чаще тормозит мои решения и вмешивается в работу правительства, отменяя принятые меры. Пора начинать процедуру криптоимпичмента.

Дубинин поморщился.

– Это эмоции, Олег Николаевич, для КИМа нужны весомые причины.

– Я их вскоре представлю.

– Тогда и обсудим проблему. Теперь о главном. – Валерий Павлович налил себе минералки, медленно выцедил. – По моим данным, наши коллеги в США собираются ликвидировать наш Союз. И это не пустая угроза, информация из первых рук, составлен самый сложный план операции, которую поддержал и Евросоюз.

Снова гостиной овладела тишина.

– Но это же бред, – презрительно проговорил самый младший из присутствующих, иерарх провинций. – Мы не появляемся в общественных местах, на телевидении, в местах отдыха...

Дубинин посмотрел на него как на пустое место и не ответил.

– Я тоже не верю, – рокочущим басом заметил тетрарх, курирующий МВД России. – Но кто информирован, тот вооружён. План операции нам доступен?

– Только в общих чертах, наш информатор из Германии погиб, но разведка работает (корректор Службы внешней разведки кивнул). – Тем не менее многое нам известно, вы получите все материалы.

– Предлагаю упредить удар, – сказал декарх.

Присутствующие переглянулись.

– То есть вы, генерал, предлагаете начать войну с американцами? – брюзгливо поджал губы премьер.

– Рано или поздно нам придётся с ними воевать, да и с китайцами тоже. Я предлагаю создать группу особого назначения, которая взялась бы нейтрализовать американский Союз.

Взоры иерархов скрестились на лице Дубинина, на котором отразилась задумчивость.

– Задействовать наш защитный манипул мы не можем.

– Зачем трогать резидентуру и спецназ? Надо создать новую особую группу, о которой никто ничего не будет знать.

– Это долгий процесс, – буркнул тетрарх.

– Когда-то его надо начинать? Если угроза велика...

– Вы сомневаетесь в моих словах, Денис Самуилович? – пренебрежительно скривил губы Дубинин.

– Не сомневаюсь, ни в коем случае, но... кто этим займётся? Наши возможности ограничены.

– У нас уже есть нужная структура, – ухмыльнулся куратор правозащитных организаций. – Купол.

Головы иерархов повернулись к диарху. Куполом, объединившим все криминальные круги России, занимался непосредственно премьер-министр правительства.

– Я свяжусь... с кем надо, – нехотя произнёс Олег Николаевич. – Хотя замечание Дениса Самуиловича меня насторожило. У него ведь тоже немало друзей в Куполе.

– Скажете тоже – друзей, – ощерился тетрарх. – Тамбовские волки им друзья!

– Тут я с вами согласен, – кивнул премьер. – Отбились от рук совсем, хотят власти, сравнимой с нашей, не понимая своего места. Самое плохое, что опираться нам больше не на кого, кроме как на криминал, не чиновников же выводить на Болотную площадь?

– Ищите, Олег Николаевич, предлагайте варианты, мы вас очень внимательно слушаем. Каждый Союз начинает тянуть одеяло на себя, нам нужно поторопиться.

Премьер промолчал. Он и в самом деле не очень надеялся на помощь Купола, который сам же и выпестовал за многие годы участия в аппаратных разборках и бизнес-войнах, но спорить с анархом не хотелось, связи этого человека с масонскими кругами и богатейшими людьми планеты были столь обширны и прочны, что это делало его власть незыблемой.

Совещание Союза Неизвестных закончилось поздно ночью, и премьер поехал домой, хотя ему предлагали остаться в «доброй компании» и поиграть в покер; Дубинин славился своим карточным азартом. Однако Олег Николаевич сослался на усталость и в два часа ночи поднялся на отдельном лифте на самый верх «сталинской высотки», известной старожилам-москвичам как гостиница «Киевская», а нынешней молодёжи – как «Рэдиссон Ройял». Премьер имел не одну квартиру в Москве, не считая двух поместий в Жуковке

и в Сарове, но если он хотел решить какую-то проблему, то выбирал именно эти роскошные, отделанные ценными породами дерева, гранитом и мрамором, фарфором и золотом, апартаменты, не уступавшие по роскоши жилью анарха.

Понежившись в ванной в приятном расслаблении, Олег Николаевич накинул на плечи византийский халат, охлаждающий кожу, расположился в кресле в кабинете перед метровой пластиной монитора и набрал код вызова Конкере, который он узнал много лет назад от тогдашнего анарха Меринова. Однако экран компьютера остался тёмным, алый паучок, похожий на китайский иероглиф цюань – опознавательный символ Конкере, – не вспыхнул в глубине экрана. Слухи о гибели Монарха имели под собой реальную почву, он и в самом деле был уничтожен инфархом в «адовых» мирах «розы», не оставив преемника. А так хотелось иметь за спиной более могущественного покровителя, чем Валерий Павлович Дубинин.

Глотнув коньяку, Олег Николаевич поколдовал над клавиатурой и вызвал главного своего гаранта жизни и свободы, которого побаивался, несмотря на тесные родственные отношения: генпрокурор Леонард Маратович Меринов, сын прежнего анарха Рыкова-Меринова, был женат на родной сестре Олега Николаевича. Но главным достоинством сорокалетнего генерального прокурора были его выдающиеся организаторские способности, позволившие ему объединить все значимые криминальные структуры России и стать во главе Купола.

Компьютерная связь с криптозащитой давала возможность говорить обо всём, даже о самых секретных вещах, поэтому можно было включать скайп и не бояться перехвата, но все иерархи Союза Неизвестных, в том числе и Олег Николаевич, предпочитали не высвечивать своё истинное лицо, отчего собеседник диарха видел перед собой не премьер-министра, а бывшего генсека Брежнева. В свою очередь и генпрокурор прятался за личностью не менее известного бунтаря и поэта – Маяковского, хотя оба знали, с кем имеют дело.

– Привет, поэт поэтов, – сказал премьер-министр.

– Что-то вам не спится, товарищ Брежнев, – ответил генпрокурор. – Почти три часа ночи. Нельзя было дожидаться утра?

– Спать надо на работе, – пошутил диарх, не обратив внимания на тон собеседника. – Вы знаете, дражайший Леонард Маратович, что президент ищет вам замену?

– Это я найду ему замену! – грубо пообещал «Маяковский». – Он меня достал своими придирками.

– Ну, если и следует менять президента, то без излишней суеты, парламентскими методами, типа – заболел и сложил с себя полномочия. Мне он тоже мешает. Но шум нам ни к чему. Вам тоже следовало бы работать поосторожнее, не раздражать общественность лишний раз. На кой вам понадобилось закрыть резонансное дело подмосковных прокуроров? Зачем вы спустили на тормозах дело министров обороны, образования и культуры? Кстати, без обсуждения этой темы со мной?

– Это же ваши конкуренты, – озадаченно проговорил «Маяковский».

– Я бы нашёл способ по-тихому поднять их рейтинг, а теперь придётся начинать целую кампанию. Дружище Леонард, если вы хотите продолжать дело отца и пройти Посвящение, выполняйте мои рекомендации, договорились?

– Давно готов.

– Не совсем. Выполните задание, и мы рассмотрим вашу кандидатуру на пост иерарха.

– Какое задание?

– В ближайшее время нам предстоит схлестнуться с аналогичной организацией Соединённых Штатов, нужна спецгруппа, способная выполнить любую работу. Подчёркиваю – любую!

«Маяковский» помолчал.

– Разве у вас нет своих команд?

– Они могут быть засвечены, нужна группа, которую не знает никто.

– Я понял. Сроки?

– Вчера.

– Хорошо, займусь немедленно.

– И ещё один нюанс: Дмитрий Романович заявил, что он знает, где находится «сорок». Объяснять, что это такое, не надо?

«Маяковский» скорчил глубокомысленную рожу, изображавшую сомнение, покашлял.

- Олег Николаевич, «сорок» – это миф.
 - Вот я и хочу выяснить, миф или не миф. Пошли по следу этого толстого борова своих ищеек, мы можем его опередить.
 - Материал скинете?
 - Никто из твоих крутых «шестёрок» не должен будет знать, что мы ищем.
 - Само собой, займусь лично.
 - Тогда жди, через пару минут pošлю тебе файл.
 - «Маяковский» превратился в струйку дыма, испарился.
- Олег Николаевич посидел перед монитором в оцепенении, прихлёбывая коньяк и посасывая дольку лимона, потом встрепенулся и достал нужную флэшку.

Глава 4. Пересечение

Официально он числился в штате Генпрокуратуры как помощник по специальным вопросам генерального прокурора Меринова. Неофициально все, с кем он имел дело, знали Стаса Котова как решальщика, имевшего карт-бланш на улаживание споров между криминальными кланами и властными структурами Купола.

Каким образом он «выбился в люди», оказавшись в одном лагере с генпрокурором, знал только сам Меринов. Двадцать с лишним лет назад Стас Котов попал под влияние Монарха Тьмы и вместе с тем вёл войну с отцом Леонарда Маратовича за обладание Великими Вещами. Оба они проиграли битву с инфархом и его командой, однако спустя непродолжительное время оказались полезными друг другу и уже не расставались. Став генеральным прокурором по представлению премьер-министра, Меринов и сделал Котова своим подручным, способным решить любой сложный вопрос.

Звонок Меринова раздался в четыре часа ночи.

Стас, всю сознательную жизнь спавший один, не открывая глаз, безошибочно дотянулся до айфона. Пискнул скремблер, отсекающий любую возможность прослушки или записи разговора.

– Я.

– Стас, жду тебя в конторе в восемь, – прогнусавил голос Меринова.

– Слушаюсь, – ответил Котов бесстрастно. Спрашивать, что случилось, было не в его правилах. Если бы человеку, которому он служил, нужно было сообщить причину ранней встречи в Генпрокуратуре (обычно встречи происходили после одиннадцати часов утра или поздно вечером), он бы это сделал.

Не отягощённый никакими воспоминаниями или предчувствиями, Стас уснул после этого звонка почти мгновенно и встал ровно в шесть тридцать, чтобы успеть привести себя в порядок до отъезда. Жил он в Митино, в новой двадцатипятиэтажке бизнес-класса, и добирался до центра Москвы за рулём своего новенького «Мерседеса SLR», хотя, выполняя задания шефа, брал водителя и машину из гаража

Генпрокуратуры, с номером, завидя который инспекторы ДПС брали под козырёк.

Чёрный кофе взбодрил.

Однако, до того как спуститься в гараж, Стас услышал новый звонок и, полагая, что это снова звонит генеральный, собрался отчеканить: уже еду! Но это звонил не Леонард Маратович.

– Стас, не спишь? – раздался в трубке хриловатый знакомый голос.

– Нет, – коротко ответил Котов, испытав разочарование: это звонил полковник Мигайлов из УФМС, который когда-то помог Стасу решить проблему с нелегалами.

– Тут такое дело... на мою даму наехала экологическая полиция...

– Я здесь при чём, полковник?

– Эти мудаки совсем обнаглели, накрыли наше производство!

– Какое производство?

– Я говорил... Белла... моя подруга...

Стас начал терять терпение.

– Короче, я спешу!

– Она пустила на постой родственников мужа, они начали делать спайсы...

– На квартире? – удивился Стас.

– Ну... да...

– И их накрыла полиция.

– Ну, да, у меня всё было схвачено, местные менты прикармлиены, а теперь Белле светит процесс...

– Да ничего ей не будет, поговори с кем надо, я же давал тебе связь с прокуратурой.

– Процесс завертелся, экологи не хотят сдавать назад.

– Мне ты зачем звонишь?

– Реши проблему, как ты умеешь, я отблагодарю. Особенно надо обратить внимание на молодого мента, капитана Котова, чтоб на всю жизнь запомнил!

Стас открыл рот, собираясь сказать, что он такие мелкие проблемы не решает, но, услышав фамилию Котов, сдержался.

– Какого капитана?

– Котов его фамилия, Матвей Васильевич, он удостоверение показал. Служит в Управлении этой их грёбаной полиции на Рогова.

Стас вспомнил бой с командой приёмного отца Василия Никифоровича Котова в «адовых» мирах «розы реальностей», своё поражение, гибель Конкере. Кулаки сжались сами собой. Ему никто из воинов Котова-старшего и сам Василий Никифорович не предъявили ни одного упрёка в служении Монарху, посчитав его запрограммированным Монархом, а не добровольным слугой, и это было правдой, но осадок в душе остался.

После возвращения на Землю пути всех Котовых разошлись, и, только услышав имя, Стас с удивлением подумал, что он ни разу за истекшие двадцать лет не вспомнил человека, взявшего на себя заботу о нем, хотя жил всё время практически рядом, в одном городе.

Матвей Котов... капитан... Матвей Васильевич Котов... не может быть таких совпадений! Это сын Василия Никифоровича, уже не приёмный. Вырос парень, поглядеть бы...

— Хорошо, полковник, я подумаю, что можно сделать.

— Вот спасибо, дружище, век не забуду, — обрадовался Мигайлов. — Он живёт в Измайлове...

— Найду, проанализирую положение и позвоню. — Стас выключил телефон, спустился к машине, размышляя о путях, соединявших человеческие судьбы. В восемь утра он открыл дверь кабинета генпрокурора и вошёл, отбросив посторонние мысли.

Леонард Маратович, не отворачиваясь от экрана компьютера, кивнул на кресло.

— Садись, я быстро.

В облике всех людей, по мнению Стаса, всегда проглядывало что-то звериное, будто природа напоминала человеку, что в его гены заложен весь генофонд земной фауны, хотя при этом предками человека были не древние обезьяны, а тараканы разумные — Блаттоптера сапиенс. Именно их избрал Конкере для изменения формы носителя разума на Земле миллионы лет назад. Тем не менее Стас часто встречал людей, похожих то на свиней, то на собак, то на дичь покрупнее, то на змей, причём не только обликом, но и характером, что его забавляло и удивляло.

Меринов больше всего напоминал крокодила в засаде: у него был вытянутый нос, морщинистое — несмотря на молодость — лицо и маленькие, редко мигающие, тёмные глазки. Недаром его отцом был Рыков, анарх прежнего Союза Неизвестных, тишайший с виду

человечек, обладавший колоссальной силой воли, энергией и властными амбициями. Стоило ему в упор глянуть на собеседника, и тот понимал, что может быть съеден в любой момент! Глядя на Леонарда Маратовича, Стас всегда испытывал внутренний трепет и ждал, что он вдруг при нём начнёт превращаться в аллигатора.

Меринов повернулся к нему; в его тёмные глазки смотреть не рекомендовалось никому: они затягивали, пленяли, зомбировали, подавляли волю. Стас не один раз испытал это на себе.

– Есть работа, – проговорил генпрокурор и он же – маршал Купола, опутавшего всю Россию невидимой паутиной коррупции и криминального беспредела.

– Весь внимание.

– Нужна спецкоманда. – Меринов сжато рассказал о задании, полученном от диарха Союза Неизвестных, куда сам стремился попасть всеми фибрами души. – Возьмёшься?

Стас помолчал, подумав о приёмном отце, который когда-то был комиссаром организации, приводившей в трепет всех нечистых на руку чиновников России. Мысль: а почему бы не предложить возглавить спецкоманду ему? – он отбросил сразу. Котов-старший никогда не согласился бы работать на Купол, с которым вёл беспощадную войну, и уж тем более на Союз Неизвестных.

Впрочем, зачем его информировать об истинной подоплёке создания спецкоманды? – пришла следующая мысль. Ликвидация Союза Неизвестных США – благо для России, на это и надо делать упор.

– Возьмусь, – твёрдо сказал он. – Сроки?

– Вчера, – усмехнулся Меринов. – Это должна быть совершенно секретная команда, не известная ни силовикам, ни нашим партнёрам. Своих парней в неё не бери.

– Витаутас?

– Не надо, у него и без того много забот.

Стас кивнул. Витаутас Бланк был начальником внутренней безопасности Генпрокуратуры, и ему действительно хватало работы.

– Римас?

Леонард Маратович заколебался.

Римас Лумус был его личным телохранителем, известным в криминальных кругах под кличкой Нацист, он мог бы усилить

любую группу, будучи крутым рукопашником и стрелком, но отпускать его Меринову явно не хотелось.

– Я подумаю.

– Разрешите выполнять?

– Не ошибись, – мрачно скривил губы генпрокурор. – Иначе нас обоих отправят в «адовы» миры на перевоспитание, откуда мы уже не вернёмся.

Стас усмехнулся.

– Нам это не грозит, я вам говорил, мы заблокированы от «розы реальностей».

– Ну так подвешат за яйца, – грубо пошутил Меринов.

Стас возражать не стал.

Уже выходя из здания Генпрокуратуры, он снова подумал о странном стечении обстоятельств, соединившем троих Котовых: старшего, среднего и младшего. Что-то в этом было, возбуждающее и тревожное одновременно.

Глава 5. Бог любит троицу

Переодеваясь, он забрался в шкаф, чтобы выбрать рубашку, и наткнулся на коробочку, в которой лежала подаренная отцом давным-давно берестяная – с виду – дудочка. Не удержался, поднёс к губам и дунул.

Гостиную пронзил тонкий печальный звук, всколыхнувший память детства: звук был похож и на посвист ветра в трубе дымохода русской печки, и на крик птицы ночью, и на плач ребёнка.

Матвей погладил дудочку пальцами. Отец уверял, что дудочка на самом деле является Великой Вещью, известной деятелям Внутреннего Круга под названием Иерихонская Труба. Именно с её помощью Артур Суворов, тогдашний воин Закона, и вызвал инфарх, сразившего Монарха Тьмы. Труба создавалась как многомерная суперкомпозиция, способная «встряхнуть» вакуум Вселенной, но благодаря магическим технологиям все её измерения кроме трёх были свёрнуты, и вид она имела берестяной дудочки с четырьмя дырочками. Не верилось, что когда-то издаваемые ею звуки мгновенно заставляли вибрировать космос, достигая границы «розы реальностей».

Матвей ещё раз погладил трубочку пальцем, аккуратно уложил в коробку и спрятал в ящик стола, подумав, что она не зря попала на глаза. Шанс на пробуждение Великих Вещей существовал, хотя инфарх и вморозил в ткань мира закон запрета магии, то бишь мысленно-волевого оперирования. Он посчитал, что Фундаментальная Реальность, ставшая «запрещённой» из-за негативного развития разума на Земле, отрицавшего по большей части «божественные законы», не позволит носителю разума – человеку уничтожить эту самую реальность.

А так хотелось получить возможности, открывающие удивительные перспективы и неведомые дали. К примеру, Матвей с большим удовольствием пользовался бы тхабсом, представляющим собой способ перемещаться по Земле и в космосе, посетить другие планеты Солнечной системы и другие галактики.

Шестнадцатого сентября, понедельник, желания работать нет, кажется, что жизнь сводится только к изучению СанПиНов, анализу загрязнений города, беседам с заявителями и оперативным мероприятиям по разьяснению нарушителям закона прав их оппонентов. Большинство из них привыкло жить так, будто, кроме них, никого не существует, и они искренне удивлялись, если их упрекали в нарушении спокойствия соседей. Но если прикинуть масштабы «войны с грязью», то понимаешь, что эта работа не менее важна, чем борьба с криминалом.

В обед Матвея вызвал к себе начальник Управления.

Он был озабочен и потому рассеян больше, чем обычно. На Матвея он взглянул только раз, уткнувшись оцепеневшим взглядом в разложенные по столу фотографии и документы.

– Что у вас там произошло, капитан?

– Где? – не понял Матвей.

– На Театральной.

– Ничего особенного, задержали наркоповаров... квартиру уже дезодорировали... я докладывал.

– Хозяйка накатала телегу в УВД Центрального округа, её поддержал полковник Мигайлов из УФМС.

Матвей вспомнил мордатого друга Беллы Семёновны, пытавшегося отнять протокол задержания квартирантов подруги.

– Я действовал строго по инструкции, Паша может подтвердить... лейтенант Редькович.

– Заявительница утверждает, что вы сломали замок квартиры и при обыске украли драгоценности.

– Бред, – недоверчиво улыбнулся Матвей, – никакого обыска не было, понятые всё видели.

– Тебе придётся после работы поехать туда и разобраться. Лучше всего, если понятые согласятся подписать ещё одну бумагу.

– Да в чём дело? – удивился Матвей. – Вы же меня не первый год знаете, я никогда не нарушаю законы.

– Мне позвонили оттуда, – палец Пацюка указал на потолок; на подчинённого он по-прежнему не смотрел. – Этот Мигайлов имеет в приятелях большую шишку с погонами в министерстве, с ним лучше не связываться. Но если ты не хочешь уладить дело миром...

Матвей хотел отказаться от поездки, не чувствуя за собой никакой вины, однако вспомнил встречу с незнакомкой в форме подполковника юстиции и круто изменил решение.

– Хорошо, я съезжу. Но извиняться не буду!

– Не добавляй мне хлопот, – проворчал начальник Управления. – Попробуй дипломатично объяснить хозяйке наши обязанности.

– Разрешите идти? – сделал оловянное лицо Матвей.

Пацюк почувствовал состояние капитана, бросил на него рассеянный взгляд, но продолжать разговор не стал, решая какую-то сложную проблему. Не до эмоций подчинённого ему было.

– Получил нагоняй? – осведомился Паша Редькович, увидев лицо начальника отдела.

– Придётся ехать на объект, – вздохнул Матвей, чувствуя сладостное предвкушение от предстоящей встречи с прекрасной незнакомкой. Хотя гарантировать встречу ему никто не мог, были только смутные надежды да интуиция, что всё в этой жизни делается не зря.

– Возьми меня с собой.

– Нет, поеду один, – сказал Матвей, вовремя сообразив, что лейтенант может помешать знакомству с девушкой в форме подполковника. – Занимайся своими делами.

День прошёл в привычных хлопотах.

В семь часов вечера Матвей поехал на Театральную улицу, остановил машину напротив дома номер три, не заезжая во двор, и направился по знакомому адресу, разглядывая попадавшихся на пути пешеходов. Однако надежда встретить незнакомку не сбылась, скорее всего подполковник юстиции заканчивала работу позже и появлялась дома к ночи, поэтому надо было настраивать себя на долгое ожидание.

Прежде чем зайти в квартиру госпожи Христенко, он обошёл соседние квартиры и попросил жильцов, сыгравших роль понятых, помочь ему в случае необходимости: подтвердить задержание «наркоповаров» и отсутствие злого умысла в действиях экологической полиции. Жильцы сообщили ему номера мобильных телефонов, и, вооружённый их поддержкой, Матвей позвонил в дверь злополучной квартиры, казалось, ещё источавшую зловоние готовящихся там курительных смесей.

Открыли через пару минут. Молодой человек в коричневой кожаной куртке, который сопровождал полковника УФС в прошлый раз, смерил гостя взглядом, мотнул головой внутрь прихожей.

– Проходи.

Матвей шагнул в прихожую, хотел снять туфли, но заметил, что парень в куртке стоит в кроссовках, и проследовал в гостиную не разуваясь.

Он ожидал увидеть хозяйку и полковника, но в комнате находились только мужчины – аж четверо: два крутоплечих качка с квадратными лицами и пустыми глазами, мужчина постарше, лет сорока, сухолицый, седоватый, невозмутимый, одетый в модный тёмно-серый костюм «флирт» с бахромой по швам, и полковник Мигайлов, мясистое лицо которого выражало презрительное высокомерие. Полковник стоял у искусственного камина, держа в руке мобильный телефон. Качки располагались слева и справа от него, олицетворяя собой боевое охранение. Мужчина в сером сидел в кресле, закинув ногу на ногу.

– Добрый вечер, – сказал Матвей нейтральным тоном, ощущая морозный сквознячок опасности, исходивший от сидящего незнакомца.

Взгляды, устремившиеся на него, благожелательными назвать было трудно, скорее – изучающими и прицеливающимися; так смотрят на муху, собираясь её прихлопнуть.

Мигайлов покосился на сидевшего, но тот никак не отреагировал на его взгляд, и полковник сказал:

– Капитан, тебе никто не говорил, что ты суёшь нос не в свои дела?

– Вы первый, товарищ полковник, – вежливо ответил Матвей. – Меня послали побеседовать с хозяйкой...

– Здесь я хозяин!

– Меня послали побеседовать с хозяйкой, – терпеливо повторил Матвей, – но поскольку её нет, разрешите откланяться.

Он повернулся к двери... и наткнулся на парня в кожаной куртке, в глазах которого мерцал нехороший огонёк.

– Дай ему по морде, лейтенант, чтоб знал, как надо разговаривать со старшими по званию.

Матвей не собирался драться. В голову не приходило, что защитники правопорядка при свидетелях могут действовать как натуральные бандиты. Поэтому потребовалось какое-то время, чтобы понять: с ним это происходит наяву! Однако много времени на размышления ему не дали, парень в куртке умело врезал ему кулаком в подбородок сбоку, понимая толк в скрытности удара. Но...

Матвей удар хоть и не увидел, зато почуял намерение лейтенанта, и это сдвинуло его психику в ту сферу реагирования, которая была доступна очень незначительному количеству людей, в том числе тренированных; он же с этими способностями родился, а тренировки отца только отточили их и довели до состояния рефлексивности. Сознание в экстремальной боевой ситуации – что в физическом плане, что в психическом – не участвовало, тело само адекватно реагировало на действия противника, используя навыки «техники превосходства» на уровне «готового результата». Эта практика была основана на темпе – принципе резкого ускорения скорости движений, создающем пространство адекватного ответа для любых ситуаций, и это умение ценилось адептами боевых искусств выше любых воинских умений.

Кулак лейтенанта только скользнул по скуле Матвея, так же гладко, как плоский камешек, отразившийся от поверхности воды. Его это не остановило, и следующие удары прошли двойкой: кулак левой в печень – правое колено в пах.

Но Матвей уже сориентировался в пространстве и легко, без усилий откружился от ударов, пропустил их мимо себя, в миллиметре, так что показалось, что они достигли цели.

Однако он остался стоять, в то время как парня в куртке занесло: инерция удара коленом буквально развернула его и заставила проделать дополнительный шаг, чтобы удержать равновесие.

Зрители замерли.

Сидящий в кресле мужчина хмыкнул.

Парень в куртке с удивлением посмотрел на Матвея.

– Послушайте, уважаемые, – с холодной учтивостью сказал капитан, – я таких шуток не понимаю. А когда я чего-нибудь не понимаю, то злюсь, что чревато последствиями. Поэтому прошу думать и только потом предпринимать какие-то меры.

Полковник нахмурился.

Его спутник понял это как приказ действовать и прыгнул к Матвею в манере «а-ля Ван Дамм», довольно умело демонстрируя «камертон» – приём, при котором стопа нападающего вибрирует и наносит удары влево-вправо по голове противника.

Приём не прошёл, Матвей снова выкрутил себя по спирали с вектора атаки и мог бы одним ударом отправить парня в нокаут, но не стал этого делать, просто обтёк его змеиным движением, как струя воды – камень.

– Bravo, – дважды хлопнул в ладоши мужчина в кресле.

– Куцов! – недовольно бросил Мигайлов.

Лейтенант, побледневший от злости, вытащил пистолет.

Матвей понял, что его предупреждение не добралось до мозга полковника, собравшегося во что бы то ни стало проучить строптивого капитана экологической полиции.

Но до боевого контакта дело не дошло.

– Остынь, полковник, – встал мужчина в бахромчатом костюме. – Если он ответит, мало не покажется. Узнаю стиль *абхисамадхи*, а им в мире владеют лишь адепты Круга. Не так ли, Котов-младший? Честно говоря, не ожидал встретить.

– Кто вы? – исподлобья посмотрел на седого Матвей.

– Стас Котов, – усмехнулся незнакомец. – В каком-то смысле твой брат, хотя я на самом деле приёмный сын твоего отца. Он тебе обо мне рассказывал?

– Воин Закона, – пробормотал Матвей, ошеломлённый известием.

Седой снова усмехнулся, по-особому изогнув губы, как бы тонко подчёркивая ироническое отношение к происходящему. В этой улыбке особым образом соединились гордость, сожаление и угроза.

– Это было очень давно.

– Станислав Васильевич, – опомнился полковник, – вы же хотели с ним разобраться.

– Чем я и занимаюсь, – небрежно бросил Стас. – Он пойдёт со мной, всего хорошего.

– Но...

– Потом созвонимся. – Стас направился к двери. – Пошли, братишка, поговорим.

– У меня другие планы, – ровным голосом проговорил Матвей, приходя в себя. Отец действительно много рассказывал ему о старшем

брате, но до сих пор они не встречались.

Стас оглянулся.

Его скалоподобные спутники шагнули к Матвею.

Он с сомнением посмотрел на них, готовый к любому противодействию.

– Отставить, – спокойно сказал Стас. – Идите к машине.

Здоровяки, буквально топорщившиеся от выпиравших мышц, повиновались беспрекословно, скрылись за дверью.

– Идём, нам и в самом деле есть о чём поговорить.

Матвей поймал себя на мысли, что ему интересен разговор с «братом», и колебаться больше не стал. «Учить» его не совать нос в чужие дела никто больше не собирался.

Вышли из квартиры Беллы Семёновны, оставив озадаченных таким поворотом событий полковника Мигайлова и его подручного. Сели в чёрный «Рэндж Ровер», возле которого топтались клевреты Стаса Котова.

– Я знаю, что ты инспектор СЭП, – начал Стас.

– Начальник отдела, – уточнил Матвей.

Усмешка Стаса не заставила себя долго ждать.

– Большая шишка. Сам выбирал профессию или отец посоветовал?

– Это имеет значение?

– В принципе не имеет, просто любопытно. Я видел, как ты движешься. ПАО, ШАО, «барс-змея»^[4] и всё такое прочее. Отец обучил?

Матвей сжал зубы.

– Говорите по делу. О чём вы хотели побеседовать?

– Узнаю манеру Никифоровича, – улыбнулся Стас. – Точность, деловитость, ничего лишнего, выдержка, движение к цели, быка за рога. Хорошо, не буду отвлекаться. Он рассказывал тебе о последнем бое с Конкере? Ты вообще в курсе того, кто он на самом деле? Во всяком случае – был?

Вопрос всколыхнул бездны памяти, но Матвей постарался сохранить невозмутимый вид.

– Чего вы хотите?

– Обращайся ко мне на «ты», мы всё же братья, хоть и сводные. Значит, я понял, ты в курсе. И о том, что инфарх изолировал

«материнскую реальность», ты тоже знаешь. А о деятельности Союзов Неизвестных отец рассказывал?

Матвей боднул лбом воздух.

– Допустим.

– В таком случае мне будет проще объяснить ситуацию. Союзы Неизвестных никуда не делись, хотя и потеряли магический потенциал и возможность напрямую влиять на социум. Один из них вознамерился добиться абсолютного превосходства, а именно – Союз США. Он уже начал использовать не прямые способы внедрения идеологии в общественное сознание России. Если он этого добьётся, Россия вообще исчезнет с карты Земли как государство. Не хочешь поучаствовать в противостоянии этим замыслам?

Матвей с проснувшимся интересом посмотрел на собеседника.

– Вы что же, представляете Союз Неизвестных России?

– К сожалению, до Союза мне далеко, я представляю некую структуру, которая печётся о благе России, – Стас раздвинул губы шире, что должно было играть роль улыбки, – и её народа.

– ФСБ, что ли?

– ФСБ всего лишь охрана государства.

– Президент?

– Он гарант Конституции, опирающийся на известные силовые структуры. В нашем случае у него нет реальных рычагов воздействия на ситуацию в стране. За почти тридцать лет со времени распада СССР ни один президент или генсек не смог остановить развала государства. «Стопкрим», о котором ты наверняка слышал от отца, начал наводить ужас на коррумпированных чиновников, но он самораспустился, и теперь мы имеем глубоко эшелонированную криминальную структуру, пронизывающую весь российский социум. Организация, которой я служу, и призвана начать перестройку.

– Я вам зачем нужен?

– Мы создаём команду для ликвидации забугорных Союзов Неизвестных, залезших в наш огород. Это они разрушили СССР, они расчленили Европу, разъединили Украину, лезут в Белоруссию и Казахстан, начали демонтаж Евразийского Союза, наводнили Дальний Восток китайцами... перечислять можно долго. С этим надо бороться. Пойдёшь к нам?

Матвей покачал головой, ища в словах брата негативный смысл. Политикой он не занимался, лишь изредка в беседах с отцом затрагивал острые темы, да и то легко, без особого анализа событий и оценки политических дискуссий. Но всё, что он слышал от отца, вполне соответствовало и речи Стаса.

– Мне надо посоветоваться... с отцом.

По губам собеседника проскользнула издевательски-неодобрительная усмешка.

– Кажется, я в тебе ошибся. Про таких говорят – молоко на губах не обсохло. Тебе сколько стукнуло?

Матвей почувствовал, как вспыхнули уши.

– Двадцать два... я сам решаю... свои проблемы.

– Сколько тебе нужно времени на обдумывание?

– Ваших слов недостаточно.

– Вот те раз, как это понимать? Я в чём-то ошибся?

– Нет, но...

– Хорошо, давай поступим иначе, я познакомлю тебя с моим шефом. Завтра утром устроит?

Матвей снова чуть не ляпнул: я поговорю с отцом, – но вовремя прикусил язык.

– Лучше после одиннадцати.

– Договорились, подъезжай к Генпрокуратуре в двенадцать, адрес знаешь?

– Большая Дмитровка, пятнадцать.

– Я тебя встречу. – Стас протянул руку. – Созвонимся. Отцу пока ничего не говори, хотя я рассчитываю и на него. Было бы славно, если бы он сам и его люди подключились к нам.

Матвей хотел сказать, что отец давно отошёл от дел, связанных со «Стопкримом», но сдержался и на этот раз.

– Я позвоню. – Он вылез из машины.

Спутники Стаса сунулись в джип, и он тотчас же уехал.

Матвей проводил его затуманенными глазами, не сразу возвращаясь к действительности, потом вспомнил, что лелеял надежду встретить незнакомку. Огляделся, всматриваясь в лица прохожих, кинул взгляд на окна квартиры Беллы Семёновны.

На город опустилась ночь, в домах всё больше зажигались окна. Похолодало.

Из подъезда со смехом выбежала компания молодёжи, за ними степенно выбрался полковник Мигайлов, цедя что-то сквозь зубы своему подчинённому. Матвея, стоявшего за шеренгой припаркованных машин, они, к счастью, не заметили, прошествовали мимо.

У Матвея отлегло от сердца, он вышел со двора на улицу, сел в свой серебристый автомобиль и стал ждать появления белого кроссовера «Лексус», который должен был подвезти незнакомку.

Однако терпения хватило всего на один час. Пришла неуютная мысль, что он действует как четырнадцатилетний пацан (молоко на губах не обсохло, вспомнилась фраза брата), а не взрослый мужик, и руки сами потянулись к рулю. Гарантий, что девушка-юрист приедет домой до ночи, не было, искать её надо было иначе, через файлы Министерства юстиции, чтобы убедиться, что она действительно проживает в этом доме.

В свою квартиру Матвей вошёл ровно в двенадцать часов ночи.

Ещё через полчаса, приняв душ и глотнув чаю, с лёгкой душой лёг спать, веря в свою счастливую звезду.

Поставить машину рядом со зданием Генеральной прокуратуры, украшенным колоннадой, не удалось, Матвей с трудом нашёл местечко в Крапивном переулке, в сотне метров от «обители закона», не раз попадавшей на страницы газет в разделы скандальной хроники. Тем не менее на встречу со Стасом он не опоздал, прибыл к калитке в красивом резном заборе из чёрных металлических пик минута в минуту.

Стас появился рядом как привидение. Пожал руку, кивнул охраннику на входе как старому знакомому и повёл спутника на второй этаж здания по широкой мраморной лестнице, накрытой толстым красно-коричневым ковром. Уже выходя наверх, Матвей едва не столкнулся с женщиной, начавшей спускаться, поднял глаза и обомлел. На него смотрела та самая незнакомка в форме подполковника, которую он ждал вчера у дома Беллы Семёновны.

— Вы?! — возглас вырвался сам собой, помимо воли, и Матвей покраснел, понимая, что выглядит смешным. — Извините...

— Бывает, — улыбнулась женщина, окинув его оценивающе-заинтересованным взглядом; в глазах её всплыли насмешливые искорки.

Он задержался, но незнакомка легко сбежала вниз, не обратив внимания на поднимавшегося следом Стаса, и скрылась за входной дверью.

Стас внимательно посмотрел ей вслед, перевёл взгляд на капитана.

– Вы знакомы?

– Да... н-нет, – очнулся Матвей, – я видел её мельком... пару дней назад, поздно вечером. Она здесь работает? Кто это?

– Недавно переведена в штат прокуратуры из Юракадемии, её прочат в заместители генерального. Зовут Дива, Дива Соболева.

– Дива? – повторил Матвей, обрадованный тем, что теперь он может не торчать у подъезда девушки в надежде встретить и познакомиться. – Редкое имя.

Фамилию Соболева он пропустил мимо ушей, хотя она могла многое ему напомнить.

– Так ты встречался с ней, где?

– Она живёт на Театральной, там же, где... – Матвей с трудом остановил язык.

Но Стас и так всё понял.

– Где живёт и подруга этого козла Мигайлова. Я лично не знал, где она обитает. Идём, не останавливаясь, нас ждут.

Подшли к кабинету с табличкой: «Генеральный прокурор Российской Федерации Меринов Л. М.». Стас потянул дверь за позолоченную фигурную ручку, оба прошли в приёмную, помпезно отделанную лепниной и ценными породами дерева.

За столом сидел секретарь – прилизанный молодой человек в белой рубашке с короткими рукавами и чёрным галстуком. Он посмотрел на вошедших, кивнул на дверь шефа, не особенно приглядываясь ко второму гостю.

– Леонард Маратович ждёт.

Стас, не отвечая, открыл дверь кабинета генпрокурора, пропустил Матвея, вошёл сам.

– Разрешите?

Хозяин кабинета разговаривал с кем-то по мобильному телефону, стоя у окна. Он был невысок, крепок, жилист, по-спортивному подтянут, но, глянув на его морщинистое тяжёлое лицо с темными глазками, Матвей испытал разочарование. Он ожидал увидеть

государственного деятеля большого масштаба, солидного и основательного, кого-то наподобие Брежнева или Иосифа Виссарионовича. Нынешний генпрокурор был слишком молод, по его мнению. Всё-таки руководителями такого уровня должны были становиться мощные умы и серьёзнейшие политики.

– Садитесь, – указал пальцем на стол Меринов, выслушал абонента, бросил: – Чтоб завтра всё было выполнено! – и занял своё массивное резное кресло, обратив лицо к Стасу. – Он в курсе?

– В общих чертах. Я обрисовал ему ситуацию, товарищ проникся. К тому же у него есть дополнительные козыри: его отец двадцать лет назад возглавлял «Стопкрим».

В глазах генерального прокурора мелькнули колющие огоньки.

– Интересно девки пляшут. Ты понимаешь, чем это всё может закончиться?

– Всё под контролем, босс.

– Он знает... об отце?

– Знает.

– И как ты собираешься его использовать?

Последнее слово Меринова покорило Матвея, и он уже собрался обратить внимание брата на свою независимость, но тот его опередил:

– В будущем он станет командиром группы. Парень молодой, конечно, однако хорошо обучен и подготовлен. Возможно даже, мы обратимся и к его отцу, опыт которого бесценен.

По губам прокурора прозмеилась странная усмешка, будто в словах помощника он уловил некий скрытый, понятный только им обоим смысл.

– Что ж, ответственность на тебе. Итак, молодой человек, вы согласны работать с нами?

– Я не получил всей информации, – упрямо заявил Матвей. – Мне дали общие представления об угрозе, но этого мало. Я хочу знать все детали и только после этого приму решение.

Меринов изломил бровь, с сомнением посмотрел на Стаса.

– Он понимает, с кем имеет дело?

Котов-средний обозначил улыбку.

– Вероятно, я не смог ему это объяснить. Разрешите ввести товарища в программу?

– Чтобы он потом сам принял решение? – Слово «сам» генпрокурор выделил тоном.

– Он примет нужное решение. – Стас тоже выделил слово «нужное», прозвучавшее с небрежной уверенностью.

– Хорошо, ты знаешь, что делать. – Меринов отвернулся, снова поднёс к уху трубку айфона.

– За мной, – сказал Стас, поднимаясь.

В коридоре Матвей наконец сформулировал свой протест, родившийся ещё в кабинете генпрокурора при обмене репликами:

– Я не давал вам права решать за меня.

– Никто и не решает, не драматизируй трагедию, – отмахнулся Стас снисходительно. – Просто ты не вник в проблему. Тебя не кто-нибудь приглашает в нашу компанию, а сам генеральный прокурор! Оцени масштаб.

– Я не... наёмник... и не судья...

– Тебя никто не собирается использовать как наёмника или киллера. Ликвидация американского Союза – удел спецкоманды. У тебя будет задача поважнее.

Матвей помолчал, кидая взгляды по сторонам в надежде ещё раз увидеть незнакомку с удивительным именем Дива. На душе копилась смута, интуиция подсказывала не связываться с компанией генерального прокурора, несмотря на очевидную убедительность цели её деятельности, но уж очень хотелось выглядеть самостоятельным в глазах «брата» и очень хотелось повидаться с Дивой не в служебной обстановке.

Стас остановился перед дверью с номером 10, открыл, пропуская спутника.

Они вошли.

Это была небольшая комната для переговоров, где стоял овальный деревянный стол и вокруг него с десятков стульев.

– Что ты знаешь о МИРах?

Матвей повернулся к проводнику. Стас смотрел на него с весёлым снисходительным прищуром, хотя в глазах его то и дело всплывали искры сомнений.

– Садись.

Матвей выбрал стул, сел.

– МИРЫ... модули иной реальности... построены ещё нашими предками – инсектами.

– Не только инсектами, сохранились МИРЫ, созданные их предками и даже Аморфами.

– Не может быть, – сказал Матвей недоверчиво.

– Отец тебе не рассказывал?

– Нет.

– А я их посещал в своё время.

– Доступ к ним закрыт. – Матвей хотел добавить, что отец показывал ему один МИР, созданный инсектами, но Стас опередил его.

– Кто это тебе сказал? Если отец, то он, очевидно, давно не контактировал с Хранителями. В Москве, а точнее, под Москвой располагается более полусотни МИРОВ, в своё время я побывал почти во всех и видел МИР, созданный Аморфом Нун. Но не это главное, ты можешь поучаствовать вместе с командой в исследовании новых МИРОВ, в Крыму и в Екатеринбурге. Но это информация только для тех, кто с нами. Перед тобой откроется целая Вселенная! Откажешься?

Матвей облизнул пересохшие губы. Отказываться он не собирался.

– Давайте... всю информацию...

– Упрямец, – улыбнулся Стас с долей уважения. – Узнаю хватку отца, он тоже требовал полных данных об объекте, прежде чем принять решение. Что ж, слушай.

Стас говорил больше часа, приводил примеры, называл имена и фамилии, рассказывал случаи вмешательства Союза Неизвестных США в жизнь Европы, бывших советских республик и России. О Куполе он не сказал ни слова, зная, что младший Котов не стал бы ни за какие награды работать на структуру, с которой воевал отец.

– Итак, что скажешь?

– Я... с вами, – выговорил Матвей, подавив внутреннюю неуверенность в правильности решения.

Перед его мысленным взором уже вырисовывалась величественная архитектурная композиция МИРА, созданного разумными насекомыми...

Глава 6. Старики-разбойники

Материал, переданный Василию Никифоровичу Артуром, оказался и в самом деле прелюбопытным. В нём была не только развёрнута картина жуткого криминального беспредела, царившего в стране благодаря деятельности окрепшего Купола, содержалось не только досье на всю нынешнюю властную номенклатуру, но и давались сведения о развёрнутой в полный профиль «пятой колонне» в России – организациях, финансируемых из-за рубежа, либералов, правозащитников и журналистов, а также о формировании общего внеправового поля под названием «управляемый хаос».

С Куполом Василий Никифорович уже встречался в бытность свою комиссаром «Стопкрима», но это было двадцать с лишним лет назад, и после уничтожения Монарха Тьмы и его воинства казалось, что Купол исчезнет вместе с коррумпированным слоем чиновников. Оказалось, он не исчез, перестроился, забрался глубже в тень, прибрал к рукам и Госдуму, и правительство, и администрацию президента, решая за него общегосударственные задачи – с выгодой для себя, естественно, где надо спокойно вытирая ноги об это самое государство. Президент бил тревогу не зря: Россия медленно, но верно превращалась в испытательный полигон национального самоуничтожения, в питательную среду хаоса, куда стекались реки мракобесия и сатанизма.

Думать об этом было неприятно. Искатель приключений, каким Василий Никифорович был в молодости, служа в контрразведке, в спецназе ФСБ и даже в «Стопкриме», давно растворился в рутине жизни. После боя инфарха, которым стал Матвей Соболев, с Конкере магические возможности посвящённых в дела Внутреннего Круга истаяли, тхабсом, свободно переносящим адептов Круга в иные миры, пользоваться было уже нельзя, и Василий Никифорович сосредоточился на внутреннем созерцании, а после рождения детей и вовсе окунулся с головой в семейную жизнь, получая от этого неизъяснимую радость и удовольствие.

Возвращаться на Путь Воина, в жизнь, полную опасностей, тревог и переживаний, не хотелось смертельно.

И всё же сведения, добытые бывшим Воином Закона Артуром Суворовым, требовали размышлений и обсуждения, отмахнуться от них было нельзя, поэтому, помаявшись два дня наедине с самим собой, Василий Никифорович вечером восемнадцатого сентября, после тренировки, позвонил Самандару и сообщил, что хочет встретиться.

– Так подъезжай, если есть время, – предложил бывший комиссар «Стопкрима», главный его теоретик, исследователь и философ. – Надеюсь, ничего плохого не случилось?

– Ко мне Артур заходил.

– Ага... Суворов?

– Он сейчас советник президента по нацбезопасности.

– Ага... растёт парень. Что он сказал?

– Поговорим, буду у тебя через час.

Василий Никифорович тронул машину с места, не обратив внимания на мужчину, прогуливающегося возле парковки. На вид мужчине было лет пятьдесят, у него были короткие седые волосы ёжиком и янтарно-светящиеся глаза. Если бы Василий Никифорович оглянулся, то увидел бы, что мужчина остановился и смотрит вслед отъехавшему джипу Котова.

Вахид Тожиевич Самандар за истекшие двадцать лет поменял не одно место жительства и в настоящий момент проживал в небольшом коттедже в девяти километрах от МКАД, в посёлке под названием «Белые росы». Василий Никифорович изредка встречался с ним здесь, хотя при подъезде вдруг подумал, что последний раз в «Белых росах» был год назад.

Коттедж Самандара не поражал ни размерами, ни высоким забором, ни интерьером, ни мебелью или качеством отделки комнат. Стандартный коттеджик общей площадью сто сорок квадратных метров, окружённый соснами и берёзами. Ничего лишнего снаружи: Вахид Тожиевич не занимался сельским хозяйством и цветов на участке не разводил. Ничего лишнего внутри: две спальни – одна себе, другая гостям, веранда, туалет, кухня, небольшая гостиная, душевая. Плюс кабинет-библиотека, в котором хозяин проводил большую часть свободного времени.

В Самандаре счастливо уживались две крайности – мыслитель и человек действия. Он был дважды женат, но жёны не выдерживали его образа жизни, и последние лет пятнадцать Вахид Тожиевич жил

один, изредка встречаясь с представительницами противоположного пола, по большей части – для светских бесед. Это был настоящий учёный, о которых уважительно говорят «яйцеголовый», с задатками экстрасенса и большим знанием древних воинских искусств, что делало его исключительным мастером рукопашного боя и Мастером Внутреннего Круга, способным одинаково успешно прочитать лекцию по астрофизике или продемонстрировать приём из арсенала «неотбиваемых».

Что касается знания приёмов – Василий Никифорович занимался рукопашным боем с молодых ногтей и был не слабее Самандара и шире в диапазоне, так как практиковал универсальные техники единоборств, известные ещё предкам человечества. Завидовал он больше изощрённости ума Вахида Тожиевича, который мог свободно беседовать как с эзком, так и с учёным с мировым именем.

Уже более двадцати лет он совершенствовал теорию «бунта» Монарха Тьмы против своих родичей – Аморфов, пользуясь данными Внутреннего Круга, созданного задолго до появления на Земле вида homo sapiens, и преуспел в этом настолько, что даже Хранители древнейших артефактов прежних цивилизаций – модулей иной реальности (МИРов) и Великих Вещей – считались с мнением Самандара.

Кроме того, Вахид Тожиевич занимался ещё множеством других проблем и теорий, таких как квантово-механические модели «жизнь – не жизнь», нелинейные логики, масштабные состояния вакуума типа «разум – инстинкт», постразумные структуры и многими другими, и во всём был убедителен, а то и прав.

Гостя он встретил у ворот, освещённых узким лучом света от специального фонаря, видимого только водителю подъехавшего автомобиля. На бывшем комиссаре «Стопкрима» были серые полотняные штаны и голубая футболка с замысловатым китайским иероглифом сюньцай на груди. Выглядел он в этом наряде как гастарбайтер на отдыхе.

– Ты один? – спросил Василий Никифорович.

– В настоящий момент с тобой, – уточнил Самандар.

– Я имел в виду...

– Мне и одному хорошо. – Вахид Тожиевич понимающе улыбнулся. – Вторую Ульяну найти не удалось. С другой стороны, как

говорил Лабрюйер: «*Ce grand malheur, de ne pouvoir être seul*».

– Переведи, я во французском не силен.

– Великое несчастье – не иметь возможности побыть наедине с самим собой.

– Мы не так уж часто и встречаемся.

– К слову пришлось.

– Заведи кота... или собаку, будет с кем вести философские беседы.

– Обойдусь, за ними ухаживать надо, а я привык, чтобы за мной ухаживали.

– Барин.

– А то. Хвоста за собой не привёл? – пошутил Самандар, черноволосый – ни единого седого волоска, крепкий, смуглолицый; годы на него практически не действовали.

– Есть основания? – оглянулся на освещённую фонарями улицу Василий Никифорович.

– Утром сегодня показалось, что за моей «Маздой» едет серая «Мазератти».

– Шпики на «Мазераттях» не ездят. Я помню только одного человека, который гонял на таких машинах.

– Граф.

– Горшин. Интересно, где он сейчас? Ты не знаешь?

– Правая рука инфарха, дважды погибший, дважды воскресший... дорого я бы дал, чтобы знать, где он сейчас.

– И что с «Мазератти»?

– Ложная тревога, я проверил, а червячок остался. Почему-то кажется, что за домом кто-то наблюдает.

Василий Никифорович подумал об Артуре, но почти сразу отбросил предположение. Суворов не стал бы таиться, имея задание президента, наблюдать за домом бывшего соратника, а сразу пришёл бы в гости.

– Кому мы нужны, отошедшие от дел?

– Не скажи, мы ещё очень можем поразбойничать, – хохотнул Самандар, провожая гостя в дом.

– Старики-разбойники. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.

– Не философствуй, это дозволено только мне. Вдруг кто-то о нас вспомнил, как Артур?

– Кто?

– Инфарх.

– Ну да, двадцать лет не вспоминал, а теперь вдруг ни с того ни с сего решил проверить, годимся мы на что-нибудь или нет.

– Всё выяснится рано или поздно.

Василий Никифорович невольно усмехнулся, подумав о жизненном опыте друга, позволявшем ему делать правильные выводы. Интуиция у Самандара никогда не дремала, он чувствовал подвижки тонких пси-полей вокруг даже после потери магического дара.

– Чай? – спросил хозяин, останавливаясь на пороге гостиной, освещённой только коричневым шёлковым торшером в углу.

– С мятой, – добавил Василий Никифорович, усаживаясь в мягкое плюшевое кресло с удобными подлокотниками.

Чай пили не торопясь, обмениваясь репликами о погоде и вспоминая общих знакомых. Потом Вахид Тожиевич спросил:

– И что Артуру было нужно от тебя?

– Ты следишь за обстановкой в стране? – вопросом на вопрос ответил Котов.

– По мере необходимости, – пожал плечами Самандар. – Зачем тебе это?

– Я тоже не особенно интересуюсь политикой, а также и экономикой. Но есть люди, которые анализируют социум. Артур дал мне интересную подборку фактов за последние три года, я привёз тебе флэшку, познакомься.

– И что там есть такого, чего не знаю я? – пренебрежительно осведомился Вахид Тожиевич.

– Чиновничий беспредел.

– Это не новость. Любая чиновничья структура любого уровня, решая поставленные перед ней задачи, сначала обслуживает себя и лишь потом на остатках средств сосредоточивается на проблеме.

– Виртуальный беспредел.

– Ты имеешь в виду болото Интернета?

– Создан «чёрный» подпольный Интернет, где вовсю идёт торговля наркотиками, оружием и жрицами любви. Существующие

поисковые системы его сайты не видят.

– Он работает в форматах IT-технологий, для которых не решена задача поисковой логики. Я там не гуляю, но пароль узнать могу.

– Разрушительная миграционная политика. Ты знаешь, что Россия поделена между преступными кланами?

– Тоже мне новость, – презрительно бросил Самандар. – Ещё двадцать лет назад мы мочили ближнеазиатский криминал. Квартирными кражами занимались в основном грузинские группировки, рэкетом и вымогательством – дагестанские и чеченские ОПГ, уличным разбоем и грабежами – таджикские, узбекские и туркменские банды. Думаю, ничего в этом плане не изменилось. Это выгодно властным структурам, они пестуют трусливую политику политкорректности и заигрывают с азиатскими царьками, поддерживающими президента и правительство, вот мигранты и чувствуют у нас свободу. Без введения визового режима эту проблему не решить.

– Фармацевтика.

– Давно известно, что все так называемые забугорные пищевые добавки – отравляющая нас химия. Да и лекарства тоже.

– Хорошо, что ты скажешь о нашем так называемом Фонде национального благосостояния? Ты знаешь, что правительство вкладывает наши деньги за рубеж под половину процента годовых, а в долг берёт под семь-восемь процентов? На эти наши деньги Запад спокойно строит у себя дороги, мосты, больницы, торговые центры, всё, что необходимо нам самим!

– Многолетняя порочная практика, – согласился Вахид Тожиевич. – Давно пора прекратить вынимать излишки нефтедолларов из казны и начать вкладывать их в нашу экономику.

– Телевидение...

– Телевидение – инструмент оболванивания народа, как и все наши доблестные СМИ. На уровне государства поставлена задача вырастить в стране таких же моральных уродов, какие служат навозом для западных правителей, поддерживая любое их решение. Нужны тупые, агрессивные, злобные зомби, заточенные на достижение материальных благ. Эта программа запущена ещё до Рыкова, и она работает. Союзу Неизвестных легче управлять запрограммированным стадом, во главе которого стоят прирученные быки.

– Ладно, раз ты такой информированный, твоё мнение о судебной системе.

– Наш российский суд, – дурашливым тоном пропел Вахид Тожиевич, – спустивший на тормозах дело министра обороны, самый гуманный суд в мире! – Продолжал он уже нормальным тоном: – Какое у меня должно быть к нему отношение? Самое отрицательное. Ни один из высокопоставленных чиновников уровня губернатора или замминистра, не говоря уже о министрах, не получил реальный срок за мздоимство, воровство и грабёж народа. Могу привести примеры.

– Давай, – с любопытством сказал Василий Никифорович.

– Первый в этом списке, конечно, министр Сердюков.

– Это было давно.

– Не так уж и давно, все помнят. Хорошо, примеры посвежее. Бывший исполнительный директор Пенсионного фонда Крецу. Растрата в особо крупном размере. Купил элитную квартиру. Четыре года дело кочевало из суда в суд, закрыто по истечении срока давности.

– Ещё?

– Экс-губернатор Тульской области, взятка в сорок миллионов рублей, домашний арест, тихо слинял за границу. Бывший замглавы «Росатома», хищение ста миллионов бюджетных средств, организация преступной банды, освобождён под залог, живёт в Лондоне. Последний случай: глава «Роснано», растрата бюджетных средств в размере шести миллиардов рублей, отговорка – рискованные технологии, переведён на должность советника премьер-министра.

– Откуда ты всё это знаешь? – покрутил головой Василий Никифорович.

– Зря я, что ли, эксперт Счётной палаты? – хмыкнул Самандар. – Недавно выяснилось, что премьер-министр связан с генпрокурором Мериновым, вместе отмазывали общих родственников. Только делу ход не дали.

– Потому что Меринов...

– Генеральный прокурор и сын Рыкова.

– Не только и не просто сын, по моим данным, именно он возглавляет Купол. Кстати, знаешь, кто у него помощник?

– Начал – говори.

– Стас Котов.

Василий Никифорович застыл, лицо его окаменело.

– Ты... уверен?

– Разумеется, иначе не сказал бы.

– Почему раньше не сказал?

– Да всё случай не подвёртывался, мы с тобой в феврале прошлого года встречались, а о Стасе я узнал в мае.

– Виделся с ним?

– Не довелось, мы получили задание из администрации президента проверить деятельность Генпрокуратуры, и я увидел в материале фамилию Котов.

Вахид Тожиевич допил чай, налил себе ещё.

– Он решальщик. Знаешь, что это такое?

Василий Никифорович выцедил свой чай, помолчал.

– Дело Каганского.

– Надо же, вспомнил, это ещё в первой декаде века, был такой делец, капитан полиции Максим Каганский, решал проблемы бизнеса, то есть обещал прекратить уголовные дела бизнесменов, был связан с начальником ГУВД Москвы и кучей генералов в других городах.

– Мы им не занимались.

– Да, его упекли на пять лет, хотя надо было дать лет пятнадцать. Да и те пять он не досидел, соорудили условно-досрочное через год, так что он на свободе. Но речь не о нём. Стас умудрился пройти по краю криминальной преисподней, не оставив следа, и проблемы правоохранителей он решал классно, пока не стал полезен Меринову, ещё в бытность того главой холдинга «Войнасервис».

– Он точно... не замазан?

– У меня кривых данных на него нет, все отзываються о нём отрицательно, однако он ни разу нигде не прокололся.

– Работать на Меринова и нигде не замазаться?

– Это невозможно, знаю, но досье на Стаса чистое. Вероятно, он учёл свои прежние... ошибки.

Василий Никифорович покопался в кармашке куртки, вынул «спичку» флэшки, протянул Самандару.

– Читай.

– Оставь, ночью почитаю.

– Читай сейчас.

Самандар покачал головой, проворчал: всё-таки заставишь работать, – но флэшку взял, включил компьютер.

Читал он быстро, взглядом охватывая всю страницу разом, однако и ему, чтобы бегло ознакомиться с файлом, пришлось потратить почти час. дочитав, он вытащил флэшку, отдал Котову.

– Да, поразительные вещи творятся в государстве российском. Без влияния Союза Неизвестных дело не обошлось. Если уж сам президент закричал «караул!» – есть о чём пораскинуть мозгами.

– Пораскинь.

– Раньше, в путинские времена, было понятно: если президент не вмешивается в какие-то процессы, он либо не видит проблемы, либо ему не дают вмешаться.

– Сейчас происходит то же самое, только масштабы другие.

– Говорю же – это уровень Союза.

– Что-то назревает, пропасть, куда летит Россия, исключительно глубока. Может быть, готовится новое Изменение реальности?

– Я давно об этом думаю. Только если нет Конкере...

– То кто-то занял его место.

– Креативно мыслишь, Мастер! – ухмыльнулся Вахид Тожиевич.

– В ином случае зачем Артур пришёл бы ко мне с предложением от президента воссоздать «Стопкрим»?

Насмешливые искры в глазах Самандара отразили его недоверие и сменились хищным блеском. Он даже помолодел.

– Я почему-то предполагал такой кунштюк. Президент смелый парень, если собирается действовать вне поля закона.

– Наши законы работают только на олигархов и бандитов.

– А его в чём интерес, Артура?

– За державу обидно, – усмехнулся Василий Никифорович.

– Он так и сказал?

– Примерно.

– Неудержимый.

– Что?

– Был такой фильм – «Неудержимые», крутые американские старики-спецназовцы мочили крутых бандитов и преступников. И мы тоже неудержимые, только русские.

– Нашёл сравнение.

– К слову пришлось. Что вы хотите от меня?

– Вы... я не работаю на президента, – проворчал Василий Никифорович. – Артур попросил помочь, я пришёл посоветоваться

с тобой. Положение аховое, ты читал, нейтрализовать надо самую верхушку власти, что почти невозможно. Лезть в те же сани без тормозов я бы не хотел.

– А я бы полез, – неожиданно изрёк Самандар со своей тонкой полуулыбочкой. – Иногда кулаки так и чешутся! Зря мы двадцать лет назад распустили команду, может быть, и не случилось бы этого беспредела.

– Мы понадеялись на возвращение божественной справедливости.

– Забыв, что дьявольская система настолько глубоко проникла в поры цивилизации, – подхватил Вахид Тожиевич, – что одним наскоком её не возьмёшь. Россия не стала «совестью мира» и Бога не предложила, сама окунувшись в дерьмо либерализма и демократии по западным образцам.

– Половина Госдумы – голубые! Куда дальше? – пробормотал Котов.

– По сути, это ошибка инфарха, он тоже был уверен, что, если победить Конкере, всё волшебным образом изменится в лучшую сторону. Кстати, я почему-то убеждён, что оттуда, из «адовых» миров, кто-то нас контролирует. Тебе не кажется?

– Надо разбираться, – поморщился Василий Никифорович.

– Значит, ты хочешь принять предложение?

– Надеюсь, что ты отговоришь, – слабо улыбнулся Котов. – Но, похоже, зря надеялся.

– Давай я отыщу всех наших, пообщаемся вместе, выработаем стратегию действий.

– Сначала надо решить, влезать нам в это дело или нет.

– Я – за. Только не понял твою реплику насчёт того, что «Стопкрим» надо возрождать на другом уровне. Что ты имел в виду?

– Так как придётся мочить очень высоких начальников, вплоть до министров и премьера, я полагаю, делать это надо архиосторожно и с высокой степенью сфинктуры. Должен быть системный подход с разработкой цепочек случайных совпадений, ведущих к исчезновению того или иного упыря.

– Мы это делали.

– Мы не всегда действовали расчётливо, если ты помнишь, иногда риск наших бандликов зашкаливал.

– Можно работать по принципу «семь раз отмерь, один отрежь». Будем перестраховываться.

– Но ты и впрямь веришь... – Василий Никифорович искал слово, – в наличие в наших пороховницах пороха?

– Я ещё способен дать фору любому молодому, – шутливо напряг мышцы Самандар. – Недавно у казаков-характерников набрёл на описание старинной техники возбуждения болевых ощущений.

– Смертельное касание? Японцы практикуют Димм-Мак – искусство «отложенной смерти».

– Нет, казаки опередили их лет на триста. Так вот есть ударчик в основание шеи, одним пальцем, называется «укус осы». Я на себе испытал – два часа сознание от боли терял! Еле расслабился.

– Одно касание лечит, другое калечит, это наши предки давно знали, даром эту практику *живой* назвали. Покажешь потом свой «укус осы». Итак, на чём мы остановились?

– Итак, резюме, – сделался серьёзным Самандар. – Конкере сдох, наша «запрещённая реальность» заблокирована, однако продолжает жить по его законам. Началась новая эпоха «накопления Зла». Союзы Неизвестных сохранились, хотя об этом можно судить лишь по косвенным наблюдениям социума. Купол преодолел оцепенение и разросся, объединив весь российский криминал, Думу и правительство. Так?

– Так.

– Народ привык жить в беспределе, не рискуя выходить на майданы, не понимая, что происходит. Так?

– Кончай философствовать.

– Я подбиваю базу для создания «Стопкрима». Кстати, я уже не раз анализировал ситуацию в стране и хотел предложить тебе то же самое, что предложил Артур. Он прав, за державу обидно. У меня даже есть нечто вроде тематического меню – по уровням воздействия на власть.

– Это как?

– Ну, от хамства на дорогах – водители и инспекторы ДПС, до чиновников разного уровня, бандитов, политиков...

– Мелко это – бандиты на дорогах, да и начинать надо с верхов.

– А то я не понимаю.

– Тогда собирай команду.

– Не поверишь – руки вспотели! – Самандар потряс ладонями. – У нас было классное «чистилище»! Если мы его возродим – родина нам памятники поставит!

– Если ты только ради памятника...

– Успокойся, Никифорович, ты же меня знаешь. Но если не мы, то кто? Сына возьмёшь? Он у тебя мастер адекват, да ещё и полицейский.

– Пусть живёт спокойно... насколько это возможно. Рано ему ещё биться на уровне Конкере. Ещё одна важная вещь: у тебя не сохранились связи с Хранителями?

Вахид Тожиевич пристально взгляделся в непроницаемые глаза гостя.

– Кое-кого могу разыскать. Зачем они тебе?

– Мы забыли о Великих Вещах.

– Почему забыли? Я помню. Их собирал Рыков и оставил где-то в «подвалах Шаданакара». Но ведь они недоступны. К тому же инфарх лишил магию силы, Великие Вещи перестали быть операторами физических законов.

– Ты проверял?

– Нет.

– Вот когда найдёшь и проверишь, тогда станет понятно, так ли это на самом деле. Каждый МИР хранит свою Вещь, надо попытаться выйти на ещё не ограбленные модули. Уверен, иерархи Союза Неизвестных давно рыщут по свету в поисках доступных МИРов с надеждой воспользоваться их Вещами. Хорошо бы отыскать «сорок сороков».

– «Сорок» – это легенда.

– А если нет?

– Я бы знал.

Василий Никифорович засмеялся.

– Можно подумать, твоё ведомство специально изучало архивы Круга.

– Я и в самом деле полжизни положил на эти архивы, – не обиделся Самандар. – Ни в одной из скрижалей Круга напрямую не говорится о «сорок» как о существующем предмете. Пара упоминаний на грани слухов.

– И всё же я попросил бы тебя побродить по базам данных всех существующих спецслужб. Возможно, отыщутся какие-нибудь следы.

– Да не вопрос, сделаю, мне это самому интересно.

– Тогда провожай. – Василий Никифорович встал. – Как только свяжешься с кем-нибудь из комиссаров, дай знать.

Они вышли из тёплого дома в сырую и зябкую сентябрьскую ночь.

– Ей-богу, я прямо-таки воспрял духом, – признался Вахид Тожиевич с необычным для него смущением. – Всю жизнь меня сопровождало ощущение: чего-то не хватает, всю жизнь я чего-то жду: в детстве – светлых чудес, в молодости – исполнения желаний и планов, в зрелости...

– Врача, – мрачно пошутил Котов.

Самандар засмеялся.

– Приятно разговаривать с теми, кто тебя понимает больше, чем ты сам. Больше всего в жизни мне не хватало драйва.

– Если мы влезем в эту авантюру – драйва будет больше чем достаточно, – проворчал Василий Никифорович, подавая другу руку.

Домой он добрался в начале первого.

Ульяна вышла в прихожую, услышав проворачивающийся в замке ключ, одетая в брючный костюм.

– Наконец-то! Я уже хотела звонить.

– Ты почему не ложишься? – насторожился он. – Что-нибудь с детьми?

– Спят, всё в порядке. Но у меня проблема.

Он повесил куртку на вешалку, прошёл в гостиную, сел на диван.

– Рассказывай.

Ульяна присела на краешек стула, хрустнула пальцами, явно волнуясь.

– На нас наехали!

Василий Никифорович нахмурился, хлопнул ладонью по дивану.

– Садись, успокойся, кто наехал, по какому поводу.

– Я не думала, что до этого дойдёт. – Ульяна осталась сидеть на стуле. – Началось это полторы недели назад. Пришла полиция: мы вас будем охранять. Ребята новые, я их не знаю, документы показали. Я им – у нас своя охрана, а майор, вежливый такой, интеллигентного

вида, Зыбин фамилия, с улыбочкой говорит: «Жизнь меняется быстро, сударыня, сегодня у вас есть охрана, завтра нет».

– Философ.

– Вроде того. Дал неделю на размышления. А сегодня вечером они снова заявили в офис, майор и два лейтенанта с блеском наживы в глазах. Цена вопроса – двадцать тысяч евро в месяц.

Василий Никифорович помолчал, невольно подумав, что жизнь сама подталкивает его к возрождению «чистилища».

Ульяна уже десять лет была гендиректором частной пекарни «Хлебодар», офис которой, да и цех по производству располагались на улице Дмитровской. До сих пор никаких инцидентов с местными органами власти и правопорядка у «Хлебодара» не было, продукция пекарни пользовалась спросом, фирма аккуратно платила налоги и держала достаточно демократичные цены. Однако что-то изменилось за это время, Вахид не зря говорил о накоплении Зла, и кое-где начали складываться условия «прорыва опухоли», когда накопленное Зло превышало допустимые пределы.

– Я всё понял, мы с Вахидом займёмся твоим наездом. Дашь мне все сведения.

– Они ушли... – Ульяна передёрнула плечами. – А через полтора часа кто-то зверски избил моего водителя.

Василий Никифорович потемнел, сжал губы, привлёк жену к себе.

– Успокойся, эта проблема разрешима. Я был у Вахида... мы решили восстановить «Стопкрим».

Жена резко высвободилась, глаза её стали тревожными.

– Вася... ты... серьёзно?!

Он кивнул.

– У меня был Артур... сделал предложение... не от себя лично, а от самого президента. Мы с Вахидом начинаем сход. Разберёмся и с твоим случаем. Зыбин, говоришь, фамилия майора?

– Зыбин, Сергей Шалвович, я запомнила.

– Грузин, что ли?

– Не знаю. Говорит чисто, белобрысый.

– Подразделение запомнила?

– Нет, только аббревиатуру САО^[5].

– Достаточно, найдём обязательно, пошли спать, поздно уже.

– Ты меня... пугаешь.

– Чем же? – удивился Василий Никифорович.

– «Стопкримом».

– Надоело жить как трава, надо сражаться за лучшую жизнь, а не ждать милостей от власти, иначе Россия скоро станет исламским халифатом либо китайским рынком сбыта, не говоря уже о сырьевом придатке Штатов.

– Нам уже давно не тридцать.

– Жизнь продолжается и за рубежом шестидесяти. Ты со мной?

– Куда ж я денусь? – зарылась лицом ему в грудь улыбнувшаяся Ульяна. – Вахид поддержал твою идею?

– Не мою – Артура.

– Дурачок.

– Кто – я или Вахид?

– Вахид.

– Ты же его любила.

– Я и сейчас его люблю, но... иначе. Ты родной и доступный, он... – Ульяна помолчала, улыбнулась, – исследователь до мозга костей! Иногда увлекается так, что забывает обо всём на свете.

– Поэтому женщины и покидают его, несмотря на все его мужские достоинства.

Василий Никифорович притянул жену к себе, начал раздевать... а потом они уже не разговаривали.

Глава 7. Разминка

Докладывать Пацюку о встрече с «братом» Матвей не стал. Сказал только, что всё уладил и претензий к нему со стороны УФМС нет.

Рабочий день начался спокойно и так же спокойно закончился, выезжать по вызову никуда не пришлось.

Уже к концу дня, когда Матвей, изнывая от нетерпения, решил позвонить Стасу, тот сам напомнил о себе:

– Подъезжай к нам к восьми, знаешь, куда.

«К нам» означало – в Генпрокуратуру, но Матвею очень не хотелось мучиться с парковкой.

– Там некуда поставить машину...

– Твоего «китайца» пропустят на территорию прокуратуры.

Матвей хотел спросить, откуда братец знает, что он ездит на китайском спорткаре, но передумал.

Машину действительно пропустили, как только он подъехал к решетчатым воротам особняка на Дмитровке, не пришлось даже предъявлять документы.

Поставив свой «растопырчатый» красивый «Chery14» во дворе здания, рядом с чёрными джипами и «Мерседесами» сотрудников прокуратуры, Матвей взбежал по ступенькам центрального входа и отступил в сторону, пропуская выходящих. Первым шёл мужчина в синем мундире прокурора, за ним – лицо обдало жаром! – давешняя знакомая по имени Дива, одетая в тот же самый строгий костюм – белая блузка, синий китель с погонами подполковника, синяя юбка чуть выше колен, туфли на высоком каблуке.

Глаза их встретились.

– Похоже, это становится нормой, – внезапно заговорила женщина, держа в руке синюю папку и сумочку. – Вы меня специально выцеливаете?

– Простите, – опомнился Матвей, мучаясь от наступившего косноязычия. – Нет... не выцеливаю... хотя желание такое есть.

– Вы недавно здесь работаете?

– Не работаю вовсе, по вызову генерального.

В глазах Дивы зажёгся огонёк интереса.

– У меня такое впечатление, будто я вас знаю.

– Котов, Матвей, – расправил он плечи. – Экологическая полиция.

– Котов... я знаю двух Котовых. Меня зовут...

– Дива Матвеевна Соболева, – закончил он. – Работаете в прокуратуре с февраля этого года, переведены из Юракадемии.

Брови девушки сдвинулись.

– Откуда у вас эта информация? Утечка из отдела кадров?

– Вас знает Стас Котов, он здесь работает.

– Ах да, помощник Меринова, – с какой-то странной интонацией проговорила Дива, – тогда понятно.

– Дива Матвеевна, – окликнул её остановившийся у калитки выхода мужчина в синем.

– Иду. – Девушка начала спускаться по ступенькам. – Будет время – заходите, я сижу в двести десятом кабинете. Похоже, у нас есть общие знакомые.

– Телефон, – догадался попросить Матвей.

Она остановилась, покопалась в сумочке, достала визитку и протянула ему.

– Всего хорошего.

Ушла, стуча каблучками, грациозно покачивая бёдрами.

Матвей проводил её глазами и, счастливый, помчался по ступенькам лестницы на второй этаж.

Стас ждал его в своём кабинете напротив кабинета генпрокурора и рассматривал что-то в экране компьютера. Заметив выражение лица капитана, он поднял бровь и полюбопытствовал:

– Что это ты такой радостный? Повысили в звании или выиграл в лотерею?

Матвей поспешно стёр с лица улыбку, отвёл глаза.

– Получил приглашение.

– Неужели от президента? – съязвил Стас.

– Берите выше.

– Выше только маршал Купола и анарх Союза Неизвестных.

– Есть личности и выше анарха.

– Господь Бог?

– У каждого свой бог.

Стас ощущал лицо гостя мрачноватыми глазами, усмехнулся, но продолжать в том же духе не стал.

– Сейчас мы зайдём к шефу, а потом я отвезу тебя на базу и познакомлю с группой. Она ещё в процессе формирования, однако костяк – восемь бойцов – уже имеется. Теперь вопрос на засыпку: можешь взять на работе отпуск за свой счёт?

Вопрос «зачем?» вертелся на языке, но Матвей его не задал.

– Надолго?

– На четыре-пять дней, по сути – на рабочую неделю. Послезавтра мы всей группой летим в Крым, где найдена ещё одна пирамида... как считают открыватели. На самом деле это один из МИРов, созданный Гастроподами – разумными слизнями, где, возможно, хранился трон царицы вида Деросераса с Великой Вещью.

Глаза Матвея загорелись.

– Какой?!

– Это может быть что угодно, от оружия до реализатора мысленных идей, но мы надеемся найти «сорок».

Матвей не знал, что такое «сорок», однако сделал вид, что знает.

– Здорово!

– Ты так думаешь? – с преувеличенным сомнением спросил Стас.

Матвей начал привыкать к его манере общения, поэтому постарался удержаться от колючего ответа.

– Если мы едем искать МИР, зачем вы берёте всю команду? Не боитесь утечки информации?

– Во-первых, никто не собирается вводить пацанов в курс дела, – посерьёзnel Стас. – Во-вторых, мы вполне можем наткнуться там на... – он замолчал.

– На кого? – не дождался ответа Матвей.

– На другую команду, – ухмыльнулся брат. – Не мы одни ищем Великие Вещи, не забывай про Союз Неизвестных. Там деятели хваткие, им палец в рот не клади.

Матвей хотел спросить, откуда Стас знает о «хватких деятелях» Союза, но спросил другое:

– Как мы туда проберёмся?

– Ты имеешь в виду МИР Гастропод? Прoberёмся, – уверенно сказал Стас. – Археологи пробили к нему шурф, считая, что нашли ещё одну пирамиду, мы им и воспользуемся. Всё, пошли, шеф ждёт.

Пришлось смириться, хотя вопросы у Матвея ещё были.

В приёмной генпрокурора пили кофе двое рослых парней с неподвижными лицами. По-видимому, это были телохранители Меринова.

Сам он как обычно сидел перед экраном компьютера. Стасу он кивнул, на Матвея не обратил никакого внимания, будто его не было вовсе. Это подчёркнутое невнимание покорило, но Матвей давно научился не обижаться на начальство и постарался вести себя тише воды, ниже травы.

– Процесс пошёл, – доложил Стас без особой почтительности в голосе. – Группа будет сформирована через неделю. С завтрашнего дня начинаю тренировки основного состава. Послезавтра проверим агентурные сведения об открытии МИРа в Крыму.

– Хорошо, действуй, – сказал генпрокурор, по-прежнему не обращая внимания на Матвея. – Если сведения подтвердятся, ты знаешь, что делать.

– Без проблем, – сказал Стас, подталкивая Матвея к двери. – Подготавливаю подробный отчёт о проделанной работе.

Они вышли.

В коридоре Матвей не выдержал:

– Он что, со всеми так разговаривает?

– Нет, только с доверенными лицами, – засмеялся Стас. – Это его обычная манера поведения, большой человек, большие возможности, большая ответственность. Привыкай. Хотя могу добавить, что сегодня он не в духе.

– По-моему, он меня вообще не заметил.

– Не переживай, он замечает всё и если не реагирует, значит, принимает человека как своего. Он сам тебя пригласил, посмотрел, оценил, всё идёт в соответствии с его замыслом.

У Матвея складывалось другое мнение, но отстаивать его он не стал.

– Я свободен?

– Завтра жду в одиннадцать в Сергеевке, это четырнадцать километров от МКАД по Рязанке, найдёшь. Познакомлю с группой, ты покажешь им своё мастерство, проведём тренировку на полигоне. Нет возражений?

Слова «твое мастерство» и «нет возражений» Стас умудрился обозначить тоном, в котором отчётливо прозвучали иронические нотки. Однако Матвей оставил их без внимания. Стас, очевидно, со всеми обращался так же, как с ним.

– Нет.

– Тогда до встречи. – Не подавая руки, Стас скрылся за дверью своего кабинета.

«Тест, – подумал Матвей неуверенно. – Это проверка моей психики:отреагирую я на их подчёркнутое пренебрежение или нет. А мы тихонечко потерпим, не такое терпели».

С душой, не обременённой никакими недобрыми чувствами, он сбежал по лестнице на первый этаж, вежливо попрощался с охранником и так же легко сбежал по ступенькам крыльца к арке слева от здания, ведущей во двор.

Какой-то седой мужчина за оградой проводил его внимательным взглядом, но Матвей был занят своими мыслями и по сторонам не смотрел.

В начале одиннадцатого он был дома.

* * *

Свернув с трассы на узкую асфальтовую ленту, под указатель: «Сергеевка. 2 км», Матвей доехал до шлагбаума и остановился, озадаченный препятствием. О том, что дорога перегорожена, Стас его не предупреждал. Пришлось звонить.

– Всё нормально, – отозвался брат, – Сергеевка – это для отвода глаз, на самом деле здесь располагается наша база. Сейчас тебя пропустят.

Никто не появился из лесных зарослей по обеим сторонам дороги, не подошёл к шлагбауму, он сам поднялся вверх, словно получил неслышимый приказ пропустить гостя.

Размышляя по поводу заявления Стаса: «наша база», интересно, чья? Генпрокуратуры? Что ещё за база у прокуроров? Спецназ? Снабженцы? Охрана? – Матвей миновал шлагбаум и вскоре подъехал к высоченному забору, смонтированному из гофрированных металлических листов, окрашенных в красно-коричневый цвет.

Никаких проходных будок видно не было, на воротах висел «кирпич» в белом круге и небольшая табличка: «Частное владение. Проезд воспрещён».

Недоумевая по поводу непрезентабельности базы, но чувствуя, что за ним наблюдают с двух сторон (телекамеры, очевидно), Матвей остановил машину, однако на этот раз реакция местной охраны не заставила себя ждать: створки ворот стали раздвигаться.

Он проехал и упёрся в ещё одни ворота в такой же глухой, но уже бетонной стене. Охранялась непонятная база всё же серьёзно, хотя и не напоказ.

Ворота перед авто Матвея целиком ушли вправо, он вдавил педаль газа и оказался в другом мире.

Два ряда жёлто-зелёных домиков под плоскими односкатными крышами, ни одной многоэтажки, все одноэтажные, длинный серый барак на заднем плане, стоянка машин, что-то вроде строевого плаца, спортивная площадка, полоса препятствий, исполосованная траншеями, и центральное здание усадьбы – тоже одноэтажное, но с претензией на оригинальность: оно представляло собой сложную композицию геометрических фигур, грани которых являлись окнами.

Матвей остановил машину у крайнего «Ягуара» на стоянке, вышел и направился к штабу, как он окрестил главное строение базы. Дверь главного входа сама собой скользнула вбок, и навстречу ему шагнул плотный молодой человек в камуфляже, с чёрным беретом на голове, с виду невооружённый, однако заряженный энергией и деловитый.

– Пойдёмте, я вас провожу.

Матвей молча последовал за ним.

Дошли до длинного серого барака, стены которого были смонтированы из бетонных плит, но не встык, а со щелями между ними.

Провожатый открыл дощатую дверь, отступил.

– Вас ждут.

Матвей вошёл.

Барак оказался тиром, как и предполагалось.

В нём находились восемь крепких парней в камуфляже, но без погон и знаков различия, и Стас Котов. Одни из них гуляли по освещённому помещению, другие стояли у длинного стола и возились

с разложенным на нём оружием. Когда Матвей вошёл, все парни оглянулись на него, в том числе гуляющие по бараку. Один из них, белобрысый, узколицый, с холодными северными глазами, обошёл Матвея как столб, разглядывая, скривил губы.

– Это и есть ваш мастер? Да его же соплём перешибить можно.

– А ты проверь, – усмехнулся Стас. – Только сопли побереги.

Парень ударил неожиданно, стоя боком к Матвею. Казалось, его нога сама собой отделилась от тела, изогнулась как плеть и пяткой вонзилась в живот капитана... пройдя мимо в паре миллиметров: Матвей просто уклонился от удара, используя навыки мастера «спирали».

Бойцы группы зашумели, подходя ближе. Послышались насмешливые голоса:

– Римас сегодня не в форме.

– Эй, Римас, что пил?

– У него коленки дрожат.

Долговязый Римас удивлённо глянул на почти не двинувшегося с места Матвея, глаза его угрожающе вспыхнули.

Удар с правой, неожиданный, как и удар ногой, – рука словно выскакивает из плечевого сустава, – почти достиг цели – скулы Матвея, за ним последовала двойка с приседом – ребром по трицепсу и ногой в копчик, однако и на сей раз ни один удар не принёс нападавшему преимущества, Матвей пропустил их мимо себя волнистым сокращением мышц и изгибом тела. Злобная сила ударов ушла в воздух, «в пустоту», заставив парня оступиться.

Стало тихо.

Потом кто-то захлопал в ладоши, снова слышались насмешливые реплики:

– Римас ещё не проснулся.

– Пить меньше надо.

– А пацан-то непростой...

Белобрысый потемнел, принимая «промежуточную» для проведения серии атак стойку.

– Ответь, – посоветовал Матвею Стас, – а то он не отстанет.

– Не надо больше, – покачал головой Матвей. – Я не враг тебе.

– Всё равно урою! – выдохнул Римас, бросаясь в атаку.

Пришлось не просто ускользать от ударов, пропуская кулаки, локти и колени мимо тела, но и блокировать самые опасные, пока Матвей не понял, что противник бьётся всерьёз, на поражение, решив доказать себе и зрителям во что бы то ни стало собственную крутость, и капитан, озадаченный такой злобой, встретил очередную атаку парня в стиле «два намёка – один свист».

Приём длился меньше секунды. Нога Матвея пошла вверх, намереваясь вонзиться в пах противника, правая рука косо хлестнула воздух, заставляя его отшатнуться влево, и левая рука – торец ладони вперед – врезалась точнёхонько в подбородок белобрысого, отбрасывая тело метра на три назад.

Если бы Матвей бил не массой, а скоростью, как говорят рукопашники, он бы сломал парню шею. Но и щадящего удара-толчка хватило, чтобы остудить пыл поединщика. Встал он не сразу.

Зрители зароптали. Кто-то снова зааплодировал.

– Прошу любить и жаловать, – выступил вперёд Стас. – Мой брат Матвей Котов. Мастер школы адекватата, знаток древнерусских боевых практик, капитан полиции. Мой зам.

Противник Матвея помотал головой, приходя в себя, оттолкнул протянутую кем-то руку, поднялся.

– Я его всё равно... уделаю...

Бойцы группы развеселились, один из них пошутил:

– Римас не способен наступить на горло собственной сперме.

Захохотали, кидая шуточки.

– А стрелять твой брат умеет? – спросил добродушного вида увалень с покатыми плечами.

– В пределах курса молодого бойца, – виновато развёл руками Матвей.

– Научим.

– Это Гоша Паламарчук, – представил его Стас. – С мышинными усами – Дгебуадзе.

– Мишо, – сунул сухую горячую руку смуглолицый джигит с усами. – Отметим знакомство?

– Я тебе отмечу! – строго сказал Стас. – Час на стрельбу, час занятия по теме, местные крымские обычаи, после шести – полоса препятствий. Завтра в семь утра вылетаем в Симферополь.

Возражать никто не стал, бойцы дружно двинулись к столу с оружием.

Назвав остальных членов отряда, Стас вывел Матвея из барака.

– Тебе заниматься стрелковой подготовкой не обязательно, у нас два снайпера. Как тебе ребята?

Матвей вспомнил прощальный многообещающий взгляд Римаса, пробормотал:

– Палец в рот не клади.

Стас рассмеялся.

– Они все профи, наёмники, Римас, к примеру, бывший майор Латышской нацгвардии, воевал в Сирии, в Ираке, в Грузии, сейчас – телохран Меринова. Но в принципе он незлопамятен.

– Я не хотел... с ним...

– Не бери в голову, успокойся. Вот, держи. – Стас протянул Матвею небольшой диск в прозрачном пакете. – Здесь все данные о деятельности Союза Неизвестных США. Всё поймёшь. Дома полазай по Сети, поизучай Крымское побережье, пригодится. К семи утра подъедешь в Болшево, на военный аэродром, тебя пропустят. Вопросы есть?

– Как мы туда доберёмся?

– Нас обслуживает одна частная военная контора «Вызов», у неё свои самолёты. Ещё вопросы?

– Нет, – подумав, мотнув головой Матвей, хотя вопросы у него оставались.

* * *

Он всё-таки позвонил отцу вечером:

– Пап, что такое «сорок»?

Василий Никифорович ответил с заминкой:

– Это одна из Великих Вещей. Откуда тебе известно о ней?

– Приеду из командировки, расскажу.

– Куда командировка?

– В Крым.

Короткое молчание.

– По работе? Что в Крыму заинтересовало эколополицию Москвы?

– Мне предложили, я согласился, – ушёл от прямого ответа Матвей, – потом расскажу. Пап, я встретил девушку...

– Поздравляю.

– Она работает в Генпрокуратуре... – Матвей смутился, сам не понимая, отчего. – Зовут Дива.

– Редкое имя.

– Не помнишь, была ли у моего тёзки Соболева дочь? Он ведь не с рождения стал инфархом?

– Если честно, я не интересовался. Дети были, это точно, но я их не видел. А что?

– Её зовут Дива Матвеевна Соболева. Могут случаться такие совпадения?

На этот раз пауза длилась дольше.

– Не знаю даже, что тебе и сказать, – признался отец. – Она похожа на Матвея? Впрочем, ты его не видел.

– Она похожа на маму.

– Ладно, разберёмся, сам спроси, чья она дочь. Мне бы посмотреть на неё одним глазком... Где она, говоришь, работает?

– В Генеральной прокуратуре, подполковник юстиции, с виду лет двадцать пять, но я могу и ошибаться. – Матвей помолчал и вдруг добавил помимо воли: – Очень красивая!

– Само собой, – хмыкнул Василий Никифорович, – на дурнушек мы, Котовы, внимания не обращаем.

– Она и вправду... – начал Матвей смущённо.

– Верю, если она похожа на маму. Вернёшься из своей командировки – позвони.

До двенадцати он изучал материалы, переданные Стасом, заинтересовываясь всё больше. Из досье на Союз Неизвестных США выходило, что именно он кукловодил президентами Штатов и Госдепом, устраивая в разных районах мира «цветные революции», устраняя непокорных, убивая мирных жителей, а в настоящий момент собирался проделать тот же трюк, какой он проделал с Украиной, и с Россией, раздробить её на части и подчинить себе.

Спал Матвей беспокойно, да и сны снились непонятные: то за ним кто-то гнался, то он кого-то преследовал. Проснулся на полчаса раньше заведённого будильника, начал собираться, представляя, как он входит в кабинет Дивы и та бросается ему на шею.

Мечта позабавила, а дорога до аэродрома в Болшево привела к сосредоточенности на других проблемах. Вопреки многолетним уверениям транспортников, дорожной полиции и депутатов Госдумы пробки на дорогах Москвы только увеличивались, и спорадические коллапсы – когда останавливалась вся столица – случались чуть ли не каждые несколько часов, причём даже по ночам.

К счастью, Матвей не въезжал в город, а выезжал из него и в пробку не попал, хотя постоял на некоторых участках дороги, суженных из-за вечного ремонта.

Ровно в семь его пропустили в ворота сбоку от центральной проходной на аэродром, он поставил машину на стоянке для обслуживающего персонала, позвонил Стасу, и ему подсказали, куда двигаться дальше.

Стас ничего не говорил об экипировке, поэтому оделся Матвей попроще, а из личных вещей взял только бритвенные принадлежности, запасные носки, футболку и спортивные штаны для переодевания в гостиничном номере, если придётся останавливаться на ночлег.

Его ждали у транспортного «Ил-76» серого цвета, с номером 222 на борту. Приняли как равного, пожимая руки, Паламарчук даже хлопнул его по плечу, как давнего приятеля, и лишь Римас отвернулся, не забыв своего обидного поражения.

– Досье прочитал? – спросил его Стас, одетый в свой модный костюм с бахромой.

Матвей кивнул.

– Там много лакун... будто файлы корректировали.

– Кое-что тебе знать вредно. Масштаб противостояния понятен?

– Там ни слова о нашем Союзе.

– Эта информация, братец, будет доступна тебе только после реального подключения. Заслужишь – получишь полный интенционал. А пока что устраивайся в самолёте, вылетаем. – Стас повернулся к остальным бойцам группы. – Грузимся.

Расселись по лавкам вдоль бортов в грузовом отсеке самолёта. Через полчаса он взлетел. Лавки были жёсткими. «Ил», очевидно, использовался военными лишь для воздушного десантирования, поэтому никаких удобств в отсеке не было. Лишь по центру отсека располагался груз – десятка два разнокалиберных контейнеров и ящики, укрепленные накинута на них сеткой.

К Матвею подсел сначала Паламарчук, снайпер группы, которому капитан пришёлся по душе, и долго травил анекдоты попеременно с рассказами о своих «путешествиях» по всему миру в поисках приключений. На вопрос Матвея: ты случайно не участвовал в расстреле украинского «Беркута» на Майдане в две тысячи четырнадцатом году? – Паламарчук с улыбкой погрозил ему пальцем и сообщил, что сражался он на другой стороне, с ополченцами Луганска, в составе добровольческого чеченского отряда.

У Матвея отлегло от сердца. Находиться рядом с убийцей мирных граждан не хотелось.

Потом к ним подсел Мишо Дгебуадзе, который тоже долго рассказывал о своих подвигах за границей. Он отметился в Сирии и в Палестине, служил в добровольческом французском батальоне в Африке, был дважды ранен, и Матвей удивился, узнав, что парню исполнилось сорок лет. Выглядел он на двадцать с хвостиком.

– Откуда ты знаешь Стаса? – спросил Матвей.

– По Сирии, – ухмыльнулся черноволосый жилистый Мишо. – Он работал в немецкой дипмиссии, ездил по самым опасным районам, что-то искал.

Матвей подумал, что Стас мог искать сведения о МИРах инсектов, но спрашивать об этом у рассказчика не стал. Вряд ли наёмник Мишо слышал о таких вещах.

В Симферополе сели без пятнадцати одиннадцать утра по местному времени, не отличавшемуся от московского. Самолёт загнали куда-то на край лётного поля, к бетонным капонирам военной авиации, пассажиров высадили у одного из них, посоветовав никуда не соваться.

В отличие от сырой, промозглой, московской погоды на полуострове было по-летнему тепло, светило солнце, дул лёгкий ветерок, и о времени года напоминала лишь сухая жёлтая трава на лётном поле.

Стас исчез на полчаса, пока группа разминалась и курила, и вернулся уже на микроавтобусе «Форд дьябло» с затемнёнными стёклами.

– Залезаем.

Особого снаряжения из Москвы не везли, поэтому расселись в кабине минивэна быстро. Весь задок машины был заполнен какими-

то коробками, и Стас пояснил на вопрос Римаса, что это спецкостюмы для спелеологов и прочее обрудование.

– Мы в пещеру полезем? – осведомился блондин с рыжеватыми ресницами; при знакомстве Стас назвал только его фамилию – Грушин.

– При необходимости, – сказал Стас.

– А оружие? – поинтересовался Паламарчук.

– Мы едем не на войну, – остудил его Стас. – Боевых действий не предвидится, я вам уже объяснял. Максимум того, что допустимо, – он поискал формулировку, – это выдворить археологов... или кто там будет на месте, и если только они станут качать права.

– То есть оружия нет, – разочарованно протянул Паламарчук.

– Оружие есть, – успокоил его Грушин, кинув взгляд на багаж в конце машины, – но я предпочёл бы его не доставать.

Микроавтобус выехал за пределы аэропорта и покатил на юг, к морю, минуя столицу Крыма.

Матвей вспомнил предысторию открытия пирамиды, которая, по мысли Стаса, представляла собой модуль иной реальности, созданный десятки миллионов лет назад разумными слизнями – Гастроподами.

До находки этой пирамиды на полуострове были найдены семь подземных пирамид, располагавшихся на одной линии вдоль берега моря – от мыса Херсонес до мыса Сарыч. Восьмая, к месту нахождения которой и направлялась группа Стаса, располагалась на мысе Айя, к югу от села Гончарное.

Все пирамиды были обнаружены ещё в конце двадцатого века группой «Терра» ясновидящих контактёров Крыма (как было указано в тексте документа) под руководством академика Гудзовского, а в две тысячи втором году их детально исследовала экспедиция академика Вселенского. Пирамиды были четырёхугольные, сорокапятиметровой высоты, с длиной стороны квадратного основания в семьдесят два метра, соотношение этих величин давало коэффициент золотого сечения 1,6.

Возраст пирамид учёные оценили всего в десять тысяч лет, все они были ступенчатыми, сложенными из больших известняковых блоков и погружёнными в грунт и горные породы таким образом, что до вершин от поверхности земли насчитывалось от трёх до восьми метров. Сами пирамиды были помещены в своеобразные камеры-пещеры, повторяющие их контуры.

Естественно, находка пирамид взбудоражила научную общественность, и за два с половиной десятка лет со времени их открытия не одна экспедиция проходила по берегу Крыма от пирамиды к пирамиде, в том числе самодеятельные археологи, жаждущие найти «запрятанные сокровища». Но ни одной из них с сокровищами не повезло. Пирамиды по большей части были недоступны, а чтобы их вскрыть, требовались техника и немалые средства, чего не было ни у искателей кладов, ни у научных групп.

Однако именно непрофессионалы наткнулись на восьмую пирамиду – как они считали, а потом ею заинтересовались поискёры посерьёзнее – какие-то знакомые Стаса с большими полномочиями. Кто это был, Стас раскрывать не стал, но уверял, что это люди премьер-министра, знающие истинную историю человечества – откорректированного рода Блаттоптера сапиенс.

Впрочем, люди премьера Матвея не интересовали, его влекла сама идея существования в Крыму одного из МИРов, о которых ему не раз рассказывал отец, сводив на экскурсию к московскому модулю.

К четырём часам дня по трассе Ялта – Севастополь доехали до села Гончарное.

Ни кафе, ни ресторана в селе не было, зато существовала небольшая гостиница, названная здесь «постоялым двором». В ней наличествовало всего два десятка номеров, и почти все они были заняты: берег полуострова интересовал многих туристов, приезжающих сюда на машинах.

Приезжим из Москвы досталось два номера, где они и разместились по четыре человека. Стас осмотрел комнаты, удалился на полчаса и предложил Матвею, размышлявшему, не устроиться ли на ночь где-нибудь у местных жителей, небольшую комнатку для отдыха персонала гостиницы.

– Они готовы уступить, там две кровати, потерпишь?

– Без проблем, – пробормотал Матвей.

На том и порешили. Бойцы группы после ужина завалились спать, Матвей погулял вокруг непритязательного двухэтажного строения «постоялого двора», любясь проходящим по дороге стадом баранов, и тоже лёг спать.

Глава 8. Пирамида

Встали пораньше, съели по банке тушёнки, оказавшейся в продовольственном запасе в машине, запили чаем и уселись в микроавтобусе, бодрые и весёлые. Отправились в путь.

Не доезжая до поворота на село Резервное, свернули на грунтовую дорогу и увидели впереди, за недалёкими гористыми холмами и увалами, синюю полосу моря.

Бойцы оживились. Долгий путь никого не радовал, а впереди всех ждала живописная природа прибрежного Крыма.

По описанию полуострова, прочитанному в Интернете, Матвей знал, что до мыса Айя можно добраться на маршрутке от Балаклавы, – мыс и город отделяли всего восемь километров, – либо на лодке от той же Балаклавы, но Стас, никого не предупреждая, избрал другой путь.

Путь этот тоже оказался морским, что было правильно, так как к гротам в каменном основании мыса, в одном из которых и был обнаружен спуск к пирамиде, можно было подобраться только с моря.

Никакой особо живописной картины бойцы группы не увидели.

Оставив микроавтобус с водителем у первых скал, огляделись, но, кроме редкого кустарника да сухой жёлтой травы, ничего не нашли: ни знаменитых сосен Станкевича с их крупными – величиной с два кулака – шишками, ни можжевельников лесов, ни какой-либо фауны – косуль, кабанов, куниц и прочих обитателей местных буераков. Даже змей – здесь водился леопардовый полоз – не обнаружили. Кругом были скалы, склоны холмов, известняковые складки и обрывы.

По тропинке, проложенной местными жителями либо туристами, спустились к воде миниатюрной бухточки, заметили катер, который, как оказалось, ждал их.

– Искупаться можно? – вытер потное лицо Паламарчук.

– Дойдём до места назначения – искупаемся, – пообещал Стас.

Катерок под названием «Смелый» был неказист на вид, но быстроходен. До мыса Айя доплыли буквально за двадцать минут. Остановились в двух сотнях метров от скалистого берега, разглядывая каменистый бугор мыса, растянувшийся на двенадцать километров

вдоль моря. Высшей точкой мыса являлась скала Кокия-Кая, что с татарского на русский переводилось как «голубая скала».

Правее, там, где начиналась цепочка гротов, были видны суда: катер, почти такой же обшарпанный, как и «Смелый», и нечто вроде старенькой парусной яхты с опущенными и принайтовленными парусами, с борта которой был брошен трап к устью одного из гротов. Людей на палубах судёнышек видно не было. Волнение на море отсутствовало, и катер с яхтой стояли неподвижно, отражаясь в зеркале воды. Из грота напротив яхты доносились звуки технического происхождения: тарахтение дизеля, металлические удары и стуки.

– Десять минут на купание, – сказал Стас, поднося к лицу бинокль. – Экипируемся и подходим.

Группа бросилась к бортам катера, спеша окунуться в чистую прозрачную воду и смыть пот.

Через десять минут все, освежённые и приободрившиеся, собрались на палубе, и Стас распаковал одну из коробок, в которой оказались специальные костюмы для спелеологов.

– Костюмы надевают трое: я, брат и Мишо.

– А мы? – протянул Паламарчук.

– У вас другая задача. Гоша и Грушин – возьмёте оружие.

– Снайперка? – обрадовался Паламарчук.

– Снайперка не пригодится, да и пистолеты тоже... я надеюсь.

Подходим, швартуемся к борту яхты, по трапу переходим на берег. Остальное – по обстановке.

Катер устремился вперёд на малой скорости.

– Данилин, камуфляж.

Один из членов группы быстро переоделся в мундир полицейского.

– Фуражку.

– Жарко же...

– Фуражку!

Данилин недовольно натянул фуражку с козырьком и кокардой.

Словно дождавшись этого момента, на палубе яхты показался человек – матрос в тельняшке. Он поднёс к глазам бинокль. Когда до борта яхты осталось метров двадцать, он крикнул сквозь клацанье дизеля:

– Эй, кто такие?

– Полиция! – сурово бросил здоровяк Данилин.

– Спусти трап, – приказал Стас не терпящим возражений тоном.

Матрос повиновался.

С борта свалилась верёвочная лестница с деревянными перекладинами. По ней группа перебралась на борт яхты.

– Ждёшь здесь, никуда не уходи, – велел Стас рулевому катера.

– Что случилось? – поинтересовался конопатый, загорелый до черноты матрос.

Стас развернул красное удостоверение.

– Федеральная служба безопасности. Приказано свернуть экспедицию. Где капитан?

– Спит.

– Зови сюда. Экспедиционный отряд там? – Стас кивнул на устье грота, давящееся темнотой.

– Скоро должны вернуться на обед.

– Сколько их всего?

– Пятеро... вместе с профессором.

– Гудзовским?

– Да.

– К вам сюда не подходили корабли? Никто не беспокоил?

– Нет, – озадаченно протянул матрос.

– Катер ваш? – Палец Стаса указал на катерок у камней.

– Профессора.

– Понятно. Беги за капитаном.

Матрос ссыпался в кубрик судна и вернулся с пожилым мужчиной в белой рубаше, накинутой на тельняшку, и в холщовых штанах. У него была настоящая седоватая шкиперская борода, и выглядел он очень импозантно.

– В чём дело, господа-товарищи? – хрипло пробасил он.

Стас снова открыл перед его носом удостоверение, закрыл.

– Федеральная служба безопасности. По нашим документам, в этих местах сохранился склад боеприпасов советских времён, поэтому работа экспедиции временно прекращается.

– Но у нас разрешение... – растерялся бородач. – Ни о каких складах мы не слышали.

– Данилин, объясни шкиперу, – сказал Стас.

«Полицейский» отвёл капитана в сторону, начал что-то ему втолковывать. До бойцов группы донеслись слова: «объект 100», «крылатые ракеты», «минное заграждение».

– Вперёд! – скомандовал Стас, направляясь к трапу. – Обследуйте весь берег слева и справа, все дырки и складки. Найдёте кого – задержите и ведите ко мне.

– Да кто здесь будет лазать по скалам? – с сомнением проговорил Римас.

– Работайте. Мишо, Грушин, со мной.

Матвей хотел спросить: а я? – но Стас уже направился по дощатому трапу на берег, и брату ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

Капитан яхты так и остался стоять на палубе в растерянности, глядя им вслед.

В гроте, вопреки взгляду снаружи, было светло. Метрах в пятнадцати от его устья на неровном полу стоял осветитель, похожий на панели освещения футбольного поля, направлявший поток света на дальнюю стенку пещеры, в которой виднелось широкое – около трёх метров в длину, но низкое – метр в высоту – отверстие.

Дизель, питавший осветитель, стоял слева от входа, и от него змеились кабели к осветителю и в отверстие, минуя горы каменных обломков по центру пещеры и песка. Очевидно, это была порода, вынутая из шурфа, о котором говорил Стас.

У дизеля, напевая, возился мужичок в сером комбинезоне, чумазый и потный, у него был светлый чубчик и соломенные усики. Он отвечал за работу техники. Кроме него в гроте больше никого не было. Увидев незнакомых людей, он выронил гаечный ключ и воззрился на них в изумлении.

– Вы кто?!

– Привидения в пальто, – сказал низкорослый широкоплечий Вадик Грушин. – Где гробокопатели?

– Кто?!

– Археологи.

– Мы не археологи...

– Какая разница? Где остальные?

Дизелист ткнул пальцем в отверстие, на которое был направлен сноп лучей осветителя.

– Идём, – направился в ту сторону Стас.

– Вы куда? – сунулся было наперерез мужичок с чубчиком, но Грушин остановил его, покачав пальцем.

– Служба безопасности, оставайся на месте.

Обойдя груды песка и камней, гости пробрались к дыре в стене, опустились на корточки, полезли вперёд, едва не царапая спины о бугристый потолок лаза.

Лезть пришлось недалеко, лаз, по сути, представлял ход в перемычке толщиной около восьми метров, за которой располагалась пещера побольше. Именно в ней, освещённой прожектором, – электричество сюда подавалось от дизеля по кабелю, – и работали члены экспедиции Гудзовского: двое парней, девушка и сам профессор, кряжистый старикан с седыми волосами, выбивающимися из-под оранжевой каски на голове.

В тот момент, когда Стас и его спутники проникли в пещеру, четверо из них склонились над отверстием в дальнем углу пещеры и смотрели в него, подсвечивая себе фонарями.

Рядом с ними стоял механизм, поднимающий железную бадью. С его помощью исследователи, наверно, вынимали породу из пробитого шурфа.

Впрочем, на шурф этот колодец диаметром не меньше полуметра походил мало. Такие пустоты людям проделать было не по силам, даже если бы они смогли затащить сюда строительно-геологическую технику. Да и объём кучи камней в центре пещеры не соответствовал объёму колодца, как убедились гости, подойдя ближе. Скорее всего эта порода представляла собой осколки выступов и рёбер в стенках колодца, мешающих спускаться в его глубины, и рабочие экспедиции просто счистили их кирками и подняли вверх.

Под ногой Мишо загремели камни, и люди у колодца, огороженного с одной стороны, разом оглянулись. На гостей с удивлением воззрились четыре пары глаз.

Первым опомнился глава экспедиции.

– Вы как сюда попали? – задал он жидковатым голоском глупый в общем-то вопрос.

– Федеральная служба безопасности, – веско проговорил Стас, в третий раз показывая своё удостоверение. – Прошу покинуть это

место, грот и пещера, по нашим данным, заминированы. До полного расследования данного обстоятельства экспедиция прекращает работу.

– Что вы говорите?! Нет здесь никаких мин! У нас на руках разрешение крымских властей... департамента памятников...

– Информация о складе боеприпасов, сохранившемся с советских времён, появилась недавно. Собирайте свои манатки, кроме дизеля и инструмента, возвращайтесь на борт судна и отплывайте. Даю на это полчаса.

– Но...

– Никаких но! Вопрос жизни и смерти! Либо вы покинете грот добровольно, либо мы вынуждены будем применить силу. Вы добрались до пирамиды?

Члены экспедиции переглянулись.

– Там какая-то лестница, – ломким баском произнёс один из парней. – Каменная, древняя, она завалена, но пролезть можно, только надо расширить колодец.

– Лестница? – Глаза Стаса вспыхнули на мгновение. – Это любопытно. А саму пирамиду видели?

– Мы пробили шурф...

– Этот колодец?

– Нет, колодец здесь был, мы его только расширили. А потом...

– Григорий, – попытался остановить парня начальник экспедиции.

Молодой человек в измазанном глиной джинсовом костюме нерешительно посмотрел на него.

– Продолжай, – Стас добавил металла в голосе.

– Там пещера.

– Мы только что опустили в шурф фонарь, – вмешалась девушка с короткими волосами; шлем превращал её в героиню одного из советских фильмов о строителях, – и телекамеру.

– Собирались спуститься и посмотреть, – добавил самый худенький из тройки молодых исследователей.

– Так вы ещё не видели объект? – удивился Мишо.

– У нас есть ультразвуковой сканер, – с достоинством сказал профессор. – По конфигурации пещеры можно судить, что там находится пирамида.

– Боюсь, вы влезли в старые катакомбы, – покачал головой Стас. – А лестница в колодце и есть спуск в ракетный арсенал. Оставьте

инструмент, мы попробуем разминировать вход. Грушин, зови команду.

– Идёмте, – сделал понятный жест боец, – не стоит здесь доказывать свои права. Хорошо, что вы до сих пор не взлетели на воздух вместе с вашей... гм, пирамидой.

– Мы будем жаловаться...

– Это пожалуйста, – равнодушно сказал Стас. – Грушин, отвечаешь за оцепление и предупреждающие знаки.

– Есть! – вытянулся Грушин, проинструктированный заранее, как себя вести.

– Мишо, отвечаешь за разминирование.

– Есть! – бросил ко лбу козырёк ладони Дгебуадзе, также проинструктированный Котовым.

Открыватели «пирамиды», переговариваясь, хотели было поднять из колодца своё оборудование, но Стас не дал им это сделать.

– Оставьте всё, потом вернём.

– Нам нужен документ, что вы нас выдворяете, – с досадой сказал начальник экспедиции.

– Будет вам документ, хотя печёмся мы о вашей же безопасности.

Спелеологи-пирамидоисследователи поплелись к выходу из пещеры, расстроенные неожиданным появлением сотрудников ФСБ.

– Зачем мы их обманываем? – тихо спросил Матвей.

– Ради дела, – оскалился Стас. – Если здесь прячется МИР, мы получим большое преимущество в противостоянии... – Стас резко оборвал сам себя.

– Какое преимущество? – наивно спросил Матвей.

– Перед врагами, – туманно пояснил брат, наклоняясь над колодцем. – Иди сюда.

Матвей с любопытством сделал то же самое.

– Туда можно спуститься.

– Нужно! Видишь ступеньки?

– Слева, под выступом.

– Думаю, когда-то здесь существовал тоннель к МИРу, который сделали древние Хранители. Но потом потолок рухнул и засыпал лестницу.

– А если мы ошибаемся, и это настоящая пирамида?

Стас повернул к спутнику раскрасневшееся лицо.

– МИРами в нашей структуре занимается один очень информированный человек, зампред Конституционного суда, имеющий доступ ко всем секретным компьютерным базам, он и раскопал информацию о МИРах Крыма, только ошибся в координатах. Его люди, как я теперь понимаю, ищут этот МИР за мысом Сарыч, а мы копнули здесь.

– Что значит – копнули?

– То и значит, что один из этих гробокопателей – наш человек.

Матвей невольно оглянулся на горловину пещеры, в которой скрылась группа исследователей пирамид.

– Профессор?

– Ну, нет, этот зверь ходит сам по себе, знаменит исследованиями других крымских пирамид. Девчонку заметил?

– Неужели она? – удивился Матвей.

– Что здесь странного? С нами сотрудничают и леди, не только мужики.

В пещере появились трое бойцов: Мишо, Грушин и Паламарчук.

– Всё обыскали, посторонних не обнаружили, – доложил крупногабаритный потный Паламарчук. – Птицы да змеи.

– Странно, – проговорил Стас задумчиво. – Неужели здешний Хранитель МИРа не знает об экспедиции? Или мы действительно ошиблись?

Бойцы уставились на него, не понимая, о чём идёт речь. Матвей понял, что брат не обсуждал с ними проблемы «запрещённой реальности», не желая утечки информации. Группа должна была решить конкретную задачу – ликвидировать за рубежом определённых политических деятелей, остальное знать им было ни к чему.

Стас выпрямился.

– Зовите остальных, Дубинин пусть останется на шхуне, за этими гробокопателями нужен глаз да глаз. Ещё и в самом деле начнут выяснять, кто мы такие.

– А нам что делать? – спросил Паламарчук.

– Прочистим вход к пирамиде, нам оставили инструмент, и попробуем спуститься. Мишо – проследи, чтобы дизелист не запаниковал, Грушин – ты у нас скалолаз бывший, тебе и лезть вниз первому.

Работа закипела.

Больше двух часов группе понадобилось для освоения инструмента и техники «гробокопателей», основой которой служил механизм подъёма бадьи, он же – своеобразный лифт, способный опустить и поднять одного человека. Грушин дважды спускался в колодец, за ним полез и Стас, откорректировал задание, бойцы скололи мешавшие опускаться ниже выступы, расширили кирками устье шурфа.

– Всё равно не пролезем, – сказал толстомясый Паламарчук. – Взрывать надо.

– Что скажешь, Бизон? – Стас посмотрел на самого молчаливого из бойцов, заросшего чёрным волосом чуть ли не до глаз.

Бизоном звали взрывника группы Руслана Хохоева, дагестанца по национальности.

– Взорвать можно, – с характерным акцентом отозвался Бизон, – только мы не взяли с собой никаких МВУ.

– Рассчитывали здесь раздобыть, – вставил слово Мишо.

– В таком случае будем расширять шурф кирками.

– Я не нанимался в шахтёры, – буркнул Римас.

Послышались смешки.

– Белы рученьки боишься повредить? – осклабился Мишо. – Или у тебя клаустрофобия?

– Чего?

– Отсутствие подгузника, – хохотнул Паламарчук.

– Всем придётся попотеть, – сказал Стас. – Первым пойдёт Паламарчук, за ним Хохоев...

– Потом я, – поспешно перебил брата Матвей, испугавшись, что и его назовут белоручкой.

– Хорошо, потом ты, начали. Двое страхуют, один сбивает камни.

Засуетились, изучая оставленное подчинёнными профессора Гудзовского оборудование. Досталась работа и Матвею, чему он был рад, так как не любил прохлаждаться, пока другие трудились. Несмотря на долгий путь и неполноценный отдых, силы не убывали, их подогревали интерес и нетерпение, ожидание неких открытий, о коих в прежней жизни никто не задумывался.

Пришла очередь лезть в колодец с киркой в руке, и, может быть, именно нетерпение Матвея и позволило ему добиться результата, о каком никто из бойцов даже не мечтал. Стоило ему начать долбить

стенки шурфа, как вся кольцевая структура шурфа неожиданно полетела куда-то вниз, открывая неровный и широкий проход в недра нижней пещеры, где стояла пирамида. Или МИР древних насекомых. Из глубины провала раздался грохот разбивающейся обо что-то породы.

Матвей замер, вглядываясь в темноту провала, держась одной рукой за трос, стоя по пояс в бадье для подъёма камней.

– Что там? – спросила голова Стаса, появившаяся вверху над обрезом колодца.

– Уступ рухнул.

Колодец осветил ещё один фонарь.

– Пролезть можно?

– Опустите меня пониже.

Бадья со скрипом пошла вниз. Фонарь Матвея, укреплённый на каске, высветил края провала, луч света упал в обширное пустое пространство, почти утонув в клубках пыли, и проявил какую-то изогнутую невероятным образом конструкцию.

– Это не пирамида, – крикнул наверх Матвей.

– А что?

– Надо спуститься в провал, без бадьи.

– Поднимаем.

Матвея вытащили наверх, отцепили бадью, удлинили трос, подсоединив к нему бухту прочной бечевы, которую не зря взяли с собой «гробокопатели».

– Я полезу, – сунулся вперёд Мишо.

– Первым пойду я, – остудил его порыв Стас. – Следующим – брат. Остальным там пока делать нечего.

Нацепили на Стаса монтажный пояс, подвязали к тросу особым образом деревянный брус, на который он стал ногами, начали опускать.

Пятно фонарного света лизнуло стенки колодца, стало удаляться, но из-за фигуры спускающегося разглядеть глубины открывшейся пещеры было невозможно. Виднелся только сужавшийся пузырь света, пробивающегося сквозь белёсые струи пыли.

Фигура Стаса скрылась в горловине лаза. Несколько минут было тихо. Потом долетел его шипяще-гулкий голос:

– Поднимайте.

Подняли трос со всей амуницией спуска. Матвей застегнул на талии страховый пояс, встал на брус, взялся руками в перчатках за трос, и его начали опускать вниз.

Луч света выхватил стены колодца, горловину дыры, ухнул в бездну, искрящуюся пылинками. Мимо скользнула некая неровная ажурная стена, сплетенная из гофрированных и членистых труб разной толщины. На грань пирамиды она не походила. Спину продрал мороз: Матвей наконец осознал, что ему представилась возможность увидеть ещё одно сооружение древних цивилизаций, хранившееся под землёй миллионы, а то и десятки миллионов лет.

Мелькнули в стороне какие-то кривые столбы, стал виден луч света фонаря Стаса. Приблизился странно ровный, как бетонная площадка, пол пещеры. Стукнуло в ноги.

– Доехал! – крикнул Матвей вверх, ворочая головой и освещая фонарём близкую стену пещеры слева и невероятно сложное сооружение из труб справа, больше всего похожее на гигантскую гору переплетенных змеиных тел.

Ладони вспотели.

– Ничего себе... пирамида!

Хрустя щебнем и песком, подошёл Стас, так же освещая неведомую конструкцию лучом фонаря.

– Это не пирамида, мы не ошиблись.

– Вижу. Странно...

– Что?

– Если это МИР...

– МИР, МИР Гастроподов, будь уверен.

– Но ведь доступ к МИРам заблокирован... и они должны охраняться...

– Вот тут ты прав, я сам задаю себе тот же вопрос. Все модули иной реальности стерегут Хранители, этот не исключение. Возможно, что-то случилось... – Стас не договорил.

Из-за горы металлических, а может быть, керамических «змей», заполнившей всю пещеру, раздался длинный скрип, словно где-то отворилась ржавая дверь.

Стас и Матвей застыли, прислушиваясь, одновременно направляя лучи фонарей в щель между горой и стеной пещеры.

Послышался шелест шагов, и в щели появился не то клуб дыма, не то язык серого шёлка, приблизился.

– Чёрт! – выдохнул Стас, растопырившись крабом.

«Клуб дыма» приобрёл чёткие очертания, превратился в высокого и худого – одеяние вроде плаща болталось на нём как на вешалке – мужчину, черноволосого, с проседью в густых курчавых волосах. Горбоносое лицо у него было скорее землистое, чем смуглое, и тоже очень худое, состоящее, казалось, из одних обтянутых кожей костей.

– Хранитель, – хрустким голосом выговорил Стас.

Мужчина оглядел его, не обращая внимания на бьющие в лицо снопы света, потом так же внимательно изучил Матвея. Голос его неожиданно оказался звучным и сильным, не соответствующим облику.

– Что вам здесь нужно?

– Этот вопрос надо было задать не нам, – с усмешкой сказал Стас. – Спелеологи копаются в твоём хозяйстве уже больше месяца, а ты и в ус не дуешь. Я думал, МИР не контролируется.

Горбоносый пропустил его реплику мимо ушей.

– Что вам здесь нужно?

– Заладил как попугай... Великая Вещь нам нужна. Ведь это МИР слизняков, не так ли? По моим сведениям их замок хранит «сорок сороков».

– Ты ошибаешься.

– Возможно, – легко согласился Стас. – В таком случае что здесь постоит?

– Кто ты?

– Стас Котов, оруженосец Воина Закона.

По лицу Хранителя пробежала сложная гамма чувств, заставив шевелиться каждую косточку под кожей. Стало понятно, что ему очень много лет.

– Зомбированный...

Стас покосился на «брата», показал ровные белые зубы.

– Это давно в прошлом.

– Кто с тобой?

– Мой брат... точнее, родной сын Мастера Котова.

– Он с тобой?

Стас снова покосился на Матвея, затаившего дыхание.

– В данный момент он... со мной.

– Уходите.

– Старик, ты не понимаешь реального расклада...

– Уходите! – Голос Хранителя взлетел к своду пещеры и вернулся карканьем.

– Подожди, давай поговорим. Как тебя звать? Я знал многих Хранителей.

– Кристопулос.

– Грек, что ли? А по-русски говоришь без акцента. Ты вообще-то следишь, что происходит в мире? Уже более двадцати лет Монарх Тьмы не контролирует земной социум. СССР распался, Россия в кольце врагов...

– Мы следим за тем, что происходит в мире, – перебил Стаса Хранитель. – Но мы не участвуем в ваших войнах, не стремимся к власти и наживе, не насаждаем наши идеи, не передаём наши знания и опыт.

– Так вот вы делаете огромную ошибку, не вмешиваясь в жизнь планеты! Распад Советского Союза продолжился в душах людей, огромное пси-пространство социума захлестнула волна безнравственности, моральное падение, разьевшее и коренное население России – русский народ до состояния стада, достигло предела! Вам всё равно?! Вы ждёте, когда на Земле погаснет последняя искра жизни?!

Матвей с невольным удивлением глянул на брата, не понимая, всерьёз он толкает речь или издевается над слушателем, уж слишком пафосно она звучала.

Однако на Хранителя речь не произвела никакого впечатления.

– Когда гаснет последняя искра жизни, – сказал он, – это печально, но гораздо печальней, когда гаснет последняя искра разума. Человек – не первая разумная тварь на Земле и не последняя. Его должен сменить Ангел, и мы его дождёмся.

– Какой ещё Ангел, тупой ты вертухай! – Стас поймал на себе взгляд Матвея, опомнился. – Жди кого хочешь, но я человек и защищаю человека! Отдай мне Вещь!

– Ты не лучший представитель своего племени, – усмехнулся Кристопулос; его имя имело явно греческие корни, но по-русски он действительно говорил чисто. – И не умеешь просить вежливо. Вещь

этого замка Гастроподов будет ждать своего часа и своего хозяина ещё долго.

– Мы уже здесь, и мы сами её заберём, чего бы это ни стоило! Не мешай нам!

Хранитель выпростал худую руку из-под серой хламиды.

– Знаешь, что это такое?

Матвей вытянул шею, пытаясь разглядеть в руках старика какой-то чёрный брусочек наподобие мобильного телефона.

– Коммандер, – пробормотал Стас.

– Не великая, но очень опасная вещь, – снова усмехнулся Кристопулос. – Уходите и уведите подальше всех людей, я взорву берег.

– Ты взорвёшь МИР?! – не поверил Стас.

– Я взорву мыс, замок останется целым, но вы до него не доберётесь.

– Ты с ума сошёл!

– Я делаю своё дело.

– Почему же ты не сделал этого раньше, когда здесь начали копать археологи?

– Хранитель МИРа умер, мы узнали это недавно. Я служу другому МИРу.

– Но послушай...

– Уходите. – Кристопулос поднял руку с зажатым в кулаке пультом над головой. – У вас всего полчаса на отступление, ни минутой больше, и ждать я не намерен. Берег будет взорван, даже если вы не успеете уйти.

Стас повернул голову к Матвею.

– Чёртов тюремщик! Ведь взорвёт!

– Надо уходить, – сказал Матвей.

– Да понимаю! – Стас посмотрел на старика. – Скажи хоть, что за Вещь здесь хранится.

– Эскулап.

– Что?!

– Абсолютный биологический корректор, восстанавливающий матрицу любого живого существа.

– Феноменально! Значит, этот Эскулап лечит все болезни, исцеляет все раны, так тебя понимать?

– Уходите, время пошло. – Старик повернулся, тучей серого блестящего шёлка взметнулся его плащ, и старика не стало.

– С-собака! – стукнул Стас кулаком в стену пещеры. – Это, конечно, не «сорок», но Вещь пригодилась бы. Шеф не обрадуется.

– Время...

– Да, пора убираться отсюда.

Они вернулись к свисающему из дыры в потолке устройству подъёма и поодиночке поднялись в верхнюю пещеру. Ничего не объясняя, Стас велел быстро перебраться с берега на катер, предупредил археологов, что «склад боеприпасов» может рвануть в любой момент, и катер с группой Котова отошёл от берега.

Отплыли метров на двести, остановились. Время, отпущенное Хранителем, кончилось, и полоса нависающих над водой скал встала дыбом, на протяжении километра весь бугор мыса Айя взлетел в небо дымными смерчами.

Катер качнуло воздушной волной.

Паламарчук перекрестился.

– Мама родная! Так там и в самом деле был склад?!

– Жаль, – оскалился Стас, глядя на берег в бинокль.

И только Матвей понял, к чему относилось это слово.

Часть II. Ошибись, мѣлуя

Глава 1. Репетиция бандлика

Самандар взялся за дело энергично, и уже через два дня после встречи с ним Василия Никифоровича, двадцатого сентября, на совещание собрались бывшие комиссары и командиры подразделений «Стопкрима» в количестве семи человек. Местом встречи избрали дачу Самандара, хотя Иван Терентьевич Парамонов для вящей конспирации и предложил встретиться на нейтральной территории, где их никто не знал. Но Вахид Тожиевич сумел уверить его в безопасности именно его владений, и гости начали подъезжать к дачному посёлку на своих авто к девяти часам вечера, когда стемнело и на всё Подмосковье легла пелена туч.

Хозяин встречал всех лично, гости проходили в дом, обнимались с бывшими соратниками, шутили насчёт седины и животов, вспоминали весёлые случаи из общей жизни, рассаживались, выбирая напитки по нраву.

Впрочем, большинство предпочитали горячий чай, и лишь бывший начальник угрозыска Москвы Александр Синельников попросил кофе с молоком. Самандар сел за стол со стаканчиком глинтвейна.

— Рад приветствовать вас, друзья, в моём скромном жилище, — заговорил он. — На что заработал, то и построил. Наша база в Раменском давно имеет другого владельца, так что придётся создавать новую. Обстановку в стране знаете, а причину встречи сообщит маэстро Котов.

Василий Никифорович обвёл глазами лица приглашённых, с которыми проработал вместе не один год, искореняя Зло в России, проведя десятки операций, называемых бандликами — от слов «ликвидация» и «банда». Все они были людьми решительными, опытными, знающими дело, умеющими брать ответственность на себя, и быть их друзьями считалось честью.

— Поступило предложение от президента, — начал он свою не слишком длинную речь, закончившуюся через двадцать минут. — Что скажете?

Какое-то время в гостиной царил молчание.

Гости размышляли, допивали чай, поглядывая друг на друга, но своего отношения к сказанному выражать не спешили.

Первым заговорил Парамонов. Он отпустил усы и бороду и теперь был похож на сельского агронома, хотя в настоящее время, по последним данным, преподавал в Московском госуниверситете мировую мифологию.

– Я бы начал с медицины. Власть на словах страшно печётся о здоровье людей, строит гигантские перинатальные центры в крупных городах, а в результате сокращения малых больниц и роддомов на селе младенческая смертность выросла втрое!

– Вечные болевые точки России, – пробормотал осанистый, абсолютно безволосый Медведев.

– Дураки и дороги, что ли? – хмыкнул Синельников – глыба мышц и осязаемой силы.

– Медицина, образование, культура.

– В первую очередь – глобальная коррупция.

– Вообще-то я начал бы с Купола, – заметил Самандар. – В первую очередь обезглавить надо его.

– На место маршала тут же высунется такая же нелюдь, – проворчал Синельников.

– А это уже забота президента – быстро заменять убранных чиновников своими людьми.

– Начинать можно с чего угодно, – заговорил Василий Никифорович. – В России не разрушена только чиновничья структура, остальное – обнять и плакать. Однако прежде необходимо разработать концепцию деятельности «Стопкрима» и создать рекрутерское агентство. Чтобы очистить страну, нужна не горстка людей, а система.

– Я уже пишу концепцию, – сказал Вахид Тожиевич небрежно, – ищите соратников. Наша база – инструктора армейского спецназа, бывшие «чистильщики» и сотрудники спецслужб.

– Экстрасенсы, – добавил Медведев.

– Если только из числа проверенных, а не те, что светятся в телепрограммах.

– Я бы связался с Хранителями Круга, – сказал молчавший до сих пор Веня Соколов, бывший командир оперативно-розыскной бригады. Он исхудал, по слухам – долго болел, лечился на Алтае и в Тыве у шаманов, победил рак и выглядел соответственно – как после

длительной голодовки. Но в глазах спецназовца горел упрямый огонь незыблемости духа, подтверждавший его собственный политический тезис: кто не дерётся за жизнь до конца – тот уже умер, хотя ещё и не знает об этом.

– Старый Матфей нам недоступен, – сказал Самандар. – Где он, никто не знает. Варсонофий сейчас на Камчатке, Болгоош на Алтае, на Чемале, но разговаривать не хочет. Тюменский патриарх Охтя болен, да и стар он как вселенная. Из моих контактов остался только Кристопулос, он сейчас не то в Армении, не то в Греции, и всё. Если кто-нибудь знает выходы на других Хранителей, пусть подключается. Они бы нам могли помочь.

– Не верю, они всегда отказывались, – буркнул Медведев.

– Времена изменились, они тоже поставлены на грань выживания, – сказал Василий Никифорович. – Надо попытаться объяснить им ситуацию. Наша реальность окончательно превратилась в мир насилия, возведенного в базу развития человеческой цивилизации. Это абсолютный эволюционный тупик! Необходимо иное изменение – в душах людей, чтобы заработали божественные Законы, а не те, какие всучил нам Монарх Тьмы.

– Красиво говоришь, Мастер! – восхитился Самандар.

Василий Никифорович сдвинул брови.

– Я не прав?

– Прав, конечно, хотя я мог бы многое добавить. Самая главная ошибка Конкере – что он оставил человечеству те же принципы агрессивной конкуренции, по которым жили инсекты. Кто может откорректировать эти принципы – нет конкуренции – нет прогресса, бред сивой кобылы! – я не знаю. Но делать что-то надо.

– Обратиться за помощью к инфарху, – сказал Медведев.

Василий Никифорович качнул головой.

– Обращаясь за помощью к инфарху, а по сути – к Богу, мы просим помощи у самих себя, закрывая тем самым пути к самореализации и сохранению Рода.

– Но без него мы не справимся.

– С такими мыслями, друг мой, лучше в драку не ввязываться, – усмехнулся Парамонов. – Раньше ты был решительней, Гена.

Медведев пожевал губами, но спорить не стал, уперся взглядом в пол.

– Раньше мы все были решительней, – вздохнул Синельников.

– Если бы у меня был контакт с инфархом, – сказал Самандар сожалеюще, – я бы им непременно воспользовался.

Василий Никифорович вспомнил признание сына о знакомстве с девушкой по имени Дива. Жизнь преподносила и не такие совпадения, но вполне могло случиться, что юрист из Генпрокуратуры и в самом деле являлась дочерью Матвея Соболева. В этом случае у собравшихся появлялся реальный шанс связаться с ним и предложить совместное служение «чистилищу», роль которого возрастала всё больше. Однако вслух о своих надеждах Котов говорить не стал.

– Нам нужно поднять все старые связи, нужны профессионалы, нужны «чистильщики», работавшие с нами два десятка лет назад, и нужны молодые ребята, не испорченные властью, жаждущие исправить нынешнее положение дел. И очень нужны головы, способные вносить новые идеи и решать сложные задачи. Если у кого-то есть сомнения в необходимости воскрешения СК – высказывайте их сейчас. Если таковых нет – начинаем работать.

Никто не пошевелился. Каждый из этих людей уже решил для себя, будет он в команде или нет.

Самандар вытащил из сумочки на тумбочке блок белых и чёрных карточек, ловко раскинул их по столу, как карточный шулер.

– Остались в запасе. Можем, конечно, изменить символику и изготовить новые, но и эти хороши.

Василий Никифорович взял в руки визитки «Стопкрима»: на обеих был вытиснен золотой кинжальчик, рукоятью которого служил вензель из двух букв – С и К. Белый они в своё время вручали как предупреждение проштрафившимся чиновникам, чёрная визитка служила своеобразной «чёрной меткой» и оставлялась после приведения приговора в силу.

Остальные комиссары тоже взяли по визитке.

– Запасливый ты мужик, Тожиевич, – пробормотал Медведев. – А не хохол вроде.

По гостинной прошелестели смешки.

– Не только хохлы бывают запасливыми мужиками, – усмехнулся Самандар. – По духу я русский человек. Как говорил один хороший писатель: Россия сотворила меня, как Господь Бог – Адама, из капель

росы, из песчинок, из лучей света и цветочной пыльцы. Я знаю, что не Бог создавал людей, но Россия для меня – это и сверкающие январские звёзды, и дивные ослепительные снега от горизонта до горизонта, и ветреные дубравы, и лесные цветы и, главное, язык, на котором я говорю и думаю^[6].

Медведев косо глянул на Котова, ему стало неловко за свою реплику, и Василий Никифорович сказал мягко:

– Да ты поэт, Вахид.

Самандар в упор посмотрел на него.

– Прости, я сегодня больше философ, чем обычно. А для тебя что такое Россия?

– Прежде всего – история моего народа и моя вера в лучшее для этого многострадального народа. Мы были вместе много лет, переживали с Россией не одну её беду и даже смерть – в конце века, крича от боли, потому что вместе с ней умирали и мы. Но ведь мы выжили? Значит, должна выжить и она?

По гостиной разлилось молчание, которое через минуту нарушил Парамонов:

– Вы оба поэты. Но я горд, что я с вами.

– К теме, – перешёл на деловой тон Василий Никифорович. – Готов ответить на ваши вопросы.

– Я не понял насчёт системного подхода, – поднял руку Веня Соколов; впрочем, теперь все называли его уважительно – Вениамин Романович.

– Что именно?

– Мы и раньше системно разрабатывали каждый бандлик.

– А теперь придётся усложнять процесс до степени «случайных совпадений». Упал – сломал ногу...

– Лучше шею.

– Можно и шею.

– Но в таком случае визитки нам не пригодятся.

– Почему? – не понял Медведев.

– Потому что цепочки «случайных ликвидаций» не должны обрываться на исполнителях. Оставь мы визитку СК – все сразу поймут, кто ликвиднул бандита.

Самандар почесал в затылке.

– Об этом я не подумал.

– Визитки пригодятся, если мы замочим террориста или убийцу, находящихся в розыске, – сказал Синельников. – Можно работать на разных уровнях, с предоставлением СМИ доказательной базы – для самого низкого, так мы и работали, и с организацией «случайных» смертей – на высоком, который крышуется на уровне государственных структур.

– Пожалуй, – согласился Вахид Тожиевич.

– Я бы предложил всё-таки начать с «пятой колонны», – сказал Медведев. – СМИ, радио, телевидение. Оторопь берёт, когда читаешь в Сети радостные вопли по поводу провала внешней политики и слушаешь злобный лай предателей по каналу «Эхо Москвы» или РБК. Вот кого я бы с удовольствием замочил в первую очередь! Плюс правозащитные Фонды!

– Какой ты кровожадный, Олегович, – укоризненно сказал Вениамин Соколов.

По лицам собравшихся промелькнули улыбки, все знали миролюбивый характер комиссара, занимавшегося когда-то медицинскими проблемами.

– Мы ими займёмся, обещаю, – сказал Самандар.

– Ещё вопросы? – оглядел соратников Василий Никифорович.

Помолчали.

– Необходимо специальное подразделение, – проговорил Парамонов. – Нечто вроде координационно-стратегического и вычислительного центра, который взялся бы разрабатывать каждую криптооперацию.

– Я готов предложить свои варианты, – отозвался Самандар. – Так как я работаю в Счётной палате, у меня есть выходы на все компьютерные сети, в том числе секретные. Одну из них вполне можно использовать втихую, выдавая операторам задачи, цели которых будем знать только мы.

– Это что же за сеть такая? – недоверчиво спросил Медведев.

– МГУ. Им поставили классную машину – «Эльбрус-14», одну из самых мощных в мире, а обслуживают её студенты.

– Как ты себе представляешь наше взаимодействие со студентами?

– У меня есть друзья, обслуживающие комплекс, – ухмыльнулся Самандар. – В том числе в руководстве компьютерного центра.

– Похоже, у тебя на все вопросы приготовлены ответы, – буркнул Медведев.

– Стараюсь соответствовать времени, – кротко сказал Вахид Тожиевич. – Давно известно: кто не успел, тот опоздал.

– Ещё вопросы? – поторопил присутствующих Василий Никифорович.

– Есть какие-нибудь сведения о БГ? – спросил Синельников.

Все разом посмотрели на хозяина усадьбы. Речь шла о психотронном генераторе, прозванном Большим Глушаком, который пытались создать двадцать лет назад Рыков и компания.

– Его ещё тогда конфисковали федералы, – напомнил Самандар. – Но после поражения Конкере и блокировки реальности от всякого рода колдовства все устройства подобного рода работать перестали. Прямое психотронное зомбирование стало невозможно. По моим данным БГ до сих пор изучают в Пермской лаборатории психотехники ФСБ.

– То есть использовать его мы не сможем?

Присутствующие задвигали стульями, зашумели.

– А как ты хотел его использовать? – озадаченно поинтересовался Парамонов.

– Не пришлось бы никого мочить, – пожал широченными плечами Синельников. – Зазомбировав кого надо – и пусть работает на благо Отчизны.

– Мечта нынешней власти, – скривил губы Медведев. – Зазомбировать население и делать с ним всё, что захочется.

– Это у них и без пси-генераторов хорошо получается. Первыми начали фашисты, американцы подхватили, а теперь НЛП-программированием занимаются даже африканские негры.

– О БГ лучше забудьте, – твёрдо сказал Василий Никифорович. – Как ни программируй нелюдь, нелюдью она и останется. Здоровых сил в стране больше, но они должны подняться на борьбу с беспределом добровольно. Уверен, начнём работать, к нам присоединятся многие. Веня... э-э, Вениамин Романович, твои связи с силовиками сохранились?

– Так точно, Мастер. Могу хоть завтра выставить взвод проверенных ребят, готовых продолжить дело.

– Это славно, нам понадобится помощь. На компанию моей жены наехала полиция Северного административного округа, требует

оплаты за «крышу».

Мужчины переглянулись.

– Давно не слышал о подобных вещах, – проворчал Медведев.

– К сожалению, подобные вещи остановить почти невозможно. – Василий Никифорович поведал присутствующим историю с наездом полицейских на «Хлебодар». – В САО сменилось руководство, появились новые хищники, жаждущие поживиться, одного из них мы вычислили – майора Зыбина, заместителя начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями.

– Хорош борец, – проворчал Медведев.

– На него давно собран компромат, ещё в те годы, когда он работал в Твери. Вахид разработал план контакта...

– Бандлик.

– Бандликом эту операцию назвать трудно, мы никого не собираемся... нейтрализовывать, но товарищи полицаи должны будут понять, что и на них есть управа.

– Сделаем, – сказал Соколов.

– Ну что, старики-разбойники? – улыбнулся Вахид Тожиевич. – Покажем криминалу кузькину мать?

– Мы не старики, – с достоинством проговорил Парамонов.

* * *

Зыбина Сергея Шалвовича перевели в столицу всего полгода назад, в апреле, из Твери, где он работал в налоговой полиции и стал известен благодаря скандалам, связанным с подкупом полицейских чинов конкурентами «правильных» бизнесменов. Однако у майора были очень влиятельные приятели в прокуратуре губернии, а также в правительственных кругах, и последнее дело на него замяли, спустили на тормозах, а потом перевели в Москву заместителем начальника по борьбе с экономической преступностью Северного административного округа.

Но и здесь тихий с виду, необычайно вежливый и уважительный майор сумел быстро разобраться в обстановке и начал искать способы заработать деньги.

За полгода он обложил данью около трёх десятков предпринимателей, имеющих бизнес в САО, и стал полезным прокуратуре округа, имея неплохих защитников в структурах рангом выше.

Частной пекарней «Хлебодар» он сначала не интересовался, считая её прибыль мизерной, но кто-то из новых приятелей посоветовал ему приглядеться к компании, он навёл справки и решил лично заняться «крышеванием» пекарни, изделия которой имели неплохой спрос.

В офис компании он приходил дважды, не в последнюю очередь в надежде склонить красивую владелицу «Хлебодара» к сожительству. Не получилось. Тогда он отдал приказ подельникам избить водителя директрисы, а когда и это не помогло, решил устроить показательную экзекуцию, заранее подготовив документы о незаконном использовании пекарней нелегальных трудовых мигрантов.

Двадцать второго сентября подразделение полицейских в составе семи человек под его командованием заявилось к пекарне на трёх джипах и развило бурную деятельность «по задержанию преступников», обнаружив двух таджиков (привезённых с собой) и пакетики с наркотиками в цехе готовой продукции.

Однако майор Зыбин не успел отпраздновать победу и продиктовать директорше свои условия. Уже через несколько минут после налёта полицейской «гвардии» на пекарню на её территории появились другие люди, и началось то, о чём долго потом с содроганием вспоминал главный организатор акции.

Полицейских, проникших в цеха пекарни, скрутили неизвестно откуда взявшиеся суровые, не очень молодые люди в камуфляже, не дав им возможности воспользоваться оружием. После этого мужчины в камуфляже осмотрели цеха, нашли наркотики и погрузили задержанных, отобрав у них оружие и мобилы, в микроавтобус с надписью «Морг» на борту. Туда же поместили таджиков, сознавшихся в своём участии в провокации за символические деньги.

Примерно та же участь ожидала и самого Зыбина, который в сопровождении лейтенанта и толстопузого сержанта заявился в офис пекарни.

В приёмной директора толкались какие-то пожилые люди, трое мужчин и две женщины, обмениваясь документами и обсуждая

условия транспортировки хлеба в деревни дальнего Подмосковья. На полицейских они не обратили никакого внимания. Да и Зыбин тоже особенно к ним не присматривался, посчитав мирную делегацию за представителей торговых организаций.

– Где директор? – спросил он у секретарши интеллигентным голосом.

– У неё железнодорожники, – подняла голову от стола миловидная рыжеволосая секретарша по имени Лиля. – Подождите, пожалуйста. Кофе хотите?

– Железнодорожники – это хорошо, – улыбнулся майор, жестом посылая подчинённых вперёд.

В кабинете владелицы «Хлебодара» и впрямь находились двое мужчин. Один, черноволосый и смуглолицый, стоял у окна с прижатым к уху мобильным телефоном, второй, седоватый, широкоплечий, жилистый, с обветренным лицом, на котором выделялись твёрдые скулы и прямые жёсткие губы, сидел за столом и листал какой-то журнал.

Директорша что-то писала, посматривая на экран компьютера.

– Выйдите, – сказал майор Зыбин мужчинам, показывая острые желтоватые зубы.

Мужчины обратили к нему сосредоточенные лица.

– Минута в минуту, – осклабился черноволосый, одетый в серый холмогорский костюм с чёрной прострочкой по швам и чёрную рубаху.

Седоватый железнодорожник бросил взгляд на директоршу.

– Он?

Женщина кивнула.

Майор перестал улыбаться. Поведение гостей директорши ему не понравилось, интуиция подсказала, что они сидят в кабинете главы компании не зря.

– Тимошенко.

Громадный, поперёк себя шире, сержант с брюхом, нависающим над ремнем, шагнул вперёд.

– Граждане, выйдите из кабинета.

Черноволосый скептически глянул на него, снова поднёс к уху телефон.

– Веня, что у вас?.. Понял... Больше никого?.. Загляни к нам.

– Вы что, глухие? – с угрозой спросил сержант. – Быстро на выход!

– Да ты не нервничай, служивый, – спокойно сказал седой, по-прежнему держа в руках глянцевого журнала и не двигаясь с места. – Выйди пока и подожди в приёмной. – Седой перевёл взгляд на лейтенанта. – Ты тоже. А с майором мы поговорим.

Спутники Зыбина оглянулись на него. Он нахмурился.

– Вы кто такие? Документы!

– Ты сам-то свои покажи, – укоризненно качнул головой черноволосый.

– Чего?! – обрёл дар речи лейтенант, потянувшись к кобуре на поясе. – Документы, живо!

Сержант тоже цапнул пистолет.

Черноволосый спрятал телефон, хищно улыбнулся.

– Мужики, не разочаровывайте меня, хват за волыны ничего не гарантирует.

– Тимошенко, выведи обоих! – приказал лейтенант, в то время как майор находился в тягостном раздумье, и всё разом изменилось.

Железнодорожники сорвались с места и в две секунды уложили сержанта и лейтенанта на пол.

Сержант упал как астероид на Луну, едва не проломив пол кабинета. Что произошло, он понял только тогда, когда у него на запястьях защёлкнулись его же наручники, висящие на поясе.

Лейтенанту досталось больше, так как реакция у него была хорошая и он успел вытащить штатный «Макаров-М». Седой свёрнутым в трубочку журналом выбил у него из руки пистолет и этим же журналом чувствительно врезал по уху, заставляя служителя закона прикрыть голову ладонью, а потом бросил через колено на пол и сдёрнул с плеч мундир таким образом, что руки лейтенанта оказались спелёнутыми за спиной.

Глаза майора стали размером с юбилейную олимпийскую монету достоинством три рубля. Он попятился к двери, растопырив локти.

– В-вы... э-э...

Дверь открылась, вошёл худой мужчина лет пятидесяти, светловолосый, светлоглазый, с болезненным лицом. Аккуратно ухватил майора за руку.

– Далеко собрались, гость дорогой?

Седой погрозил оглушённому лейтенанту пальцем:

– Лежи смирно.

Вернулся к столу.

– Присядь, майор, побеседуем по душам.

Зыбин затравленно огляделся, лихорадочно соображая, что делать, но лица железнодорожников, обращённые к нему, были так буднично спокойны, что страх его отступил.

– Вы понимаете, что за нападение на сотрудников полиции можете получить большие сроки? – сказал он своим мягким приветливым голосом. – Я сейчас вызову ОМОН...

– Мы сами ОМОН, – небрежно прервал его черноволосый. – Веня, заberi холуев этого господина.

Светлоглазый мужчина высунул голову в приёмную, поманил кого-то пальцем, в кабинет вошли двое крепких молодых людей, одетых как самые обыкновенные законопослушные граждане, подняли сержанта и лейтенанта, увели.

– Поработайте с ними, – сказал седой с неким намёком. – Они не должны служить в полиции.

Светлоглазый кивнул, вышел.

Зыбин встретил взгляд седого и содрогнулся: в нём стыла такая холодная угроза, такая беспредельная брезгливость, что захотелось бежать куда глаза глядят. Тем не менее он попытался выглядеть бесстрашным борцом за права человека.

– Вы понимаете, что я так это дело не оставлю?

По лицам присутствующих пробежали одинаковые иронические тени, и даже губы директорши отобразили точно такую же снисходительно-презрительную усмешку.

Седой посмотрел на спутника, и тот заговорил бесстрастным голосом, перечисляя «подвиги» майора в Твери и в столице, о которых не должен был знать никто, кроме следственных органов. Закончил:

– Подсудимый, будете отрицать или сразу перейдём к приговору?

Зыбин облизнул пересохшие губы, покачал головой.

– Вы не представляете, с кем связались...

– Очнись, майор, – жёстко сказал седой, – мы-то представляем, с какой мразью имеем дело, это ты не представляешь, с кем связался. Мы начали с тебя, пока ты не замарал свои руки кровью. Но будь уверен, что мы достанем и всех тех, кто стоит за твоей спиной.

Черноволосый достал из кармашка куртки белый прямоугольничек с выдавленным на нём золотым кинжальчиком, бросил на стол перед Зыбиным.

– Знаешь, что это такое?

Майор с любопытством наклонился над визиткой, разглядывая кинжальчик, рукоять которого символически отображали буквы С и К.

– Вы шутите? Это было давно...

– Вспомнил? Это белая метка «Стопкрима», по сути – предупреждение. Но не дай тебе Бог получить чёрную.

Черноволосый бросил рядом с белой чёрную визитку с таким же кинжальчиком.

– Не поможет никто! Ни твои приятели – прокуроры, ни генералы, ни министры, ни ОМОН. Поэтому сделай так, как мы скажем. Уходи из органов, сегодня же подай рапорт на увольнение, мол, заболел, рак.

– Твои нынешние подельники, – седой кивнул на дверь, – получают те же предупреждения и в случае отказа последовать совету будут ликвидированы физически. Одновременно с тобой.

Зыбин изобразил улыбку.

– Мы же вас... отловим... как...

Седой посмотрел на директоршу.

– Уля, выйди на минутку.

Женщина помедлила, хмурия брови, но вышла из-за стола.

– Пожалуйста, не переходите черту.

Дверь за ней закрылась.

– Зыбин Сергей Шалвович, – ровным голосом, без интонаций, что впечатляло сильнее, – сказал седой, – своими угрозами ты только осложнил себе остаток жизни, скорее всего – очень короткой. «Стопкрим» никогда не блефовал раньше и не собирается блефовать нынче. Мы зачитали тебе условия, при которых ты можешь остаться в живых, и проследим за их соблюдением. Как только ты кинешься к своим друзьям с погонами за помощью, чёрная метка уже не понадобится. Уяснил?

Зыбин вздрогнул, и всё же какая-то надежда в его чёрной душе, надежда на мощь и силу генералов, поддерживающих его крим-бизнес, ещё жила.

– Если вы сейчас же не прекратите...

Седой отодвинулся, глянул на черноволосого спутника, тот вдруг оказался рядом, его согнутый крючком палец вонзился в шейный позвонок майора, и дикая боль обрушилась на него, волной прокатываясь по позвоночнику и гася сознание.

Он попытался закричать и не смог, мышцы рта не повиновались, хотя боль продолжала рвать позвоночник на части и взрываться в голове.

Однако в полной мере ощутить эту боль ему не дали.

Вслед за болевым шоком пришло облегчение, голова прояснилась, лишь в кончиках пальцев рук и ног таяли последние искры боли.

Зыбину сунули в руки стакан.

– Пей.

Обливаясь, он выпил воду, с трудом различая, где находится и с кем общается. Как сквозь вату донёлся тихий голос:

– Тебе показали «укус осы». Не выполнишь наши рекомендации – тот же «укус» уложит тебя в гроб, хотя умирать будешь медленно. Уяснил?

– Н-не... н-надо... п-понял...

– Веня.

Кто-то взял майора под локоть, помог подняться и вывел из кабинета.

Мужчины проводили его взглядами, посмотрели друг на друга.

– Скользкая тварь, – сказал Вахид Тожиевич с сомнением. – Попытается вывернуться.

– Скоро узнаем, – сухо сказал Василий Никифорович.

Глава 2. Не вязни, коготок

В Москву вернулись на следующий день после взрыва на мысе Айя, завалившего подходы к «пирамиде».

Разумеется, об истинном положении вещей знали только братья, Стас и Матвей, остальные бойцы отряда ни о чём не догадывались. Для них, как и для исследователей пирамид, существовал реализованный факт – взрыв склада боеприпасов в одной из пещер. Можно было не беспокоиться, что информация о МИРе на мысе Айя в ближайшее время станет достоянием общественности. Хранитель Кристопулос позаботился об этом серьёзно.

Поскольку Матвей брал отпуск за свой счёт, ему не было резона отдыхать после возвращения домой, поэтому он уже на следующий день после прилёта из Крыма вышел на работу, неожиданно обрадовав начальника Управления.

– Я уже пожалел, что отпустил тебя на неделю, – сказал он, привычно поглядывая на экран компьютера. – Есть одна проблемка для твоего отдела. Что ты знаешь о вреде шума?

Вопрос не застал капитана врасплох. Диплом он защищал именно по проблемам защиты населения от производственных и бытовых шумов, поэтому мог привести множество примеров.

– Шум вызывает депрессию, гастрит, потерю слуха, сердечно-сосудистые заболевания, способствует алкоголизму и курению... и так далее.

– Ты по этой причине не куришь? – сощурился Пацюк.

– Отец правильно воспитывал.

– Это здорово, а вот мой папаша пил, курил и много ел. Я в него пошёл.

– Вы отлично выглядите, – дипломатично запротестовал Матвей.

– Не подхалимничай, я видел, как ты морщишься, когда я достаю сигарету. Что ещё ты знаешь о шумах?

– Шум бывает широкополосный, такой издаёт поток автомобилей и работа механизмов в цеху, а также тональный, постоянный, колеблющийся с амплитудой до ста десяти децибел, прерывистый, импульсивный...

– Стоп! Каков допустимый предел в квартирах?

– Сорок пять децибел по СанПиНам.

– Поступил сигнал с Яузской набережной, там есть армянский ресторан «Шико», лет двенадцать назад владелец построил его в нижний этаж девятиэтажки, получил разрешение каким-то образом, и жителей он не сильно беспокоил, закрывался в одиннадцать вечера.

– По нынешним нормам шуметь нельзя после десяти.

– Ну, жители терпели. Два месяца назад у ресторана сменился владелец, а у нового есть волосатая лапа в полиции, и ресторан стал хаметь, нередко врубает музыку далеко за полночь. Надо поехать туда, замерить уровень шума, принять соответствующие меры.

– А волосатая лапа полиции? – индифферентно напомнил Матвей.

– Ничего, ты умеешь работать с органами, – хрюкнул Пацюк с одобрительной интонацией. – Появятся препятствия – доложишь.

– Товарищ полковник, мне придётся ездить туда по вечерам, – деликатно обозначил проблему Матвей.

– Возьмёшь отгулы, – отмахнулся начальник Управления, отворачиваясь.

Матвей гаркнул:

– Благодарю, товарищ полковник! – чётко повернулся и вышел, подумав, что отгулы ему ещё понадобятся, особенно если придётся встречаться с Дивой.

В тот же вечер, взяв с собой Пашу Редьковича, капитан отправился на Яузскую набережную, искать ресторан «Шико».

Подъехали к десяти часам, поставили машину в сотне метров от ресторана, возле церквочки, так как вся небольшая парковка у ресторана была заполнена «вороньём», как выразился Паша: машины здесь стояли сплошь непростые и все как одна чёрного цвета.

Объявление на простой деревянной двери заведения гласило, что ресторан организует свадьбы и вечеринки под «живую музыку», а также выступления известных певцов. Один из них, известный под псевдонимом Воха, бывший яхтсмен и писатель, должен был выступать аккуратно следующим вечером.

– Завтра здесь будет буза, – авторитетно заявил Паша. – Я Воху знаю, напьётся – устроит скандал.

– Может, и завтра придётся сюда заявиться, – рассеянно отозвался Матвей. – ДШ взял?

Речь шла о детекторе шума.

– Триста двадцатый, на все диапазоны, – дотронулся до барсетки лейтенант.

– Молодец, пошли.

В ресторане было не протолкнуться, в нынешний вечер здесь собрались две компании, обе преимущественно армянского происхождения, судя по гортанной речи и смуглым небритым физиономиям, но местечко для полицейских, одетых в гражданское, нашлось.

Было не очень шумно, однако левая компания изредка кого-то поздравляла, и по довольно просторному залу проносился дружный вопль двух десятков молодых глоток: ура!

– Запиши, – сказал Матвей. – Потом обойди ресторан, поднимись в дом и запиши уровни шума на каждом этаже.

– Хорошо, только поем сначала, не возражаешь?

– Тогда и я закажу, вечером только кофе пил.

Они развернули меню.

– Бозбаш острый, либже, амиг, – начал читать Паша, глотая слюну. – Гляди-ка – чебуреки в водке! Попробовать, что ли?

– В другой раз, – не разрешил Матвей. – Читай про себя.

Выбирали недолго, так как подошёл официант в чёрной рубашке, чёрных брюках и белом фартуке.

Паша заказал бумбар – короткие сосиски из баранины и маринованные овощи, Матвей – сотэ из жареных баклажанов и миджурум – фарш из говядины, жаренный на сковороде с овощами. На сладкое оба остановились на пахлаве, изготовленной по старым армянским рецептам, как было написано в меню.

Через полчаса шум начал зашкаливать, хотя время подходило к одиннадцати, и пора было утихомиривать разгорячённых гостей.

Вторая компания – справа от входа – вела себя тише, и среди сидящих за сдвинутыми столиками Матвей заметил мужчин в синей форме – не то лётчиков, не то моряков. Но и они, не отказываясь от алкоголя, – пили армянский коньяк «Арагат», – начинали вести себя неприлично, то и дело разражаясь громким хохотом.

А затем к содому обеих компаний присоединилась «живая музыка» – местный инструментальный ансамбль, и сидеть вблизи

эстрады стало невозможно, певцы по заказам гостей начали исполнять популярные шлягеры, не снижая децибелов.

– Работай, – сказал Матвей.

Паша достал шумомер, прошёлся по залу, поглядывая на экранчик прибора, вышел из ресторана.

Матвей засёк время, терпеливо дожидаясь конца вечеринки, однако она не закончилась в одиннадцать, продолжая ввинчивать в уши посетителей классический «серый шум», от которого уши сворачивались в трубочку и сердце начинало ёжиться, не выдерживая звуковых атак.

Захотелось разом прекратить это безобразие, вряд ли способствующее отдыху жителей дома, Матвей уже собрался было поискать директора заведения, и в этот момент в зале появились новые гости – две дамы, в одной из которых капитан с изумлением узнал подполковника из Генпрокуратуры – Диву. Они огляделись, переговорили с официантом и сели за столик у окна, недалеко от столика Матвея.

Он замер.

Гости начали изучать меню. Взрыв хохота за составленными столами одной из компаний заставил их оглянуться, они повернули головы, и Дива заметила Матвея. Глаза их встретились.

Он встал, повинувшись незнакомой ему силе, подошёл, развёл руками с улыбкой.

– Извините, я к шуму не имею ни малейшего отношения... добрый вечер.

Женщина, спутница Дивы, глянула на него без особого интереса, перевела взгляд на подругу, одетую на сей раз в гражданское платье, блестящее, серебрящееся, с чёрным поясом, и Дива проговорила:

– Карина, это Матвей. Вот уж не ожидала увидеть. Каким образом вы здесь оказались? Неужели с ними? – Она сделала гримаску в сторону веселящихся мужчин.

– Нет, я здесь по делу, – поспешил откреститься он. – Я тоже не ожидал увидеть вас здесь, далеко от центра.

– Карина пригласила, – кивнула на спутницу Дива. – Живёт неподалёку.

Только теперь Матвей обратил внимание на то, что спутница сотрудницы Генпрокуратуры смуглая, черноволосая и черноглазая,

типичная армянка.

– Рад вас видеть. – Слова на язык не шли, он замолчал, не зная, что делать дальше, но увидел в дверях зала Пашу и с облегчением ретировался: – Извините, работа.

Подошёл к Паше.

– Ну, что?

– Записал, можем предъявить директору вместе с заявлением жителей. Я встретил двоих, мужика и девчонку, спросил, не мешает ли звук, – так они много чего наговорили. Готовы подмахнуть любую бумагу, лишь бы тихо было. Жители трижды обращались в полицию, реакции – ноль.

– Понятно, пошли посидим ещё.

– Голова трещит от этой музыки.

– Полчасика.

– Ладно, полчасика потерплю.

Сели за столик, Матвей кинул взгляд на женщин, однако они в его сторону не смотрели, и он расслабился. Было бы глупо надеяться, что он интересуется Диву в той же степени, что и она его.

– Я ещё пахлаву закажу, – сказал Паша, – чайку попью. А ты?

Матвей не ответил, поглощённый созерцанием недалёкого столика с женщинами. Хотелось сделать что-нибудь героическое, чтобы на него обратили внимание, но в голову ничего путного не приходило, и он с сожалением подумал, что судьба просто издевается над ним, предоставив случай увидеть запавшую в душу девушку и не дав возможности продолжить знакомство.

Паша проследил за его взглядом, оценил молчание.

– Что, интересные девчонки?

– Ешь, – буркнул Матвей.

– Та, в платье, ничего себе, симпатичная.

С эстрады прозвучало:

– Приглашаем всех танцевать.

Зазвучала ритмичная музыка, певица взяла в руки саксофон.

Обе компании оживились.

Откуда-то повылезали на танцплощадку перед оркестром полуголые девицы, к ним присоединились черноволосые джигиты слева и даже лётчики и мужчины «второй свежести» справа.

К сидящим женщинам подскочили два парня, предложили потанцевать. Обе отказались. Парни начали их убеждать, один схватил Диву за руку, и Матвей больше не колебался. Подошёл, сжал плечо «джигита» так, что тот перекосялся от боли.

– Успокойтесь, танцоры, дамы не хотят танцевать.

Напарник «джигита» мгновенно налетел на Матвея, норовя заехать ему пятернёй в лицо, и капитан, перехватив его руку, заставил парня согнуться пополам.

– Армен! – взвыл тот.

От танцующих отделились ещё два черноволосых парня, бросились к столику Дивы, но туда уже бежали и охранники ресторана, и официанты, и драку удалось предотвратить, хотя крику было предостаточно. Матвею грозили «оторвать яйца, выбить зубы и похоронить за плинтусом», что посмешило Пашу, прикрывшего командира со спины.

Компания начала рассаживаться по местам, бросая угрожающие взгляды на «борцов за права женщин».

Под взглядом Дивы Матвей отпустил горячих танцоров, виновато развёл руками.

– Прошу прощения, не предвидел их реакцию.

Спутница Дивы скептически поиграла бровью, но промолчала.

Дива проговорила низким голосом:

– А вы, оказывается, рискованный парень, капитан. Они и пырнуть ножичком могли.

– Ну, это вряд ли, – ухмыльнулся Паша. – Мы тоже не лыком шиты.

Дива усмехнулась, оценивающе глядя то на него, то на Матвея, и тот пробормотал:

– Может, вас проводить?

– Благодарю, господин Котов, как-нибудь обойдёмся.

Матвей поклонился, сел за свой столик, ища в своём поведении признаки отсутствия меры, взялся за чашку с остывшим чаем. Паша сел рядом, поглядывая то на него, то на отвернувшихся женщин, то на компанию слева.

– Так и знал, что этим закончится. Кто она? С виду – менеджер крупного модельного агентства.

– Она прокурорский работник, подполковник юстиции.

Лейтенант присвистнул.

– Ничего себе! А я думал – офисный планктон... где ты с ней познакомился?

Матвей не ответил.

– Понятно, – хмыкнул Паша. – С менеджерами поди легче знакомиться. Кстати, ты знаешь, что у нас на менеджеров не учат?

– Где это – у нас? – рассеянно спросил Матвей.

– Вообще в России. Я читал, что есть профессии, которые можно получить только за рубежом.

– Какие же?

– Пластический хирург, например. Наномедик.

– Неужели есть и такие?

– Ну да, наномедики создают искусственные органы и части тела. На фермеров у нас не учат, специалистов по утилизации отходов, энологов, досуговедов.

Матвей наконец преодолел ступор, с интересом посмотрел на лейтенанта.

– Бредятина.

– Вовсе нет, досуговедам и у нас много работы.

– У нас гораздо больше требуются инженеры и технические работники, на заводах работать некому. А что такое энологи?

– Специалисты по вину.

– Вот это хорошая профессия, в каждом осетинском ауле есть свои доморощенные энологи, и учить за рубежом не надо.

– Внимание, к нам делегация, – посмотрел за спину Матвея Паша. – Может, дёрнем отсюда, пока не поздно?

Матвей оглянулся.

К столику подошли двое мужчин, средних лет армянин в безукоризненном чёрном костюме, белой рубашке с галстуком-бабочкой и квадратноплечий молодой человек в таком же костюме, но с обычным галстуком.

– Попрошу вас освободить помещение, – вежливо, с характерным акцентом сказал господин с галстуком-бабочкой.

– А вы кто? – любопытствовал Паша.

– Я директор ресторана.

– Тогда присядьте. – Матвей достал удостоверение. – Капитан Котов, экологическая полиция.

На лице директора отразилось сомнение.

– Какая полиция, простите?

– Та самая, – ухмыльнулся Паша, – которую очень любит наш уважаемый мэр.

– Не понял.

– Сделайте тише, – поморщился Матвей, с трудом выдерживая очередной грохот инструментов.

Директор посмотрел на сопровождающего, тот отошёл, и через минуту в зале стало тише.

– Присядьте, – повторил Матвей.

Директор помедлил, но сел.

– Слушайте меня внимательно, господин директор. Мы уже не раз получали заявления жильцов дома и замеряли уровни шума вашего заведения. Доклад на имя начальника Управления СЭП готов. Если мне ещё раз придётся приехать сюда по заявлению, административным штрафом не отделаетесь, кто бы вас наверху ни прикрывал.

По губам директора пробежала судорога, будто он с трудом сдержал смех.

– Кто вы там по званию? – спросил он небрежно. – Капитан? Завтра будете сержантом. А теперь пошёл отсюда вон! Живо!

Матвей остался невозмутим, повернул голову к Паше.

– Записал?

– А как же. – Лейтенант достал из кармана шумомер, мало чем отличимый от звукозаписывающего компакта типа VQF. – Статья 319 УК России: оскорбление должностного лица при исполнении.

– Повторяю для особо непонятливых: я лично буду заниматься вашим заведением до тех пор, пока вы не прекратите нарушать закон. Не думаю, что вашим бизнес-гарантам понравится отстаивать вас долго. Времена изменились, знаете ли. – На ум пришла внезапная мысль, и Матвей добавил равнодушно, глядя в чёрные глаза владельца «Шико»: – Не дай бог вами заинтересуется «Стопкрим».

– Кто? – поднял бровь директор.

– А уж эта организация, – не отвечая на вопрос, встал Матвей, – либеральничать с вами не станет. Честь имею!

Оставив директора и его телохранителя размышлять над последними словами, Матвей пошёл к выходу.

Паша, сориентировавшись, положил на стол плату за ужин, последовал за ним.

У двери Матвей не выдержал, оглянулся и встретил задумчивый взгляд Дивы, оставшейся в зале. В нём кроме задумчивости отражались сочувствие и ожидание чего-то. Может быть, ожидание его взгляда.

Уже садясь в машину, Паша сказал, прислушиваясь:

– А подействовало, командир, слышишь? Тихо.

– Надолго ли, – проворчал Матвей.

– Ничего, мы ему доходчиво обрисовали картину, должен задуматься. Кстати, о каком «Стопкриме» ты говорил?

– Поехали. Тебя подвезти?

– Нам же по пути, я на Преображенке живу. И всё-таки?

– Была такая крутая контора... много лет назад... проштрафившихся чиновников лечила.

– Такая бы и нынче не помешала, – хмыкнул лейтенант. – А ждать ту девчонку не будем?

Матвей поискал глазами белый «Лексус», который не раз подвозил Диву домой, не нашёл, заколебался.

– Она не одна...

– Ну так что ж, – засмеялся Паша, – вторая мне, хотя и не такая симпатичная, я носастых не очень люблю.

Матвей нахмурился, и Паша поспешно оправдался:

– Я пошутил. Можем подождать, и если у них нет транспорта, предложим подвезти.

Мысль лейтенанта понравилась.

– Хорошо, уговорил.

Ждать пришлось недолго, минут двадцать. Паша больше не ёрничал, слушал по радио музыку, насвистывал понравившийся мотивчик, выслушал в новостях сообщение о конкурсе среди американцев на лучшую форму головы, весело побалагурил на эту тему. Добавил:

– Ты знаешь, что в Нью-Йорке месяц назад прошёл почти такой же – по дурости – конкурс среди молодёжи? Были выбраны самые вонючие и развалившиеся кроссовки. Победительницей стала некая Джордан из Нью-Мексико, она проходила в кроссовках три года, не снимая их даже ночью. Представляешь запах?

– Ерунда, – рассеянно отозвался Матвей. – Любой наш бомж фору ей даст по запаху обуви.

Паша рассмеялся, но в это время на ступеньках крыльца ресторана появились Дива с подругой, и разговаривать стало недосуг.

Девушки спустились к тротуару, медленно двинулись вдоль ограды набережной в сторону ближайшего моста, увлечённо беседуя, и Матвей решил не ждать, пока их заметит какой-нибудь таксист: два жёлтых «Форда» с шашечками стояли на стоянке ресторана неподалёку. Он включил двигатель и подкатил к собеседницам в тот момент, когда они собрались перейти набережную.

– Подвезти? – открыл он окно со своей стороны.

Подруги замолчали, оглядывая белый спорткар Котова.

– Нет, спасибо, нам недалеко, – отказалась Дива.

– Я тут живу, на Макарова, – добавила её спутница.

– Времена нынче беспокойные, – рассудительно заметил Паша, – да и поздно уже. Мы же от чистого сердца.

Девушки переглянулись.

– Давай подьдем, – чутко уловила Дива колебания подруги, улыбнулась. – Действительно, засиделись.

Паша выскочил из машины, распахнул дверцу, помог дамам забраться в салон: автомобиль, по сути, представлял собой двухдверный купе-родстер, – и Матвей тронул машину с места.

– Командуйте, куда ехать.

– На светофоре направо, – подсказала Карина. – Там ещё полсотни метров и мой дом.

Ехали молча, слушая тихую музыку, и как ни старался Матвей ехать медленно, весь путь занял всего около четырёх минут.

– Вот, шестнадцатэтажка, – указала Карина.

Паша снова выскочил из машины, придержал откинутое переднее кресло.

– Может, вас подождать? – посмотрел на Диву Матвей, имея в виду, что она живёт далеко отсюда, практически в центре столицы.

– Благодарю, не надо, – отказалась девушка, – я сегодня ночью здесь.

– Понятно, извините. Ну, хотя бы проводим вас до подъезда.

Дива не ответила, и он тоже вылез из машины.

Обогнули скверик перед домом, дошли до единственного подъезда новой высотки, обменявшись дежурными фразами о погоде и ожидании бабьего лета.

– Спасибо за сопровождение, – открыла дверь, снабжённую домофоном, Карина.

Дива ничего не сказала, но взгляд её был так красноречив, что Матвей не удержался, спросил:

– Вы завтра сильно будете заняты?

Вопрос рассмешил её подругу, но сама она осталась серьёзной.

– Работы хватает всегда.

– Я заскочу... после обеда... если не возражаете.

– Позвоните предварительно. – Дива скрылась за дверью.

– Какая суровая, – хмыкнул Паша, поворачиваясь к машине, но так как Матвей остался на месте, лейтенант остановился. – Ты что?

Капитан очнулся, радость снизошла на душу, в предчувствии новой встречи захотелось петь.

– У неё работа тяжёлая, идём.

Паша посмотрел на него с удивлением, покачал головой, до него начал доходить смысл происходящего.

– Ты на неё так смотрел... вообще-то она очень даже ничего, честно.

– Лейтенант! – стальным голосом одёрнул подчинённого Матвей.

– Понял, молчу, – поднял тот руки.

Сели в машину.

– Ей-богу, я не подхалимничаю, – закончил-таки свой монолог Паша. – Она действительно красивая.

Матвей не ответил, разгоняя «Чери» до скорости, на которой даже по ночной Москве ездить было нельзя.

* * *

Отец позвонил рано утром:

– Чего молчишь как партизан? Ты же к нам собирався. Или ничего интересного в Крыму не увидел?

Матвей почувствовал приступ раскаяния. Он и в самом деле обещал заехать на другой день после возвращения из Крыма, но забыл

об этом начисто.

– Сегодня буду обязательно, после работы, хотя рассказывать особо нечего. Мы нашли МИР... и его при нас взорвал Хранитель.

Отец помолчал.

– Ты ездил... искать МИР?

Матвей вспомнил, что не говорил отцу о цели поездки, виновато поёжился.

– Стас не знал точно... думали, там пирамиду нашли.

– Стас – Котов?

– Ну да, я говорил тебе, что мы познакомились.

– Не говорил.

– Вот чёрт! Мне казалось... извини. Жди вечером, поговорим, а то я уже опаздываю.

Отец выключил телефон.

Размышляя о том, как загладить вину и умудриться не затронуть главную тему – о своём вхождении в боевую группу Стаса, Матвей позавтракал и без десяти десять был на работе.

Однако рабочий день начался не так, как он его себе представлял.

Доложив Пацюку о визите в «Шико», Матвей занялся было рутинным изучением предстоящих дел, и в этот момент позвонил Стас:

– Ты мне нужен.

– Зачем? – задал ненужный вопрос Матвей.

– К двенадцати часам будь на базе.

– Но я на службе...

– Разве ты не свободен в передвижении? Уехал по делам, к министру, на задание. В крайнем случае отпросись.

Матвей хотел сказать, что он человек дисциплинированный и по Москве без дела не шатается, однако Стас уже отключил связь. Чертыхнувшись, капитан прикинул свои возможности, вызвал Пашу.

– Я убыл в налоговую, покомандуй тут без меня.

– Без проблем, – ответил лейтенант. – Что сказать Пацюку, если спросит?

Матвей понял, что Паша догадывается, куда он может поехать (вчера разговор зашёл о визите в Генпрокуратуру), однако посвящать его в истинное положение вещей не хотелось, и он сказал:

– Ничего не говори, уехал в налоговую, и всё.

– Есть, командир! – щёлкнул каблуками лейтенант.

Погода наладилась, в небесной полынне между разошедшимися облаками выглянуло солнышко, и мир сразу заиграл красками, расцвёл, приобретая жизненную силу. Это сказалось и на транспортных потоках, водители поехали быстрее.

Матвей подъехал к Сергеевке минута в минуту, его пропустили, и через несколько минут он присоединился к группе, планирующей послужить благородному делу – ликвидации американского Союза Неизвестных, который в свою очередь запланировал уничтожить Союз Неизвестных России и взять власть над страной в свои руки.

«По словам Стаса», – мелькнула странная мыслишка, на миг приоткрыв пугающее пространство чужого подлого расчёта с другой стороны. Но к Матвею потянулись руки бойцов группы, которых он знал, и мысль, испугавшись своей смелости, исчезла.

Бойцов прибавилось, собралось двадцать человек, среди них – две девушки в камуфляже, блондинка и брюнетка. Держались они независимо, на шуточки парней отвечали с иронией, что говорило о твёрдости характеров обеих и немало опыте. Блондинку звали Риммой, брюнетку – Ингрид.

Матвей ожидал, что группе придётся заняться физической подготовкой, но ошибся.

– Сегодня мы будем отрабатывать один из вариантов атаки на американский Орден Чёрной Розы, – сказал Стас, когда группа собралась в небольшой аудитории штаба базы. – Сначала теоретически. Впоследствии построим специальный полигон. Я ознакомлю вас с разведданными, и мы начнём изучать местность и прикидывать пути доставки группы на остров.

– На какой остров? – послышался чей-то вопрос.

– Один из островов в Тихом океане, у побережья Африки, либо остров в Средиземном море, возможно, Крит.

– Вы считаете, что весь пиндосовский Орден прилетит на остров? – недоверчиво спросил совершенно безволосый Гришин.

– Именно так.

– Но что заставит лететь на остров весь Орден? Они что, дураки – лететь туда, где их можно будет накрыть как сачком бабочку?

Стас улыбнулся.

– Это не ваша забота, парни, уверяю, они там будут. Итак, на столах мониторы, подсаживайтесь, я запускаю программу.

Экраны компьютеров засветились.

Матвей сел поудобнее, чтобы ему был виден ближайший экран, но Стас поманил его пальцем:

– Выйдем.

Они вышли в коридор.

– Ты с отцом разговаривал?

Матвей покраснел, скрытый подтекст вопроса не оставлял сомнений в отношении брата к его независимости.

– Нет!

– Это хорошо, не говори пока ничего. Шеф не хочет допустить утечки информации и запрещает дубляж. Если у нас не удастся первая попытка, тогда и попробуем подключить папашу.

– Не надо... иронизировать...

– Не буду, я просто хочу, чтобы понимал всю полноту ответственности и важность операции. Наши с ним пути разошлись, но он для меня сделал очень многое, за что я ему страшно благодарен. Договорились?

Матвей помолчал.

– Когда намечена операция?

– Всё будет зависеть от реакции американцев. Предположительно – конец октября.

Любопытство победило, Матвей отбросил сомнения.

– Как вам удастся заманить американцев на остров? Гришин ведь прав.

– Тебе скажу, – понизил голос Стас. – Мы лепим дезу о нахождении в одном из МИРов склада Великих Вещей, которые якобы оставил там глава нашего родного Союза...

– Рыков!

– Всё-то ты знаешь, – улыбнулся Стас, и опять Матвей не понял, с иронией это было сказано или на полном серьёзе.

– К тому же мы усилим их тягу тем, – добавил Стас почти шёпотом, – что там же находится и главная Вещь – «сорок сороков».

– Жесть! А если они не купятся?

Стас расплылся в снисходительной улыбке.

– Иерархи любого Союза – люди, потерявшие магические способности, со всеми вытекающими, и завидуют они друг другу так же, как и все люди. Ни один иерарх ни одного Союза не откажется завладеть «сорока сороками». А теперь иди, изучай материал. Отцу ни слова!

Матвей кивнул, послушно направляясь обратно в аудиторию, хотя на душе от последних слов брата стало муторно. Лгать и ловчить он не умел, и надо было искать компромисс, чтобы отец не догадался о намерениях сына изменить мир к лучшему, пусть и худшим из способов.

Либо не встречаться с ним вовсе до операции, пришла успокаивающая мысль.

Глава 3. Квота на жизнь

Работа шла быстро. Бывшим «чистильщикам» не надо было долго объяснять принципы работы «Стопкрима», и ряды «чистилища» росли не по дням, а по часам.

Уже к концу месяца был создан прообраз САЦ – ситуационно-аналитического центра организации, частью которого стал компьютерный комплекс МГУ на Воробьёвых горах. Основным же его подразделением Самандар сделал свою дачу, сумев разместить там компьютер «Эльбрус» с выходом на военные спутниковые сети, для чего он расширил подвал основного строения и расчистил запасной выезд со стороны Дмитровского парка. Теперь к нему можно было заезжать не через центральные ворота посёлка, а прямо со стороны леса, через старую просеку, минуя телекамеру вдоль забора.

САЦ заработал в полную силу двадцать шестого сентября.

Двадцать седьмого Самандар предложил Котову обсудить стратегию развития нового «чистилища» и план действий на ближайшие месяцы.

Василий Никифорович приехал тотчас же, он не любил откладывать дела в долгий ящик.

Дача Вахида Тожиевича ещё не охранялась в должной мере – как центр управления, но хозяин уже смонтировал четыре телекамеры, наблюдавшие за окрестностями участка, и в небольшой комнатке на первом этаже коттеджа, где раньше была кладовка, разместил смену охраны, следившую за обстановкой по монитору.

Все эти работы Самандар оплатил из своего кармана, в том числе и охранникам, однако в скором времени должен был открыться канал финансирования «Стопкрима» – «от сочувствующих граждан», как пошутил Синельников, у которого нашлись небедные друзья из бизнесменов, настрадавшиеся от произвола чиновников и пожелавшие присоединиться к «святому делу» «чистилища».

Хозяин коттеджа был дома не один.

Во-первых, в центре – он отдал под компьютерное отделение свою гостиную – работали три оператора, отслеживающие криминальные новости по всей стране. Во-вторых, на дачу приехал

Синельников, взваливший на себя контроль полезных связей. В-третьих, здесь часто бывал и Парамонов, взявшийся за составление досье на чиновников высшего эшелона власти. Первыми в его разработке числились премьер-министр, генеральный прокурор и руководители Конституционного суда, и материала на них уже набралось столько, что Иван Терентьевич горько шутил:

– Каждый из них тянет на две тысячи лет пожизненного.

Сошлись в кабинете Самандара.

Василий Никифорович заметил, как Парамонов морщится и потирает шею, спросил:

– Шею простудил, что ли?

– Если бы шею, – снова поморщился Иван Терентьевич. – Недавно поймал свой организм на попытке предательства: он хотел сдать врагу.

Котов и Самандар переглянулись.

– Не говори афоризмами, – сказал Вахид Тожиевич укоризненно, – это моя прерогатива.

– Да какие афоризмы – гриппую третий день.

– Могу предложить массаж.

– Если бы массажами лечили грипп, всё родное здравоохранение работало бы на массажистов. Обойдусь народными средствами, не в первый раз воюю с недугом. Грипп – это пустяки, Вене Соколову досталось больше, такие боли терпел! Я бы за это дал ему орден Мужества.

– Обратная сторона ордена Мужества, – проворчал Василий Никифорович.

– Как?

– Это слова моего деда: обратная сторона ордена Мужества – боль.

– Мудрый мужик был твой дед. Каждому из нас можно давать такой орден.

– Артур звонил, – вспомнил Василий Никифорович. – Напомнил о себе. Утверждает, что отношения между Россией и НАТО уже не имеют шансов на стабилизацию. Прогнозируется дальнейшее нарастание конфликтности в различных формах. А в ближайших планах стратегов США нанести удар по России, причём не классический военный удар, а с демонстрацией «мягкой силы»,

с помощью революции, подобной той, которая привела к разделу Украины.

– Ничего нового он не сказал.

– Надо бы с ним повстречаться, – Парамонов подумал вслух, – а лучше с президентом.

– Вряд ли это возможно, – покачал головой Самандар. – Он весь на виду, пойдут разговоры, пересуды, начнут искать – кто мы такие.

– Можно устроить любую встречу, было бы желание.

– Хорошо, я поговорю с Артуром, у меня тоже есть вопросы к президенту.

– Кстати, чем закончился наш первый бандлик – с майором Зыбиным?

– Мужик оказался понятливый, копнул, наверно, в Интернете сведения о первом «Стопкриме», убедился, что мы люди серьёзные.

– Я боялся, что он поставит на уши всю контору, у него и в ФСБ есть приятели.

– Может, они и посоветовали не тягаться с нами, – сказал Самандар. – По моим сведениям, он переводится в Подмоскovie.

– Полумера, он и там не успокоится.

– Посмотрим, будет продолжать в том же духе – навестим ещё раз.

– Давай, что там у тебя, – сказал Василий Никифорович.

Самандар включил компьютер.

– Смотрите по разделам: «Бешеный бизнес», «Суды», «Прокуратура», «Воры-министры», «Безумная медицина»...

– Общая часть есть? – спросил Котов.

– В красном файле, это, по сути, стратегия «чистилища», обосновывающая причину создания «Стопкрима» в нынешних условиях.

– Воинствующий государственно-частный терроризм, – прочитал Парамонов с некоторой долей осуждения. – Докторская диссертация, что ли?

– Вполне потянула бы, – усмехнулся Самандар. – Только ни один ВАК не пропустит. Читайте.

Гости углубились в текст документа, над которым Вахид Тожиевич, по его словам, работал не один год, добавляя факты и наблюдения, не собираясь заканчивать анализ в практической

плоскости, однако неожиданное задание президента заставило его ускорить работу.

Самандар понаблюдал за ними, вышел, принёс кофе.

Оба, кивком поблагодарив, стали потягивать эспрессо: Парамонов – с сахаром, Котов – с лимоном. Через час попросили ещё. Самандар принёс.

В двенадцать чтение закончилось.

– По-моему, нормально, Мастер, – сказал Иван Терентьевич.

– По-моему, тоже, – в тон ему ответил Василий Никифорович. – Остаётся только собрать команду.

– В наших рядах уже более ста человек, – похвастался Самандар. – Процесс неостановим.

– Нужно в десять, в двадцать раз больше.

– Ничего, рекрутёры работают днями и ночами, я посадил их прямо под боком Генпрокуратуры, снял офис в новостройке в Трутневском переулке. Контора называется «Всё для дома».

По лицам комиссаров пробежали улыбки. Оба оценили юмор разработчика теории.

– Тебе бы режиссёром работать, фильмы снимать, – сказал Парамонов.

– Кто знает, кем ещё в этой жизни придётся работать, – философски рассудил Вахид Тожиевич. – Хотя, как говорила моя недавняя жена, работа – последнее прибежище для тех, кто ничего не умеет.

– Это она правильно рассудила.

– Вообще-то изречение принадлежит Оскару Уайльду, – заметил Василий Никифорович. – Если я не ошибаюсь. Однако предлагаю не отвлекаться. Вахид, с чего бы ты начал?

– Ещё на прошлом совещании мы сошлись на том, что начинать можно с любой сферы социума, в России коррумпированы все! Я бы начал с Генпрокуратуры. Скулы сводит, когда приходится читать об очередных подвигах этой сволочной структуры! Помните дело подмосковных прокуроров? Закончилось в две тысячи четырнадцатом году благополучно для всех прокуроров, замешанных в крышевании игорного бизнеса! Ни один не сел! Дело развалили, Генпрокуратура просто не утвердила обвинительное заключение. То же самое творится и сейчас, даже в больших масштабах.

– Для работы с Генпрокуратурой у нас пока нет ни сил, ни средств. Я бы начал с медицины, – сказал Парамонов. – Реформу финансирования федеральных клиник министр и его клика начали с отмены половины квот на жизненно важные операции. Это самый настоящий геноцид, завуалированный словами «оптимизация расходов» и «реформа здравоохранения».

– Мы это уже проходили в начале века, – подтвердил Котов. – Дооптимизировали количество сельских больниц и роддомов до такой степени, что народ начал покидать обжитые места в глубинке России, деревня пошла на убыль огромными темпами.

– Об этом и в докладе Артура сказано. Минздрав находит множество предлогов, чтобы саботировать решения президента. В итоге даже федеральные клиники висят на грани полной остановки работы из-за недофинансирования.

– Значит, вы согласны? – Парамонов обвёл глазами присутствующих.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Самандар. – Пусть бандлик с министерством послужит операцией тестирования «чистилища». Вспомним молодость. Надо только предупредить Артура, что мы начинаем с медицины, пусть президент заранее подготовит креатуру на замещение должности министра и его замов.

– Премьер будет сопротивляться всеми доступными ему средствами. Иногда мне кажется, что он один из иерархов Союза Неизвестных.

– Скользящая тварь, однако надо каким-то образом выяснить это точно.

– Взять бы за жабы маршала Купола, он должен знать, кто отдаёт ему команды.

– Могу разработать бандлик, – сказал Самандар.

– Знать бы, кто маршал.

– Твой Стас ловчит у генпрокурора, он и маршал. Я имею в виду Меринова. Других вариантов просто не может быть.

– К Генпрокуратуре ещё надо подобраться, Иван прав. Если мы проколемся, нам никто верить не будет. А с медициной меньше риска. Или с продажными журналюгами, засевшими в «Ухе Москвы», «РБК», «Ленте. Ру» и прочих забугорных гадючниках.

– Да я что? Как скажете, – отступил Вахид Тожиевич. – С кого начнём в персональном плане? Непорочный медицинский рай для власти надо чистить весь.

– С министра, конечно, – сказал Парамонов. – Плюс его... то есть её замы. Все трое получили должности из рук премьера, поэтому президенту будет трудно найти им замену.

– Это его проблемы.

– Найти нетрудно, – возразил Василий Никифорович, – в том же министерстве наверняка работают хорошие специалисты, болеющие за общее дело, но всё упрётся в премьера, он стопроцентно начнёт пропихивать на место министра свою кандидатуру.

– Надо посоветовать президенту искать среди лечащих врачей, а не среди чиновников от медицины.

– Согласен.

– Поищу, у меня есть с кем посоветоваться, – сказал Вахид Тожиевич. – Главврач кардиоцентра Александрова на Иваньковском шоссе – отец моей последней жены, мы с ним в хороших отношениях, мужик он умный.

– Тогда включайся в тему, – поднялся Котов. – Чем быстрее разработаешь операцию, тем лучше. Единственная проблема – как действовать. Прямым путём или обходным.

Парамонов посмотрел на него снизу вверх.

– Что ты имеешь в виду?

– С Зыбиным мы работали по-старому, это прямой путь и прямая реклама «Стопкриму». Получив визитку, чиновники начнут действовать осмотрительнее, коррупция отступит, но вместе с тем за нами начнётся охота.

– Подумаешь, мы уже так работали и не боялись никаких охот, – хмыкнул Самандар.

– Уровень противостояния был другим, наши магические силы остались в прошлом. Круглой путь – тот, что предложил Артур: цепочка естественных событий, ведущая к нужному результату.

– В этом случае мы должны быть абсолютно уверены, – Парамонов помолчал, – в том, что клиент – абсолютный подонок.

– Это надо учитывать при любом бандлике, – отмахнулся Вахид Тожиевич. – Мы всегда шли от компромата, собрав полное досье на человека. Будем продолжать в том же духе.

Комиссары обменялись взглядами.

– Поговорю с Артуром, – сказал Василий Никифорович. – Пусть посоветуется с президентом. Пока готовь два варианта: первый – с предъявлением визитки, второй...

– С предъявлением визитки бога, – рассмеялся Самандар.

Собеседники непонимающе посмотрели на него.

– Вы не помните? – недоверчиво спросил Вахид Тожиевич. – Визиткой бога называют случайное событие.

– Ну, бога мы не заменим, – проворчал Парамонов, – да и не нужно к этому стремиться. Насколько мне известно, библейского бога не существовало, а те сущности, что его заменяли, действовали далеко не во благо человека.

– Иван, не становись занудой, – осуждающе сказал Василий Никифорович. – Пошли, засиделись уже.

– Я что, неправ?

– Если бы ты был неправ, Господь уже сообщил бы тебе об этом. – Василий Никифорович пожал руку Самандару. – Поищи запасной бункер для центра, а лучше два, в разных районах. И разработаи пути отступления. Мы давно не операторы реальности, уйти тхабсом не сможем в случае прямого нападения.

– Так ведь и враги – не маги, – ухмыльнулся Самандар. – Чем тебе не нравится моя вилла?

– Против нас выступит вся прогнившая насквозь, но мощнейшая государственная машина, когда почует угрозу. Нам необходимо предусмотреть любое развитие событий, иначе...

– Поддерживаю, – кивнул Парамонов.

– Сделаю, – пообещал главный теоретик «Стопкрима».

Домой Котов попал к полуночи.

Дети уже спали. Ульяна убирала на кухне, вид у неё был необщительный.

– Что-то случилось? – поинтересовался Василий Никифорович, зайдя на кухню. – Кто двойку принёс?

– Никто, дети не двоечники, ты знаешь.

Он отнял у неё тряпку, прижал жену к себе, заглянул в глаза.

– Чего сердитая? Неприятности на работе? Надеюсь, майор Зыбин больше не тревожил?

– Неприятности... – Она невесело улыбнулась. – Комиссия нагрянула, из налоговой, шмонают по полной программе, все компьютеры вскрыли.

Теперь уже улыбнулся он, хотя по душе прошлись острые кошачьи коготки.

– Шмонают – это из области уголовной лексики. Тебя же не первый раз проверяют.

– Во-первых, в сентябре никто никогда не лезет в бухгалтерию, вовторых, нагрянули внезапно, втретьих, роют аж с начала основания, это нормально?

Василий Никифорович подумал.

– Нет.

Ульяна отстранилась.

– Вот и я о том же. Может, зря вы с Вахидом отшили Зыбина, ну, платила бы я им, договорилась бы на меньшую сумму, и всё было бы тихо.

– У тебя есть чего бояться?

– Вроде бы нет, мы работали прозрачно, налоги платили исправно, прибыль ни на копейку не занижали, отчёты сдавали вовремя... – Ульяна махнула рукой. – Но ведь если захотят найти компромат – найдут.

– Всё-таки Зыбин.

– Ты думаешь?

– Или его приятели-генералы. Он всё-таки им нажаловался, скотина.

– Что будет? Чего ждать?

– Ничего не будет, – качнул он головой. – Это вроде теста на профпригодность, уж такие проблемы мы должны разруливать без сбоев.

– Я уже всего боюсь.

– А ты не бойся, не такое переживали. Обещаю, всё будет в порядке.

– Дай-то бог. Есть будешь?

– Только если чего-нибудь лёгонького, овощи, кашу.

– Есть и овощи запеченные, и каша – овсянка.

– Хорошо, подогрей, искупаюсь только.

– Матвей не звонил?

– Нет.

– Соскучилась я по нему.

Василий Никифорович постоял под душем, набросил на плечи прохладный шёлковый халат с изображением галактик, поужинал, потом уединился в кабинете и позвонил Самандару, сообщил о «нападении» на фирму жены налоговиков.

– Зыбин, – тотчас же назвал виновника Вахид Тожиевич.

– Скорее всего кто-то из его хозяев, мстит за неоправдавшиеся надежды срубить бабки. Подключи Синельникова, у него много знакомых в чиновных кругах.

– Хорошо, с утра займусь, спокойной ночи.

Василий Никифорович посидел перед пустым светящимся экраном компьютера, размышляя, почему не звонит Матвей, хотел было набрать его номер, но глянул на часы и передумал. Поздно уже, спит небось, не стоит будить.

Ульяна переодевалась в спальне. Мельком глянув на её красивое, несмотря на более чем зрелые годы, тело, он стянул с себя халат и нетерпеливо повернул жену к себе, не давая ей надеть ночную рубашку.

– Поздно уже... – шепнула она.

– В самый раз, – возразил он.

* * *

Министр здравоохранения Нинель Олеговна Краник принимала с утра заместителей и, пока они зачитывали показатели работы министерства за второй квартал, успевала и читать поступившие по электронной почте письма, и отвечать на них.

– Финансирование мединститутов удалось сократить на шестьдесят один процент, – читал первый зам министра Иванов, лысый, с тщательно зачёсанными сбоку на лысину редкими белёсыми волосами. – Количество принятых больных в целом по стране сократилось на сорок два процента. В Мечниковском университете убрали пятьсот коек из полутора тысяч, урезали треть зарплаты персонала. НИИ детской онкологии накатал письмо президенту, что

мы саботируем его прямые указания, но Олег Николаевич обещал помочь отбиться.

– Что с квотами? – оторвалась Нинель Олеговна от экрана; соломенные волосы у неё сосульками свисали с головы, глаза косили, уголок рта тянуло вправо, на щеку, и она в своём аляповатом наряде была похожа на пугало.

– Федеральный фонд ОМС удалось сохранить полностью, – доложил второй зам – Диана Петровна Шмалько. – Поэтому объём квот упал. Но мы всё больше расширяем сферу платных услуг и можем увеличить уровень зарплат работникам министерства, минимально – на двадцать процентов. Ваше распоряжение выполняется.

Нинель Олеговна хотела возразить, что выполняется не её распоряжение, а приказ премьер-министра, позволяющий тихой сапой сокращать население России, но объявлять об этом заместителям не стоило, они и так старались изо всех сил выполнять программу, которую сам премьер-министр называл «оптимизацией жизни электората».

В дверь кабинета постучали, вошла секретарша министра, держа в руках конверт.

– Извините, Нинель Олеговна, вам передали письмо.

Краник сдвинула тщательно нарисованные и поэтому выглядевшие наклеенными брови.

– Я занята.

– Письмо очень важное... – Секретарша явно находилась в замешательстве и говорила нервно, по её лицу пошли красные пятна. – Они потребовали, чтобы я срочно передала его вам.

Министр с недоумением посмотрела на девушку.

– Ты в своём уме, Наталья? Кто – они? В чём дело?

– Я не знаю, кто они, двое мужчин, почтенные такие, я тоже спросила, один с улыбкой показал на потолок и сказал:

– Мы от него, он всё видит.

Заместители министра переглянулись.

– Президент, что ли? – пренебрежительно покривила губы Шмалько.

– Не бог же, – проблеял Иванов. – Ты документы их смотрела?

– Один, черноволосый, показал какое-то красное удостоверение...

– Какое? Откуда они? Из полиции, безопасности, прокуратуры, откуда?

– Не знаю, – чуть не плача ответила секретарша. – Велели передать срочно.

Иванов встал, взял у неё конверт.

– Иди, поговори с охраной, как они прошли в министерство.

– Дай, – протянула руку нахмурившаяся Нинель Олеговна.

Иванов передал конверт, она вскрыла, достала стопку бумаги с текстом, диск, вслед за которым на стол упала чёрная карточка величиной с визитку. Подняв брови, Краник повертела в руках картонный прямоугольничек, на котором был выдавлен серебряный кинжальчик.

Заместители, вытянув шеи, смотрели на задрожавшие руки министра.

– Что это? – полюбопытствовала Шмалько.

– Разрешите? – протянул узкую влажную руку Иванов.

Краник протянула ему странную визитку, начала читать письмо. Глаза у неё налились чернотой, скулы заострились, от чего рот потянуло правым уголком вниз ещё больше. Не дочитав письмо до конца, она резким движением сняла трубку селектора.

– Борис Моисеевич, выясните немедленно, кто приходил в приёмную десять минут назад... двое мужчин... что?! – На лице министра отразилось гневное удивление. – Они и к вам заходили?! – Несколько секунд Нинель Олеговна слушала собеседника, это был начальник охраны министерства. – И вы позволили им...

Пауза.

– Вы шутите?!

Пауза.

– Да, читаю... и вы читаете?! Ну, знаете... сейчас же...

Пауза.

– Хорошо, попытайтесь задержать почтальонов и подходите, жду!

Краник раздражённо положила трубку, бледная, с такими же пятнами на щеках, что и у секретарши, достала сигареты, закурила. Пальцы её продолжали дрожать.

– Вот сволочи!

– Что происходит, Нинель Олеговна? – робко осведомилась Диана Петровна Шмалько.

– Нам рекомендовано подать в отставку, – криво улыбнулась Краник.

– Кем?!

– Кажется, я догадываюсь, – пробормотал Иванов, внезапно бледнея.

Женщины посмотрели на него, одна оценивающе, другая с сомнением.

– Это визитка «чистилища»... чёрная метка...

– Что ещё за «чистилище»?

– Существовала такая организация лет двадцать назад, «Стопкрим» или «Контркрим», его называли «чистилищем», устраняла проворовавшихся чиновников.

Нинель Олеговна выпустила клуб дыма.

– Похоже, вы с ним сталкивались.

– Я тогда работал в министерстве финансов...

– Не помню никакого «Контркрима», – сказала Шмалько.

– Вам тогда была лет двенадцать, дорогая Диана Петровна. – Иванов аккуратно положил чёрный прямоугольник на стол. – Что пишут?

– Тут и про вас много чего, – стукнула прокуренным пальцем по диску министр. Она перевела взгляд на заместительшу. – И про вас, душечка.

– Что?!

– Компромат, разумеется, – поворочал шеей Иванов, будто ему стал внезапно тесен воротник рубашки. – Перед тем как показывать чёрную метку, «чистильщики» выкладывали в Интернет весь компромат на чиновника, и если тот не следовал их совету...

– Заканчивайте?

– Летальный исход, – растянул бледные губы в подобие улыбки Юрий Яковлевич. – Наверно, и сейчас будет то же самое. Разрешите почитать письмо?

Нинель Олеговна выпустила ещё один клуб дыма, подвинула стопку листов к краю стола. Иванов взял, быстро пробежал глазами все три страницы, отдал письмо министру. На лбу его заблестели капли пота.

– Да-а...

– Вот именно, – с иронией проговорила Краник.

– Я подаю рапорт об увольнении. – Он встал, поклонился, побрёл к двери, глядя перед собой ничего не видящими глазами, вышел.

Женщины смотрели ему вслед, не пытаясь остановить.

– Что с ним? – пробормотала Шмалько.

– Шок, – усмехнулась Краник. – За ним столько грешков прячется – на вышку тянет.

– Что будем делать? – неуверенно проговорила Диана Петровна.

– Ничего, работать как работали, – нехорошо улыбнулась Нинель Олеговна. – Они ещё пожалеют, что посмели нам угрожать.

– Но Юрий Яковлевич...

– Юрий Яковлевич трус! Пусть уходит, мы найдём ему замену.

– Жаль, он хороший специалист. А можно узнать, что там в письме... про меня?

Министр вложила диск из письма в дисковод, развернула монитор.

– Читай.

Однако прочитать весь материал дамы не успели.

Через пару минут в кабинет без стука ворвалась секретарша:

– Нинель Олеговна... Юрий Яковлевич... застрелился!

Министр хотела что-то сказать в ответ и не смогла, так и осталась сидеть с косым провалившимся ртом, словно пригвождённая к креслу.

Глава 4. «Живокост» коррупцию не излечит

После встречи с Котовым у него дома Артур не собирался в Кремль, но президент сам позвонил ему поздно вечером и попросил приехать.

Размышляя над просьбой, вспоминая тон, каким были произнесены слова, поглядывая на часы – шёл одиннадцатый час, – Суворов сел в машину и поехал в центр столицы, к Александровскому саду, решив заехать на территорию резиденции главы государства со стороны Боровицкой башни.

Охрана Кремля знала его машину, однако соблюдала раз и навсегда заведенный порядок: остановка, предъявление пропуска, осмотр салона и багажника.

Артур поставил свой серый кроссовер рядом с президентским кортежем, у которого маялась охрана, и поднялся на второй этаж первого административного корпуса, невольно убыстряя шаг. Президент ждал его почти час, а он всегда ревностно ценил своё время.

Однако опасения советника оказались напрасными, в приёмной президента толпился народ: пресс-секретарь Данилов, выбритый до зеркального блеска, министр обороны в генеральском мундире и два парня в штатском, олицетворявшие особой личную охрану президента.

Артур поздоровался со всеми, вопросительно посмотрел на Данилова, и тот кивнул ему на дверь кабинета.

– Проходите, вас ждут.

Артур потянул дверь на себя за позолоченную ручку, вошёл.

Президент был не один, у стола возле окна стояли ещё двое: директор ФСБ Звягинцев Георгий Алексеевич, редко надевавший официальный генеральский мундир, и министр внутренних дел Никита Николаевич Кнышев, тучный, приземистый, краснолицый. Они, по-видимому, о чём-то спорили, потому что президент, стоявший у своего рабочего стола, морщился при каждом их слове и смотрел на монитор компьютера.

– Вам не кажется, уважаемый Георгий Алексеевич, – бросил он, – что эта структура пытается выполнять вашу работу? Да, методы её

незаконны, да, она отрицает существующие нормы судопроизводства, да, наша высшая мера наказания – пожизненное заключение – для неё пустой звук. Но ведь казнит она не рядовых граждан, а настоящих моральных уродов! Представляя доказательства преступной деятельности, как и в случае с министерством здравоохранения. Разве не вы должны были это сделать?

Звягинцев, высокий, костлявый, с длинным лицом и бледно-голубыми глазами, моргнул, но сдерживать себя он умел и на тираду президента отреагировал спокойно.

– В таком случае надо менять Конституцию, Игорь Владиславович. Если мы живём в толерантном, правовом, демократическом государстве.

– Да в каком правовом! – с досадой махнул рукой президент. – У нас кто сильнее, тот и прав. И толерантность здесь ни при чём. Вся история человечества – история нетерпимости, история сражений, информационных, идеологических и любых других, и Россия ничем в этом смысле не отличается от других стран. Так что ваша толерантность на фоне ненависти к нам западных политиков – соглашательство и гниение душ. Вы не задавали себе вопрос: был ли толерантным президент Украины Порошенко, отдавая приказ стереть с лица земли Новороссию, не считаясь с жертвами среди мирного населения? А был ли толерантным Христос, подаривший человечеству не мир, но меч?

Генералы переглянулись.

– Существует закон... – начал Кнышев.

– Да оставьте вы свои заклинания, Никита Николаевич! Против России развязана совсем другая война – война абсолютной ненависти, и нам, чтобы выжить, надо очистить страну изнутри, выжечь всю гниль и мертвечину, отрицающие наши нормы и этические ценности.

Артур кашлянул.

Беседующие оглянулись на него.

– Здравствуйте, господа. Может быть, я позже зайду?

– Проходи, Артур Владиленович, – сказал президент, отворачиваясь от экрана. – Товарищи, вы свободны.

Директор ФСБ и министр МВД вышли, кивнув гостю.

– Что за спор? – поинтересовался Артур.

Президент поморщился, ногтем подтолкнул к нему лежащий на столе чёрный прямоугольник.

– Видели?

Артур повертел в пальцах прямоугольник, рассматривая вытесненный на нём типографским способом серебряный кинжальчик.

– Чёрная метка СК. Откуда она у вас?

– Я же просил, – Игорь Владиславович порылся в ящике стола, достал тубик с надписью «Живокост», направился к двери в комнату отдыха, – работать тихо. Если каждый раз будет подниматься такой гам... – Он скрылся за дверью.

Артур бросил на стол визитку «Стопкрима», проследовал за президентом в комнату отдыха и тотчас же вышел. Игорь Владиславович сидел на диване, приспустив брюки, и втирал в колено гель. Брови его были страдальчески изогнуты, губы шевелились, будто он читал молитву.

– Болит? – спросил Артур из-за двери.

– А вы как думаете? – глухо ответил президент. – Артроз он и в Африке артроз.

– «Живокост» не поможет, нужны радикальные меры.

– Сам знаю, уже консультировался, попробую «Алмаг» и уколы в колено.

Речь шла о болезни суставов, которая вдруг нашла ещё одну жертву: Игорь Владиславович в молодости играл в волейбол, повредил мениск и теперь вынужден был обратиться к врачам; колено с возрастом болело всё больше, реагируя на малейшее изменение давления и температуры воздуха.

Закончив процедуру, президент повозился в комнате отдыха, появился в кабинете.

– Я вас вызвал из-за скандала в Минздраве.

– Я уже понял.

– Не думал, что ваш хваленый «Стопкрим» начнёт так рано и так... активно. Месяца не прошло.

– Они фактически были готовы к работе, система быстро набирает силу. Активные её сторонники есть во всех городах. Кстати, я давал читать вам стратегические разработки «чистилища».

– Читал, но не думал, что оно развернётся так скоро. Зам министра застрелился, сама министр умотала за границу, премьер рвёт

и мечет!

– Это его ставленники. Вам необходимо срочно готовить своих людей на замещение освобождающихся постов.

– Меня надо предупреждать заранее. Кто будет следующим?

– «Пятая колонна» – продажные СМИ, телеканалы, правозащитные фонды, финансируемые из-за рубежа. Потом прокуратура и суды. Кого вы предложите на место Краник?

– Депутата Госдумы Мамиева. Он лауреат многих премий, профессор, много лет практиковал в Бакулевском центре.

– Хорошая кандидатура, я его знаю. Однако я бы и замов Краник заменил.

– К сожалению, мне уже звонил Олег Николаевич, у него другие предложения, договорились встретиться и обсудить.

– Настаивайте на своём, президент вы или не президент в конце концов? Найдите соратников, Максим Геннадиевич на нашей стороне, да и Марина Леонидовна тоже.

Речь шла о спикере Госдумы и председателе Совета Федерации.

– Конечно, я буду настаивать на моих кандидатурах, привлеку всех, кто меня поддерживает. Но вы ведь знаете Олега Николаевича, круг его друзей шире, за ним кто только не стоит: и Конституционный суд, и Генпрокуратура, и Дума, и бизнес.

– Ничего, скоро всё это изменится, когда «чистилище» заработает в полную силу. Все прохвосты подожмут хвосты. – Артур помолчал, обнаружив, что сказал каламбур. – Многие сбегут за рубеж, ваш Олег Николаевич останется без поддержки, и тогда можно будет заменить всю клоаку.

– Вашими устами да мёд пить, – слабо усмехнулся Игорь Владиславович. – Пока что мы имеем скандал, который неизвестно чем кончится. Просил же работать без лишнего шума, а теперь за вашим «чистилищем» начнётся охота, и я буду вынужден делать вид, что жажду его уничтожения.

– Я уже беседовал с руководителями СК, ещё раз передал ваши пожелания. Они собираются работать на двух уровнях: мелкую сошку бить влёт, с применением методов устрашения типа этих чёрных меток, крупных дельцов нейтрализовать «случайными процессами».

– Министр здравоохранения, по их мнению, мелкая сошка?

– Думаю, это своеобразный тест на возвращение былых кондиций «чистилища». Да, шум поднялся изрядный, зато многие вспомнят прошлый «Стопкрим» или СМЕРЧ, который не позволил никому сомневаться в намерениях заставить чиновников жить по закону. И ни одна спецслужба не смогла ограничить сферу его деятельности.

– Это обнадеживает, но прошу вас...

– Я понял, Игорь Владиславович, будем корректировать процесс. Наберитесь терпения и, главное, подготовьте своих людей на замену уходящих коррупционеров. С Минздравом мы поторопились, согласен с вами, попытайтесь всё же исправить ситуацию, иначе смертность по России будет только увеличиваться. Тот всплеск увеличения численности, который был связан с украинскими беженцами в две тысячи четырнадцатом – пятнадцатом годах, прошёл. Хотя чиновники отчитались так, будто это их заслуга. Через десять лет мы потеряем десять миллионов человек, если будем ориентироваться на дутые цифры отчётов, предоставляемых вам правительством. Цифры говорят одно, на деле происходит другое: коренное население России сокращается и замещается азиатами, которыми собирается управлять даже не Олег Николаевич, а ЦРУ.

– Не читайте мне лекции, Артур Владиленович.

– Боже упаси, Игорь Владиславович, – выставил перед собой ладони Артур, – в мыслях не было, я просто пытаюсь обосновать причину создания «Стопкрима». На ваш взгляд, на чём сейчас держится власть в России?

– На повальной коррупции.

– Верно, на круговой поруке коррумпированных чиновников и на всей мощи государственной машины, работающей только на интересы власти.

– На неподконтрольности обществу и пренебрежении законами.

– А ещё на страхе людей перед властью, защищающей только саму себя, на их бессилии в отстаивании своих интересов и прав. Что мы можем противопоставить такой машине?

– Болотную площадь, – усмехнулся президент.

– Туда идут одни отморозки типа Подвального, Немчурина, Каспаряна и других. Нужна система. Двадцать лет назад такая система работала, криминал скукожился, отступил, Купол ушёл в тень,

коррупция пошла на убыль. Вот такую систему мы и создаём, а не летучий отряд по мочилову подонков.

Игорь Владиславович посмотрел на советника с проснувшимся любопытством.

– Артур Владиленович, вы говорите так, будто сами принимали участие в работе этой системы и многое знаете из того, чего не знаю я, хотя у меня хорошие связи со службой.

Он имел в виду ФСБ.

Артур помедлил, поглядывая на лежащий на столе президента толстый фолиант с серебристой обложкой и чёрным обрезом; это была «Белая Книга украинского фашизма», в которой описывались все преступления украинских нацистов после государственного переворота две тысячи четырнадцатого года. По закладкам было видно, что президент внимательно изучает книгу, материал к которой добавлялся до сих пор.

– Не отрицаю, я знаком с комиссарами «Стопкрима». И судя по их нынешнему состоянию, они способны воссоздать систему. Если вы читали... извините, неправильно сформулировал, вы читали их планы и должны были заметить, что они собираются работать эшелонами, реализуя программу чистки всех слоёв власти и охраны правопорядка. Дайте срок, результат не замедлит появиться. Вы писали о Следственном Комитете...

– Это уже притча во языцех, – махнул рукой президент. – Один генерал якобы выпрыгивает сам из окна комнаты, где его допрашивали следователи, другой повесился, третий сошёл с ума... вы понимаете, о чём идёт речь? Замечаются следы преступлений высших руководителей! Следственная работа по криминалу тормозится, прокуроры крышуют бандитский бизнес... вы же читали мой материал.

– Поэтому хочу спросить, может, «чистилище» в первую очередь займётся оборотнями в погонах? Следственный комитет надо чистить одновременно с прокуратурой, хотя не следует забывать и о чисто преступных группировках. – Артур кашлянул, улыбнулся. – «Живокост» здесь точно не поможет.

– ОПГ пусть не трогают, – возразил президент, остывая. – Этим пусть занимается полиция, не надо распыляться. Уберём гниющие головы – ОПГ сами распадутся.

– Лидеры оппозиции?

– Их тоже не трогайте. Почему они, так люто ненавидящие Россию, не едут на Запад? Да потому что они там не нужны! Они нужны здесь – как зародыш оранжевой революции, которым занимаются нужные структуры ФСБ.

– Украина?

– Там хорошо поработали наши спецподразделения.

Артур покачал головой.

– Не очень-то хорошо. Тягнибок жив, Коломойский жив, сбежал в Израиль, директор СБУ Наливайченко жив – в Америке. А их надо было мочить в сортире в первую очередь.

Президент улыбнулся.

– Я по сортирам не спец. И всё же украинские наци – не ваша забота, ими занимаются другие люди.

Зазвонил телефон. Игорь Владиславович снял трубку.

– Слушаю... да, конечно, подтверждаю... минуту. – Он прикрыл трубку ладонью. – Поедете со мной в Воронеж?

– Зачем? – не понял Артур.

– Там со второго начинаются международные соревнования по авиадартсу. В прошлом году я отказался и пожалел.

– В принципе, я не против.

– Да, включите в делегацию советника Суворова. Всего хорошего. – Президент положил трубку. – На танковом биатлоне бывали?

– Нет.

– Напрасно, потрясающее зрелище, авиадартс ещё круче. Лётчики с расстояния в три километра попадают из тридцатимиллиметровой авиационной пушки в мишень размером с портсигар! Неуправляемыми ракетами пишут слова в бетонной стене! Не пожалеете.

Артур кивнул, улыбнувшись в душе мальчишеской горячности президента, в прошлом – штурмана дальней стратегической авиации.

– Разрешите идти?

Президент провёл ладонью по лицу, как бы стирая азартное просветление, связанное с какими-то воспоминаниями.

– Я бы хотел встретиться с главным координатором «Стопкрима».

Артур, поднявшись, посмотрел на него с сомнением.

– Вы думаете, это необходимо?

– Хочу поговорить с ним о финансировании... э-э, предприятия. – Игорь Владиславович поймал взгляд советника, нахмурился, но продолжил с мягким нажимом: – Хочу посмотреть на этого человека, понять, что им движет. Мне это доступно?

– Прошу прощения, Игорь Владиславович, это не от меня зависит. Он человек твёрдых убеждений, да ещё к тому же Мастер Внутреннего Круга, я вам рассказывал. Он может отказаться.

– Так уговорите его! Мы встретимся без свидетелей.

– Постараюсь.

Артур пожал протянутую холодную руку главы государства и вышел, подумав, что тому давно пора заняться пошатнувшимся здоровьем. Энергию он тратил, не оглядываясь на последствия.

Глава 5. Иезуит

Прокурорская неприкосновенность и современные технологии защиты секретности давали Меринову исключительные возможности руководить Куполом из столицы, не покидая её пределы. Тем не менее он изредка посещал регионы России – «для прокурорского надзора и пользы для правительства», чтобы лично подкорректировать деятельность подконтрольных бизнес-структур и, что было главнее, работу преступных группировок, держащих в страхе всех предпринимателей страны.

Стаса Котова он направлял в эти регионы гораздо чаще, так как проблемы с подпольным бизнесом возникали чуть ли не каждый день, и тогда рождалась потребность в решальщике, который быстро разруливал спорные ситуации – вплоть до физической ликвидации сопротивлявшегося давлению извне предпринимателя. Стас выполнял эти задания качественно и в срок, отчего за ним и утвердилась слава человека, ни разу не подставившего главного босса.

Конечно, бывали случаи, когда и ему не удавалось решить ту или иную проблему, но в таких делах всегда находился «стрелочник», виновный в неудаче, генпрокурор спускал на него всех собак, а Стас оставался чистым и в стороне, не желая участвовать в казни неудачника. Никто никогда не видел его с оружием в руках, участником или инициатором убийства, и при этом слава жёсткого и решительного человека, способного на всё, следовала за ним по пятам. Даже Меринов, человек циничный до мозга костей, не просто жёсткий, но жестокий и беспринципный, и тот побаивался своего порученца, зная, что он когда-то служил самому Конкере – Монарху Тьмы.

Двадцать восьмого сентября Меринов вызвал его к себе в обед.

Стас, руководивший подготовкой группы ликвидации на базе, прибыл как всегда минута в минуту.

Генпрокурор пил кофе в одиночестве, хмуря чёрные брови. На лице его сыграла презрительная гримаса, будто он только что зачитал кому-то обвинительный приговор.

– Садись, – бросил он, не прерывая занятия. – Мне звонил Олег Николаевич. В бешенстве. Возродился из небытия «Стопкрим».

– Знаю.

– А если знаешь, почему не предпринимаешь меры к его ликвидации?

Стас присел на краешек стула, не меняя выражения лица.

– Рано.

– Что значит рано?! – рассвирепел Меринов. – Будем ждать, пока «чистильщики» доберутся до нас? Они уже начали зачищать правоохранителей!

– Не доберутся, Леонард Маратович, всё под контролем. Пусть они пыhtят, убирая пешек, на их место мы поставим других пешек. Я рассчитываю расправиться с господами из-за бугра именно с помощью «чистилища».

– Зачем же ты собрал спецгруппу?

– Для отвлекающего маневра. Мы выпустим её вперёд, а когда сработает охрана америкосов, в игру вступит боевая гвардия – «Стопкрим».

– Каким образом?

– Отец Матвея... воспитавший и меня... является главным комиссаром нового «чистилища». Именно с этим расчётом я и взял в группу его сына – чтобы отец вступился за него.

Меринов растянул губы в узкую бледную полоску.

– А ты иезуит, Котов. Это хорошая идея. Читай. – Он развернул к помощнику экран компьютера.

– Что это?

– Премьер прислал.

«Коммюнике независимых территорий UnUn, – прочитал про себя Стас заголовок высветившегося текста. – В целях координации управленческих решений земного социума «Комитет 300» предлагает в ближайшее время организовать съезд иерархов UnUn. Состав делегаций не ограничен. Время и место съезда оговаривается анархами UnUn до конца сентября».

– Прочитал?

Стас кивнул.

Меринов повернул экран к себе.

– Сам Конкере даёт нам шанс одним ударом покончить с зависимостью от всех внешних надстроек и от иностранцев! Понимаешь, о чём речь?

Стас снова кивнул.

Меринов посмотрел на него с сомнением.

– Не понимаешь, однако. Мы можем ликвидировать не только американский Союз, но весь UnUn! Вместе с российским Союзом! И тогда анархом нашего Союза...

– Станете вы.

Меринов расплылся в улыбке.

– Угадал. А ты станешь диархом вместо этого напыщенного индюка-премьера, не понимающего, что в России всё может быть использовано для коррупции, в том числе и борьба с коррупцией. Я, прямой наследник анарха, вынужден ему подчиняться! Какого дьявола?!

Стас промолчал, потому что вопрос ответа не требовал.

– Не по Сеньке шапка.

– Что? – Меринов остыл, допил кофе.

– Я всё понял.

– Встреча состоится скорее всего на одном из островов Тихого океана или Средиземного моря. К концу месяца мы будем знать точно. Поэтому разработай план единой акции, чтобы не упустить момент.

– Какими средствами мы будем располагать?

– Любыми! – показал зубы генпрокурор. – Любыми, какие только существуют, от атаки нанитов, несущих яд, до инициации землетрясения с помощью ионосферного пробоя.

Стас с любопытством посмотрел на шефа.

– У нас есть доступ?

– У нас есть выход на министра обороны, – усмехнулся Меринов. – Этого достаточно.

– Тогда вопросов больше нет. Разрешите приступить к разработке сценария?

– Привлеки всех, кто может родить умную идею. Готовься к вояжу в Екатеринбург. С МИРом в Крыму ты прокололся, не ошибись на Урале. Туда вот-вот будет направлена группа Дмитрия Романовича. Если мы опередим их и захватим хотя бы одну Великую Вещь, нас никто не остановит.

– Мы ищем Великие Вещи двадцать лет...

– Любой поиск требует времени, наши усилия не пропадут даром, я чувствую. На тебя большая надежда, Котов, не ошибись.

– Приступаю к выполнению! – вытянулся Стас.

Из машины он позвонил Матвею Котову:

– Ты мне нужен.

– Подъеду после работы, – ответил младший брат.

– Ты мне нужен сейчас.

– После работы, – повторил Матвей и отключил связь.

– Ах ты котёнок независимая, – проворчал Стас недовольно, – весь в отца. Жаль будет тебя потерять. Придётся поучить уважать старших.

В машину подсел Римас, и Стас вырулил с территории Генпрокуратуры.

Глава 6. Непредвиденные встречи

Он поднимался вверх медленно, как на воздушном шаре, не торопясь вырваться в космос, о котором ему много рассказывал отец, но сам так ни разу и не осознал его реальность и красоту.

Душа покинула тело пушинкой, пронзила потолок спальни, вознеслась над домом, над городом, окунулась в дымно-туманное марево на большой высоте, не то слой облаков, не то сгустившийся сам собой воздух.

Матвей напрягся, пытаясь разглядеть «свет в конце туннеля», и ему действительно удалось создать вокруг себя пузырь чистого пространства, в котором он торчал как муха в стеклянной колбе. Впереди даже образовалось нечто вроде размытой полыньи, наливающейся золотистым солнечным светом. Однако дальше дело не пошло. Зыбкие туманные струи обрушились на него со всех сторон, замутили зрение, разбили светлое пятно на зигзаги, и он осознал себя лежащим в постели.

Открыл глаза, разочарованно таращась в потолок, пробормотал с обидой:

– Астрал... ментал... сказки, однако.

Очередная попытка выхода в астрал или, точнее, в общее энергоинформационное поле Земли, о чём он не раз беседовал с отцом, не удалась. Это говорило не об отсутствии такового поля, а скорее – об отсутствии способностей у испытателя, и Матвей каждый раз искренне переживал свою несостоятельность. И хотя отец утверждал, что инфарх повысил порог пси-восприятия, а также поднял планку мысленно-волевого воздействия в материнской реальности, то есть на Земле в первую очередь, очень хотелось развить свои экстрасенсорные способности до уровня Мастеров Внутреннего Круга. Отец утверждал, что задатки у него есть, интуиция, во всяком случае, была развита.

Вставай! – приказал Матвей сам себе.

Не хочу, – лениво ответил организм.

Лентяй!

Лень – это подсознательная мудрость, – с достоинством возразил организм.

Да ну? – удивился Матвей.

Для русского человека лень – не грех, а средство нейтрализации кипучей активности руководящих дураков.

Матвей рассмеялся.

Афоризм закончил мысленную беседу с самим собой, надо было подниматься и бежать в парк, поднимать тонус, что вошло не просто в привычку, а стало нормой жизни. Тем более что сегодня было воскресенье и народ с утра в парк не спешил.

Сначала он хотел было сделать пробежку по аллеям парка, мимо лодочной станции до пикник-зоны и теннисных кортов, чтобы вернуться домой через главный вход. Однако, заметив, что велосипедный прокат уже работает, сменил маршрут и взял велосипед, решив объехать весь парк по большому кругу.

Погода разгулялась, сменив гнев на милость, дожди прекратились ещё в субботу, и с утра выглянуло солнце, пронизывая лучами света лесные заросли с пожелтевшей и поредевшей листвой.

Он доехал до прудов, проводил глазами девушку на велосипеде, чем-то похожую на Диву. Пришла мысль пригласить её в парк, поиграть в теннис. Замечтавшись, он не заметил, как из-за танцплощадки выехали трое парней на велосипедах и внезапно окружили его, не давая проехать. Они были одеты как профессиональные велогонщики – в обтягивающие костюмы и шлемы, и велосипеды у них были под стать – известных фирм, со множеством приспособлений и ручек, поэтому вряд ли кто-нибудь из прохожих обратил бы внимание на группу, в нынешние времена по Москве разъезжали тысячи молодых велосипедистов, для которых стали укладывать специальные дорожки.

Но эта группа отличалась от обычных велосипедистов особой целенаправленностью, вовсе не связанной с прогулками по парку или с тренировками. Матвей это почувствовал мгновенно, досадуя на себя, что расслабился и позволил троице подобраться вплотную. Впрочем, даже если он увидел бы их вовремя, вряд ли бросился бы наутёк в такое славное осеннее утро, открывающее, по сути, запоздавшее бабье лето.

Тем не менее он попытался разойтись миром.

– Привет, парни, крутые у вас байки. Что-то хотите спросить? Или ошиблись фактурой?

– Слышь, ты, эколог, – проговорил один из них, с соломенными усиками, самый накачанный, – предупредить хотим. Не суй нос куда не надо! Здоровье сохранишь!

– Ну, я же сразу понял, что вы ошиблись, – с огорчением сказал он. – Вы меня приняли за кого-то другого.

– Мы тебя приняли за кого надо, – заговорил смуглолицый жилистый велосипедист; у него тоже были усики, но чёрные, переходящие в колечко ухоженной бородки. – Ещё раз появишься у ресторана – рёбра поломаем.

– А-а, – поскущел Матвей, – вы из obsługi «Шико»? Так бы сразу и сказали. У вас всё? Тогда разрешите проехать.

Он направил колесо на велосипед жоака с соломенными усами.

– Прошу вас.

– А если мы не разрешим? – хмыкнул черноусый.

– Я терпеливый, могу подождать.

Велосипедисты обменялись взглядами. Вежливость полицейского выбивала их из колеи, а они явно искали предлог набить ему морду.

– Велосипед оставь и иди, – нашёл выход черноусый.

– Не могу, – с деланным сожалением сказал Матвей, – обязан вернуть в пункт проката.

– Эта с-сволота издевается! – вскипел третий член группы, молчавший до сих пор, узкоплечий, вихрастый, с большим носом. – Чего ждём, Костыль?

Соломенноусый качок двинул велосипед в переднее колесо велосипеда Матвея, и капитан понял, что миром разойтись не удастся, у байкеров было задание вывести его из себя и намять бока, хотя они знали, что он из полиции, и должны были предвидеть последствия нападения.

От столкновения уйти не удалось, однако Матвей успел вывернуть руль, подставить локоть под приблизившееся плечо парня и рвануться вперёд, туго надавливая на педали.

Вожак слетел со своего роскошного байка, его большеносый напарник ударил Матвея наотмашь, не попал, и вся троица осталась позади. Но обольщаться не стоило, велосипеды у парней были не чета жуковской «Десне», на которой катался Матвей, и догнать его им не составляло труда. Тогда он круто развернулся перед лодочной

станцией, так что щебень брызнул из-под колёс, и понёсся навстречу набирающей скорость троице.

Его маневр оказался для преследователей неожиданным.

Первый из них – смуглолицый усач – не успел увернуться, и Матвей толкнул его ногой, направляя велосипед с обрыва в пруд. Раздался приглушённый мат, всплеск, и велосипедист оказался в воде.

Второй резко затормозил, однако не столь ловко, как настоящий профессиональный гонщик, и Матвей просто сшиб его вместе с велосипедом, врезавшись колесом в стойку седла.

Вожак с усиками оказался самым проворным, ловким и сильным. Он подскочил к Матвею, не успевшему бросить велосипед, сбоку и нанёс сильный удар какой-то палкой, оказавшейся не насосом, как сначала подумал капитан, а резиновой дубинкой с металлическим набалдашником, и Матвей, успев лишь подставить руку, кубарем укатился с дорожки на травяной откос перед лодочной станцией.

– Убью! – взревел большеносый, исцарапанный, в пыли, бросаясь к нему с такой же дубинкой.

Матвей вскочил разгибом вперёд, дождался удара, перехватил руку парня, выбил дубинку особым приёмом и перетянул ею же поперёк спины противника, сунувшегося головой в шеренгу колючего кустарника.

Соломенноусый вожак налетел сбоку на велосипеде, вращая дубинкой, и Матвей вынужден был отступить, прыгнул через дорожку, защищаясь отобранной дубинкой, пробежал несколько метров, после чего внезапно прыгнул к велосипедисту, отбил в прыжке удар и нанёс свой удар – по шлему качка.

Здоровяк слетел с велосипеда и с воплем загремел под откос, поднимая тучу пыли.

В этот момент из воды на берег выбрался третий участник «тренировки», облепленный водорослями, сунулся к лежащему велосипеду большеносого, но Матвей свистящими взмахами дубинки загнал его обратно в воду. Направил на смуглолицего металлический конец хорошо сбалансированного оружия для спецназа, подумав, что рядовые граждане такие полицейские гаджеты не носят.

– Сидеть! Башку проломлю!

Вернулся к месту схватки, разглядывая пострадавших при падении байкеров: по исцарапанным лицам обоих текла кровь, шлемы

были покалечены, костюмы порваны. Он сделал резкое движение, будто собирался напасть, и парни поспешно подались назад.

– Передайте своему хозяину, – сказал Матвей, остывая, – что я непременно загляну к нему в гости.

С лодочной станции на него смотрели две девчонки и молодой человек в шортах, по дорожкам приближались утренние посетители парка, какой-то мужчина в белом появился у обреза воды, и Матвей поспешил убратся с места схватки.

Бросил дубинку, оседлал свой не сильно пострадавший велосипед и покатил к выходу из парка, вдруг почувствовав жжение в локте и боль в брюшине: всё-таки сверзился он с велосипеда прилично, хорошо бы обошлось без поломок. Мысль, что с ним поступили слишком грубо и недальновидно, пришла позже, когда он отмывал дома ссадину на локте и заклеивал пластырем колено. Хозяин «Шико» не выглядел идиотом и должен был предвидеть последствия нападения на полицейского, посылая своих подручных. Даже если за его спиной стоял какой-нибудь большой начальник. Что-то здесь было не так. Целью тройцы было спровоцировать Матвея на драку, и это ей удалось, но по размышлению он всё больше убеждался в том, что к ресторану «Шико» парни не имеют никакого отношения, хотя и знают об инциденте между владельцем и экологами.

В это воскресенье он рассчитывал отдохнуть и покопаться в Интернете в поисках информации об инсектах, древних разумных существах, изменённых Монархом Тьмы до размеров нынешних насекомых. То есть современные насекомые и являлись потомками насекомых, потерявших вместе с размерами и способность мыслить. Однако нашёл лишь труды Успенского Петра Дмитриевича на эту тему да небольшие статьи Гурджиева и фантазии Блаватской о населённости Земли в доисторические времена. О Внутреннем Круге человечества материалов было больше, но и они скорее представляли собой измышления философов и утечки информации о деятельности масонских лож и орденов. В то время как Круг был намного древнее всех лож, египетских пирамид, Стоунхенджа и даже русского Аркаима, представлявшего собой часть страны городов Зауралья с десятилетиями историей. Внутренний же Круг земной цивилизации, по свидетельствам отца, уходил корнями

в миллионолетнее прошлое, свидетелем чему были сохранившиеся МИРЫ – модули иной реальности.

Захотелось поговорить с отцом. Однако мысль, что придётся отвечать на его неудобные вопросы, изворачиваться и умалчивать правду, была так невыносима, что Матвей отказался от идеи. Стас поставил бы на нём крест, перестал бы делиться информацией, а так хотелось узнать больше о МИРах и Союзах Неизвестных, управляющих земной реальностью до сих пор. Отец на эту тему рассуждал неохотно, и каких-то откровений от него ждать не приходилось. Точнее, отец всё время обещал сыну раскрыть некие тайны Внутреннего Круга, но до сих пор так и не собрался.

– Потерпи, ты ещё не готов, – как-то сказал он года два назад, и Матвей, обидевшись, перестал задавать ему вопросы.

Обедать он пошёл в кафе «Калинка», располагавшееся на пересечении Первомайской улицы и Измайловского проезда. Алкоголя он не чурался, но предпочитал употреблять его по праздникам, да и то очень лёгкий, типа яблочного сидра или игристого вина «Ламбруско», по крепости близкого к квасу, как шутили друзья.

В «Калинке» сидр не продавали. Заказал стаканчик медовухи, хлебнул, и доброе расположение духа, поколебленное дракой в парке, вернулось к нему. Мысли о причине неспровоцированного нападения отошли на второй план. Вспомнился мужчина в белом, наблюдавший за ним из-за кустов. Точно такой же мужчина уже встречался ему в парке и на Театральной улице, у дома Дивы. Неужели это один и тот же человек? Или это просто совпадение, а то и причуды фантазии, принявшей разных людей за таинственного наблюдателя? Впрочем, кому нужен капитан экологической полиции, – Матвей усмехнулся, – кроме отморожков на велосипедах, предъявивших смешные претензии?

Никому, – ответил организм, к которому Матвей уже давно относился как к ментальному собеседнику. Высказывал этот организм очень практичные и трезвые мысли.

Захотелось позвонить Диве. Рука потянулась к айкому.

И что ты ей скажешь? – язвительно осведомился организм.

– А правду, – вслух ответил он сам себе, набирая легко запоминающийся номер, состоящий из четырёх семёрок и трёх троек.

Безумно волнующая советник юстиции (у него даже руки задрожали) ответила быстро:

– Алло. Кто звонит?

– Я, – ответил Матвей, возненавидевший себя за дурацкий ответ. – Извините, Дива, это Матвей Котов. Есть минута?

– Слушаю, – отозвалась девушка грудным контральто.

– Мне хотелось бы с вами встретиться.

– Оригинальная идея, – с иронией сказала Дива.

Матвей покраснел, но поднявшаяся в душе буря чувств не помешала ему найти причину.

– У меня к вам несколько профессиональных вопросов. И лучше задавать их не по телефону. Найдёте для меня свободную минутку?

– Вы обещали заехать ко мне на работу.

– Не было времени, – соврал Матвей; на прошедшей неделе он заезжал в Генпрокуратуру дважды, однако девушку ни разу не застал в кабинете.

– Что ж, если хотите, можем встретиться на природе, если вы не заняты. Я сейчас за городом, в Маяковке, это двадцать километров от МКАД по Новорязанке. Найдёте?

– Найду.

– Поворот направо после указателя «20 км», через виадук, на старую бетонку, ещё три километра по ней, поворот по указателю налево, мимо пруда, на развилке направо, к коттеджному посёлку «Серебряный».

– Понял, не заблужусь.

– Подъедете к воротам, позвоните.

– Слушаюсь, товарищ подполковник! – шутливо взял он под козырёк. – Буду к трём.

Щелчок в трубке означал, что телефон Дивы защищён от прослушки системой ассемблера, и это порадовало: слышать их переговоры слышали, а дешифровать не могли.

Отмахнувшись мизинцем левой руки от нечистой силы, как учила мама (господи, в лесу дуб повалился! что случилось, Дива согласилась встретиться на даче?!), он быстро допил чай, расплатился, бегом вернулся домой и начал спешно собираться. Выбрал байкерский прикид: чёрный облегающий полукомби, под ним тёмно-серый свитер, чёрные штаны, ботинки с высокой шнуровкой, чёрная сумка через плечо и шлем.

Оседлал мотоцикл – Vimota DB7, подарок отца, им он пользовался редко, только если появлялась нужда домчаться куда-нибудь без задержек, пробки для байка не существовали, и направился по указанному адресу, рассчитывая доехать до места встречи за час.

Расчёт почти оправдался, в три минуты четвёртого он подъехал к воротам коттеджного посёлка «Серебряный», расположенного на краю заросшего бурьяном поля, практически на опушке смешанного леса. Посёлок насчитывал около двадцати почти одинаковых домиков, построенных, судя по размерам и этажности, одной фирмой. Элитным назвать его можно было с натяжкой, так как трёхэтажных кирпичных хоромин за глухими заборами здесь не было, и всё же смотрелся он празднично, радуя глаз бревенчатыми домами и башенками.

Вышел немолодой охранник в зеленоватой робе.

– К кому?

Матвей вспомнил, что не догадался спросить фамилию владельца дачи, у которого гостила Дива. Если только это была не её дача.

– Сейчас позвоню, девушку зовут Дива, Дива Соболева, а у кого она остановилась...

– У Никитиных, – проворчал охранник, отодвигая створку ворот, – она предупредила. Влево до подстанции, второй коттедж за поворотом, крыша зелёная.

Матвей поблагодарил, доехал по хорошо укатанной гравийной дорожке до указанного дома, остановился.

Коттедж Никитиных отличался от соседних наличием четырёх башенок, похожих на церковные колоколенки, и цветом крыши. Он был довольно вместительный, да и компания, расположившаяся за домом, в тени деревьев, – лес подступал к дому почти вплотную, – и под растянутым тентом летней столовой, подтверждала это. За двумя столами сидели десять человек, из них шестеро мужчин в возрасте до тридцати лет с небольшим – по оценке Матвея.

Кроме того, за воротами справа, перед отдельным строением, в котором Матвей с удивлением узнал славянский куд – небольшой храм с круглой маковкой, но без креста, стояли четыре автомобиля. Среди них был и знакомый белый «Лексус», привозивший Диву домой.

Всё это он разглядел, поставив мотоцикл рядом с шеренгой авто, когда ворота – сетчатые, в камуфляжной ткани – сами собой открылись перед ним.

От стола у деревьев отделилась женская фигурка, у Матвея ёкнуло сердце: Дива была необычайно хороша! На ней был брючный костюм бежевого цвета, подчёркивающий женственность и гармонию фигуры, и туфли на изящном каблуке, удлиняющем лодыжку. Только сейчас Матвей разглядел, что у неё пышные светлые волосы по плечи, с выбеленной прядкой надо лбом, и сияющие зеленоватые глаза.

Она улыбалась, первой протянула руку.

– Присоединяйтесь.

– Удобно ли? – усомнился он.

– Нормально, проходите, мы празднуем начало бабьего лета, давно не виделись, все когда-то учились вместе, в одной гимназии, хотя и в разных классах.

Они подошли к столу. На Матвея обратили внимание в основном женщины, оценивающе разглядывая гостя, мужчины лишь сдержанно, вразнобой, поздоровались, когда он сказал:

– Добрый день, прошу прощения за вторжение.

– Всё хорошо, подсаживайтесь к столику, – ответили ему.

– Знакомьтесь, Матвей Котов, – представила его Дива. – Капитан экологической полиции.

Он поклонился, однако ни на кого его профессия не произвела особого впечатления, мужчины подвинулись, и он сел рядом с Дивой, ощущая стеснение и бодрящее желание не стать никому в тягость.

Вопреки ожиданию, шашлыками компания не увлекалась. На столах стояли тарелки с овощами, салаты, судок с запечённой свиной шейкой, тарелки с рыбой холодного и горячего копчения, сыр и колбаски. Пили шампанское, красное вино, причём вино пили мужчины, женщины предпочитали водку «Белая Арктика».

Компания, отвлекшись на минуту на гостя, перестала обращать на него внимание, переключилась на свои темы, чему он был рад, так как не любил быть на виду.

Говорили о состоявшихся в Нижнем Новгороде гонках на самодельных тележках без двигателей, которые спускались с горки по специальной трассе длиной четыреста метров. Для победы важно было не только проехать по трассе быстрее других, но и продемонстрировать отличный от соперников дизайн транспортного средства.

Как понял Матвей, в гонках принимал участие и один из гостей по имени Лёва, который занял пятое место.

– Из шестидесяти команд! – похвастал он, делясь впечатлениями от соревнований.

Его «суперкар» представлял собой каркас от старого рояля, облагороженный бампером от джипа и спортивным крылом.

Компания слева – две девушки и парень – рассуждала о «тройной любви», зафиксированной социологами на Дальнем Востоке. Там возник новый тип семьи – жена и два мужа, причём второй муж был преимущественно китайцем, что устраивало всех.

В ходе исследований специалисты убедились, что «тройные» семьи начали создаваться ещё пять лет назад, но только сейчас обрели массовый характер, и к настоящему моменту в Хабаровском крае, Владивостоке и Еврейской автономии насчитывалось более десяти тысяч семей, начинающих определять социальный феномен Восточной России. Второй муж, естественно, в таких семьях был неофициальным и подключался для обеспечения семьи, в то время как первый, «главный», зачастую освобождался от труда «для обеспечения рождаемости» и участвовал лишь в воспитании детей, да и то далеко не всегда.

Самое загадочное во всём этом было поведение женщин: их действительно всё устраивало, о любви речь вообще не шла, и эта ситуация, по мнению участника беседы по имени Саша, угрожала стране, так как в головы детей вкладывалось странное, противоестественное, если не чудовищное отношение к жизни как к борделю.

Саша иронизировал, осуждая феномен, оппонентки его поддразнивали, но, судя по всему, не возражали испытать на себе «тройную любовь».

В компании справа, которую поддерживала и Дива, заговорили о депутатах Госдумы, о людях власти, определяющих внутреннюю политику России и принимающих зачастую абсолютно дурацкие законы. Можно было бы посмеяться над этими решениями, если бы они не отражались потом на судьбах миллионов людей.

Вспомнили всё: и решение «киндерсюрпризпрезидента» сдвинуть на два часа календарное время, чтобы коровы давали больше молока, и инициативу одного из безмозглых депутатов Думы обложить

налогом всех молодых людей, не служивших в армии, и решение правительства штрафовать за массовое одновременное пребывание граждан в общественных местах, и идею чиновников от культуры признать опасными советские мультфильмы наподобие «Ну, погоди!», и мудрое решение чиновников ввести план на рождаемость в стране, и многое другое.

Матвей мог бы кое-что добавить к теме, но только слушал и кивком благодарил Диву, наполнявшую его тарелку разными вкусностями.

От вина он отказался, указав на мотоцикл, и Дива поняла, больше не предлагала, потягивая шампанское «Южный берег» крымского производства.

Полчаса пролетели в атмосфере дружеской пикировки. Смеялись часто, однако никто не пытался завладеть общим вниманием, никто не вёл себя вызывающе, а главное – никто не ругался и не вставлял в речь модные нынче «ашипки» или матерные словечки.

– Вы хотели со мной поговорить, – напомнила Дива, заметив, что гость насытился.

– Да, конечно, – с готовностью откликнулся Матвей, отодвигая стакан с клюквенным морсом.

– Пройдёмте в беседку. – Она встала с бокалом шампанского в руке и по керамическим плиткам направилась к деревянной беседке в глубине леса, увитой плющом.

Матвей хотел извиниться перед остальными, но никто на него не смотрел, всё было в порядке вещей, и, отказавшись от намерения, догнал девушку, снова мгновение полюбовавшись её фигурой.

Сели напротив друг друга на деревянные скамеечки.

– Слушаю внимательно. – Дива сделала глоточек с такой непринуждённостью, что Матвей вдруг почувствовал себя как дома и расслабился.

– Понимаете...

В кармашке куртки пикинул мобильный.

– Извините. – Матвей достал айком, глянул на окошечко, в котором высветились слова «абонент неизвестен». – Слушаю.

– Матвей, ты мне срочно нужен, – влился в уход голос брата. – Сколько тебе понадобится времени, чтобы доехать до базы?

– Я занят, – сухо ответил капитан.

– Бросай все дела и рви когти сюда! Это важно.

– Позвоню через час.

– Никаких через час...

– Прошу прощения, у меня выходной.

Матвей выключил телефон, сунул в карман.

– Кто звонил? – поинтересовалась девушка.

– Стас.

– Котов?

– Всегда звонит в неподходящее время.

– Вы его хорошо знаете?

– Плохо, знакомы всего две недели... хотя он мой брат.

– Брат?

– Сводный, отец много лет назад взял его в семью, воспитывал как родного сына. Потом Стас отделился и... в общем, я встретил его в тот день, когда мы...

– Приехали к нам на Театральную и закрыли притон по изготовлению спайсов.

Матвей кивнул в некотором смущении.

– Я там вас первый раз и увидел.

– И со Стасом там же пересеклись? Он что же, контролировал притон?

– Нет, это случилось в другой раз, хотя он оказался именно в той квартире. Я понял так, что хозяева квартиры, мадам Христенко и её сожитель полковник Мигайлов, его приятели.

– Забавно.

– Что?

– Что вы встретились там, где не должны были. Хочу вас предупредить: за Стасом ходит дурная слава решальщика, будьте с ним поосторожнее, не верьте каждому слову.

– Он ничего плохого не предлагал, – пробормотал Матвей. – А вы откуда его знаете? Встречались?

– Он правая рука Меринова, приходится встречаться.

– Стас говорил, что вы претендуете стать его заместителем.

– Всё-то он знает, – сморщилась Дива. – Я с ним встречалась дважды. – По лицу собеседника она поняла, о чём он подумал, понимающе улыбнулась. – По делу, и выслушала много комплиментов,

в том числе, — она снова улыбнулась, — не деловых. Хотя больше всего он интересовался, не замужем ли я.

— Вы ему ответили? — непринуждённо спросил Матвей, позволив себе тонюсенький намёк.

Но Дива уловила этот намёк.

— Ответила — не замужем. Его это почему-то не обрадовало. Я его спросила в ответ: а вы женаты? Отшутился: мол, женятся глупые, а умные выходят замуж. Расписал мне достоинства Леонарда Маратовича, будто сватал.

— Так это правда, что вы скоро станете замом генерального?

— Я уже зам, со вчерашнего дня, переехала в новый кабинет, на втором этаже, с лестницы направо.

— Поздравляю. — Матвей бросил взгляд на компанию. — Ваши друзья — тоже юристы?

— Совсем нет, врачи, журналисты, Вадик — инженер, Володя — химик, одна я связалась с юридическими закорючками, не зная, с чем придётся столкнуться. Но как говорят: в семье не без урода?

Матвей улыбнулся.

— Всем бы такими уродами быть. Значит, вы собрались не для того, чтобы обмыть повышение.

— Нет, конечно, это далеко не повод. Костю видите? — Дива оглянулась. — Рыжий такой, губастый, он археолог и едет в Адыгею дольмены изучать.

— Здорово, я ни разу не был в Адыгее.

— Я была всего один раз, впечатления самые позитивные. Воздух чист, как родниковая вода, пить можно, пахнет горными травами и холодной водой, тишина, каньоны, скалы, пустынные альпийские луга — красота, одним словом!

Матвей засмеялся.

— Вы случайно не рекламный агент адыгейского турагентства? У меня слюнки потекли. Чем ещё привлекательна Адыгея?

— Да всем. Там огромное количество достопримечательностей и есть где остановиться: власти настроили много турбаз, мини-отелей и кемпингов. Меня пригласили на рафтинг, я согласилась и не пожалела, хотя трасса была высшей категории.

Матвей с уважением качнул головой. Речь шла о сплаве по горным рекам на плотах.

– Вы специально готовились?

– В принципе, я не новичок, с детства ходила на байдарках по Селигеру с родственниками. Конечно, сплав по реке Белой по сравнению с походами по Селигеру или по речке Пре – что прыжки с парашютом и без, но я справилась.

– Здорово!

– В Адыгее вообще приятно отдыхать, там нет никаких промышленных предприятий, а пейзажи – загляденье! Чего стоит Лагонаки или гора Фишт. А Большой ледник? Да что говорить, съездите – увидите всё своими глазами.

– С вами – готов хоть на край света, – пошутил Матвей, хотя вовсе не кривил душой. – Возьмёте с собой, если отправитесь туда?

Дива задумчиво оглядела его лицо, губы её дрогнули, но в улыбку не сложились, хотя в глазах запрыгали весёлые чёртики.

– Если только на следующий год. Правда, меня зовут на Чукотку, в край вечной мерзлоты, я там не была, но ещё не определилась.

– Возьмите с собой. – Он подумал и добавил: – В тягость не буду, люблю экстремальные виды спорта, с парашютом прыгал, в молодости на мотоциклах гонял.

Дива покосилась на стоянку авто.

– Гонки – это хорошо. У вас хороший байк.

– Спортивная «Бимота», – проговорил он небрежно, зная, что его мотоцикл выделяется среди других. – Подарок отца. Скорость до трёхсот двадцати, до сотки стартует за две и две десятых секунды. Но я занимался ещё и парапланеризмом, и скалолазанием, и верховой ездой.

– Я поняла, вы любитель острых ощущений.

Матвей почувствовал в словах собеседницы лёгкое осуждение, попытался оправдаться:

– Не то чтобы любитель, но без драйва жить скучно. Недаром кто-то сказал, что движение – это жизнь. Вот я и следую этой заповеди.

– Похвально, многие из парней вашего возраста не следуют этой заповеди, предпочитая торчать у компьютера. Вы не торчите?

– Нет, – сказал он, размышляя над словами девушки: «парней вашего возраста»; это можно было понимать как оценку деятельности молодёжи умудрённой жизненным опытом женщины, а можно – как завуалированную шутку. – Только на работе.

Она допила шампанское, взгляд девушки стал деловым.

– Вы хотели задать мне какие-то важные вопросы.

Матвей смутился.

– Если честно, я искал предлог...

Брови Дивы сдвинулись, и он торопливо добавил:

– Только не сердитесь, ладно? Мой отец хорошо знал Матвея Соболева, ещё с контрразведки, вы случайно не его дочь?

По лицу девушки скользнула тень печали, но так быстро, что он не поверил своим ощущениям.

– Я дочь своего отца, но я ничего не знаю о дружбе моего папы с вашим.

– Спросите у него. – Слова вырвались сами собой, и Матвей тут же пожалел об этом, но было уже поздно.

– Во-первых, я не понимаю вашего интереса. Во-вторых, мой отец далеко, и беспокоить его по такому поводу...

– Понял, извините, мне действительно было интересно, отец много рассказывал о Матвее, моём тёзке, и я подумал... ещё раз извините.

– Ничего страшного, я вас поняла. Если ваш отец действительно знал моего... возникает масса других вопросов.

Матвей воодушевился.

– Готов ответить.

С улицы посёлка послышался шум подъезжающего автомобиля. У ворот усадьбы остановился белый «Инфинити FX 66» с московскими номерами, невероятно стильный, ощутимо стремительный и красивый.

Головы беседующих за столами повернулись к воротам, раздались одобрительные голоса мужчин.

– Это ко мне, – поднялась Дива. – Не возражаете, если мы перенесём разговор?

– Ни в коем случае, – вскочил Матвей. – Когда позвонить?

– Завтра в любое время.

Девушка проводила гостя до калитки, где уже стоял другой гость – высокий мужчина в белом костюме и чёрном свитере. У него были короткие седые волосы, широкие скулы, яркие, тигриные, запоминающиеся глаза и твёрдая складка губ.

– Добрый день, – сказал он, окинув Матвея цепким взглядом.

Капитан ожидал, что Дива их познакомит, но она ничего не сказала, и ему ничего не оставалось делать, как проследовать к автостоянке. Он вывел мотоцикл за ворота, сказал «до свидания» и уже не удивился, обнаружив, что слова прощания ушли в воздух: компания легко переключилась на водителя «Инфинити».

Разочарование было ощутимым, однако, с другой стороны, Дива не отказалась встретиться ещё раз, что давало ему призрачный, но шанс. Приехавший парень вполне мог быть её другом, однокашником, и больше ничего.

Уже за пределами посёлка Матвей вспомнил, что видел этого человека мельком – утром в парке, после инцидента с байкерами. Но в голову ничего путного не приходило, кроме: каких только встреч не случается? – и он позвонил Стасу:

– Я освободился, еду домой. Зачем вы звонили?

– Завтра летим в Адыгею, – с некоторым трудом ответил брат; по-видимому, он что-то жевал.

– Куда?! – удивился Матвей, вспомнив о рассказе Дивы, отдыхавшей в этой республике.

– В Адыгею.

– Зачем?!

– Там обнаружили кое-что по нашей части.

– МИР?!

– Не задавай дурацких вопросов, дружок. Да, МИР Акридидов.

– Это...

– Саранча.

– Но мы собирались в Екатеринбург.

– Ложный посыл, для наших партнёров мы летим в Ёбург, а на самом деле полетим на юг.

– Ёлки-палки! Вы снова ставите меня в неловкое положение перед начальством. Что я скажу Пацюку?

– Заболел – и все дела. Больничный мы тебе организуем.

Матвей сдержал ещё одно недоброе слово.

– Зачем нам эти МИРЫ?

– Я тебе уже сотню раз объяснял – в них хранятся Великие Вещи.

– Зачем нам Великие Вещи?

Стас хмыкнул.

– Неужели и это надо объяснять? Что с тобой, Котов? Не с той ноги встал? Или что случилось?

Матвей подумал о стычке с велосипедистами, но говорить об этом не стал.

– Ты не ответил на вопрос.

– Ежу понятно, что любая Великая Вещь – предмет особой силы, овладев которой мы наверняка уконтропупим любой Союз Известных. Кстати, поднял голову и китайский Союз, заслал к нам свой спецназ – «Чодаин дайкоку».

– Что?

– «Белый дракон». Нам и с ним ещё придётся рубиться. Короче, жду на базе.

– Когда вылет?

– Завтра в двенадцать.

– Из Раменского?

– Нет, из аэропорта Домодедово. Летим втроём: ты, я и Гришин.

– Меня уволят с работы...

– Подыщем другую.

– Благодарю покорно. Встретимся завтра в аэропорту в десять.

– Надо обсудить детали...

– Завтра! – твёрдо сказал Матвей, выключая айком.

Перед глазами таяло видение – Дива в летнем платьишке, и на душе было светло, несмотря на предстоящий вояж в Адыгею.

От встречи она не отказалась!

Глава 7. Адыгейский мир

«Боинг-747» доставил их из Москвы в Майкоп в два часа дня по местному времени. И снова Матвея поразила внешняя простота всего происходящего: им не нужно было действовать самостоятельно, искать транспорт, добираться до места назначения и там организовывать поиски древнего строения насекомых. Создавалось впечатление, что у Стаса везде были свои специально обученные люди, которые и занимались черновой работой и обслуживанием его мероприятий.

На площади перед аэропортом группу ждал старенький джип «Урал», в котором кроме водителя сидел пожилой мужчина – адыгеец, судя по чертам лица. Он оказался проводником, Стас поговорил с ним в сторонке, группа с некоторым трудом разместилась в салоне джипа, побросав сумки в багажник, и «Урал» принялся кружить по местным автомагистралям неплохого качества, пока не выехал на шоссе, ведущее на юг Адыгеи, к границе с Краснодарским краем.

Однако до настоящих гор он не доехал. В пятом часу вечера остановились в посёлке Каменноостский, и проводник коротко объяснил, что это за посёлок и когда возник.

На его территории в достопамятные времена располагался аул Ходжико, прославившийся долгой обороной под предводительством Мухаммеда Амина, наиба Шамиля, против российских войск. В тысяча восемьсот шестьдесят втором году на месте разорённого аула был построен казачий пост, а двумя годами позже основана станица Хаджохская, которую местные жители, да и туристы чаще называли Хаджох.

Современное название Каменноостский посёлок получил по «каменному мосту» – обвалившейся скале, нависшей над каньоном Хаджохская теснина, по которому протекала река Белая.

– Нам туда? – поинтересовался Гришин, похожий на чеченского моджахеда безволосой головой и чёрной бородой.

– Нет, в ущелье Мешоко, – сказал Стас.

– Это далеко?

– Рядом с посёлком, – отозвался проводник, гортанная речь которого звучала как затихающий рык барса. – Ущелье

примечательное, археологи там копаются чуть ли не каждый год, открыли множество дольменов, ровные площадки и необычной формы скалы.

– Ты ещё скажи, что здесь закопана древняя цивилизация, – хмыкнул Гришин скептически.

– Всё может быть, – философски ответил проводник.

– Здесь много достопримечательностей, – рассеянно проговорил Стас, хлебнув воды из фляги. – Карстовые пещеры есть, гроты, дольмены те же, водопады, пещера сквозная недалеко от водопада Шум.

– Мы же не за этим приехали, чтобы достопримечательности рассматривать?

– Не за тем. Келим, езжай к магазину, воды купим.

Посёлок мало чем отличался от других аулов Предкавказья и Закавказья, которые Матвей видел по телевизору. Кучка домиков из глины и камней, соединявшихся дворами, вдоль горного склона и до ущелья, три улицы, магазин, почта, высокая антенна ретранслятора, позволявшая принимать теле– и радиопередачи из Майкопа и Сочи, стадо коз на травяном склоне справа от дороги, загон для лошадей слева.

Гришин заметил стоящий у магазина джип «Патриот», удивился:

– Кто это сюда заехал?

– Келим, узнай, – нахмурился Стас.

Проводник вылез из машины, скрылся в магазине, вернулся через несколько минут.

– Вчера приехали военные, говорят – топографы, ушли в горы.

Стас поиграл бровью, размышляя.

– Плохо. Как бы нас не опередили. Сколько их было?

– Пять.

– Водитель?

– Здесь остался, наверно, к реке пошёл, здесь заводь в ущелье, форели много. Могу сбегать поискать.

– Не надо, потеряем время. Выгружаемся.

– А дальше как?

– Верхом, – развёл руками проводник. – Километров восемь идти по тропам.

Выгрузили оказавшийся в машине спецгруз: егерские комбезы, горную обувь, оборудование для скалолазания, фонари, рации и оружие – карабин «Тигр» с оптическим прицелом и магазином на десять патронов.

– Зачем карабин? – поинтересовался Матвей, с интересом разглядывая оружие.

– На всякий пожарный, – буркнул потерявший хорошее настроение Стас. – Переодевайтесь.

Сняли верхнюю одежду прямо в салоне джипа, по очереди, натянули комбинезоны.

– Отвечаешь как за золото партии! – наставил палец на водителя Стас.

Немногословный смуглолицый парень кивнул.

– За мной.

Зашагали вслед за проводником, повернувшим к огороженному деревянными столбами и перекладинами конному загону.

– На лошадях ездил? – покосился на Матвея Гришин.

– Приходилось, – коротко ответил Матвей, с благодарностью вспоминая уроки дядьки Бажена, дальнего родича отца, к которому они ездили на Алтай в детстве.

Ему и в самом деле не надо было объяснять, что такое конская сбруя, как садиться на лошадь и как управлять. Опыт был, пусть и небольшой.

Провожаемые любопытными взглядами попадавших на пути жителей посёлка, они осмотрели уже осёдланных, предложенных проводником лошадей, сели и направились за ним, понемногу привыкая к верховой езде. Стас, судя по всему, чувствовал себя в седле свободно, да и «моджахед» Гришин тоже, вполне возможно, выбранный из группы для сопровождения именно в силу данного обстоятельства.

Потихоньку приноровились к неспешному бегу коней, проскакали до ущелья Мешоко, к которому вела неплохая дорога с нередкими кострищами по бокам и деревянными или каменными скамеечками. Через посёлок проходил экскурсионный маршрут, и власти района не поскупились оборудовать дороги и тропы всем необходимым для отдыха туристов. Народу здесь не было в данный момент лишь по

случаю окончания туристического сезона. Да и то глаз иногда выхватывал слева или справа силуэты всадников либо мотоциклистов.

Остановились у спуска в ущелье. Стас вытащил из необычного вида рации – она крепилась на локте – длинную антенну, позвал:

– Аслан, ты где?

Тонкий голосок что-то пропищал в ответ.

– Осмотрись внимательней, никого не видел?

Голосок снова что-то затрещал.

– Хорошо, мы спускаемся, будь внимательней, если кого увидишь – немедленно дай знать. Мы будем максимум через час. – Стас достал из чехла карабин, посмотрел на проводника. – Келим, у меня плохое предчувствие, поэтому смотри в оба.

Проводник молча поднял поводья лошади.

Спустились в ущелье по тропе, проложенной местными жителями, и окунулись в полутьму. Ущелье было глубоким, узким, и лучи солнца до дна не доставали, освещая лишь верх стен.

Лошади пошли тише, проводник жалел их ноги, так как по дну ущелья вдоль ручья встречались россыпи камней разного размера.

Келим дважды слезал с лошади, опускался на корточки, приглядываясь к тропе, снова взбирался на скакуна, бережно пошлёпывая его по боку.

– Ехали недавно.

– Много? – приблизился Стас.

– Три всадника, не наши.

– Не пять? Что значит – не наши?

– След подковы другой.

– Понял. – Стас оглядел стены ущелья, стиснул ложе карабина. – Дай бог, чтоб туристы.

Матвей его понял. В прошлый раз, в Крыму, «брат» перестраховался на случай стычки с неким неприятелем и взял с собой восьмерых бойцов, а так как никто им дорогу не перешёл, то на этот раз он взял с собой всего двоих и теперь пожалел об этом.

Справа по ходу движения в стене ущелья появилась цепочка больших каверн. Некоторые из них уходили глубоко в скальный массив. Проводник пересёк ручей, начал всматриваться в пещеры, остановился.

– Осталось полкилометра. Я проеду, посмотрю.

Стас не ответил, из-под козырька руки осматривая верхний обрыв ущелья.

Матвей приблизился к нему.

– Вам не кажется, что мы слишком просто находим проходы к МИРам?

– Мне самому это не нравится, – процедил сквозь зубы Стас. – Надо было взять всё отделение. Возможно, кто-то следит за нами. Ты не чувствуешь?

Матвей прислушался к своим ощущениям. Показалось, и в самом деле спину лизнул чей-то внимательный взгляд. Но над ущельем пролетел, распахнув метровые крылья, орёл, и Матвей списал свои сомнения на взгляд птицы.

– Орёл...

– Да нет, не орёл, впереди нас кто-то есть.

– Я не об этом.

– А о чём?

– МИРы ведь – артефакты иной реальности, созданные миллионы лет назад, а мы к ним запросто пришли, как в театр, и спокойно прошли.

– Ах, вот ты о чём... да, раньше доступ к ним был очень ограничен, и физически, и магически, нынче – только физически. Но не забывай, мы ищем их много лет, кое-кто из Хранителей не прочь заработать и даёт информацию, не то что Кристопулос, взорвавший мыс Айя.

Вернулся проводник.

– Всё тихо, никого нет.

– Ладно, не будем терять время.

Небольшой отряд устремился вдоль ручья, сдерживая лошадей.

Оставшийся путь и в самом деле оказался коротким.

В правой стене ущелья вдруг открылась узкая, шириной всего метра три, расселина, и проводник свернул к ней.

Лошади заволновались, начали всхрапывать, прядать ушами.

– Что с ними? – осведомился Стас.

– Хищника чуют, – сказал Келим, успокаивающе похлопав ладонью по шее своего скакуна. – Здесь где-то лёжка барса.

– А он на нас не прыгнет? – встревожился Гришин.

– Он сам людей боится, – сказал проводник с непонятным сожалением. – Охота на них запрещена, однако туристы всё равно гоняют пятнистых по скалам.

Остановились у ещё более узкой расселины, уходящей в глубь скального массива слева.

– Здесь.

– Вот, значит, где она прячется, – глухо сказал Стас, спешиваясь.

– Кто? – спросил Гришин.

– Пещера. Лошадей оставляем, Келим присмотрит. В сумках пистолеты, вооружитесь, берите фонари, сумки за спину и пошли.

Матвей прыгнул на камни, снял сумку с лошади, ощутив её приличный вес, в одном из карманов обнаружил немецкий пистолет «Глок-19» с насадкой для бесшумного боя.

– Мне бы не хотелось...

– Там поясной захват, – перебил его Стас, – крепи на ремень. Стрелять умеешь?

– Приходилось, правда, не из «Глока». Но мне не хочется ввязываться в драку.

– Кто знает, на кого мы тут наткнёмся, лучше подстраховаться.

– Может быть, этот «Глок» – единственная гарантия остаться в живых. – Гришин хохотнул. – Не дрейфь, капитан, родина не забудет своих героев.

Матвей встретил весёлый взгляд Стаса, сжал зубы, проверил наличие в обойме патронов, сунул «Глок» в спецкобуру для быстрого выхватывания пистолета.

Помогли друг другу надеть сумки с лямками на спины, Стас направился в глубь расселины с фонарём в одной руке и карабином в другой. Гришин и Матвей последовали за ним.

В расселине сгустился полумрак, над головами то и дело нависали причудливые фестоны скал, пока не объединились в свод пещеры.

Матвей обратил внимание, что дно расселины, переходящей в пещеру, гладкое и чистое, а кое-где явно обработано каким-то инструментом. Стало ясно, что этот путь к неведомому МИРу кто-то поддерживает в хорошем состоянии, хотя вряд ли местные жители догадывались о присутствии в глубинах скал древнего артефакта.

Он догнал Стаса.

– Почему нас никто не останавливает?

Стас поворачивал лучом фонаря, жестом послал Гришина вперёд.

– Посмотри там внимательней.

Гришин включил свой фонарь, углубился в пещеру, сжимая рукоять пистолета.

– А кто нас должен остановить? – рассеянно спросил помощник генпрокурора.

– Хранители.

– Раньше этот вход в МИР защищала магия, его просто никто не видел.

– А сейчас?

– Хранители не вечны, хотя и живут долго. Думаю, проход открылся совсем недавно, иначе его не обнаружили бы. А это означает, что местный Хранитель сыграл в ящик. Нам повезло, что никто из его соратников не взял МИР под контроль.

– Как вы узнали, что он здесь есть?

– В архивах Круга есть упоминание о двух адыгейских МИРах с Великими Вещами, в одном хранился Гхош, в другом зомбер. Было бы славно найти последний.

– Что такое Гхош?

– Переводчик необъяснимого. Их было два или три, разного уровня, с их помощью можно было воспринимать и расшифровывать информацию астрала и ментала, если ты понимаешь, о чём я говорю, и даже разговаривать с животными и любыми другими разумными существами в космосе.

– Круто! А что такое зомбер?

– Папаша тебя не посвящал?

– Нет.

– Правильно, эта информация не для юных ушей. Зомбер, или его ещё называют Транслятором Тьмы, способен подчинить любого человека, а то и целую армию.

– Гипноиндуктор?

– Типа того. Двадцать лет назад были созданы «глушаки» – пси-генераторы для подавления воли, так вот зомбер намного выше уровнем.

Вернулся Гришин.

– Там стена каменная, полуразрушенная.

Стас ещё раз внимательно оглядел стены ущелья, и отряд углубился в пещеру, созданную скорее искусственным путём, нежели природными стихиями, уж очень ровным был её пол. Да и сводчатый потолок наводил на мысль, что его когда-то ровняли.

Однако спокойно изучить вход в подземелье исследователям не дали. Не успели они пройти и двух десятков метров, как сзади послышался какой-то треск и вслед за ним крик.

Стас оглянулся, вскинув карабин.

– Фонари!

Гришин и Матвей – с секундным запозданием – выключили фонари. В пещере стало темно.

– Назад!

Метнулись к устью пещеры, стараясь двигаться бесшумно.

Треск повторился, и стало понятно, что это выстрелы; стреляли из автоматической винтовки или из пистолета-пулемёта.

– Собаки бешеные! – прошипел Стас. – Вычислили всё-таки! Чую я, что здесь не чисто.

– Кто нас вычислил? – не понял Матвей.

– Не догадываешься?

Память сработала как укол в голову.

– Поискёры триарха!

– Молодец, соображаешь. Мы направили их по ложному следу – в Екатеринбург, но они не купились.

– Триарх здесь?

– Вряд ли, Дмитрий Романович не любит рисковать. Хотя исключать эту версию не могу.

– Так давай позовём, договоримся.

Стас недоумённо глянул на «брата».

– Не сходи с ума, даже если он здесь, он не ответит, мы в ловушке.

– Тогда давай уйдём вниз, к МИРу.

– Они полезут за нами.

– Обвалим свод.

– Нет взрывчатки. Да и потом, как мы сами вылезем обратно?

– Там каменная стена, – Матвей оглянулся на Гришина, – можем попытаться залечь за ней. Только проводника надо вызволить.

Стас раздумывал несколько секунд, подобрался к выходу из пещеры, крикнул:

– Келим!

В ответ раздался выстрел. Пуля с визгом срикошетила от ребра скалы, выбив белый шрам над головой Котова.

– Кранты Келиму, – процедил сквозь зубы Гришин.

– Держи оборону. – Стас сунул ему карабин. – Не высовывайся, стреляй по малейшей тени. На штурм они не решатся, если только у них нет гранатомёта. В случае чего отступай за стену.

– А вы?

– Мы посмотрим, куда ведёт эта кишка.

Осторожно отошли в глубь пещеры, включив фонари только перед каменной кладкой. Стене было много лет, судя по слою пыли и трещинам на боках камней, была она сложена из метровых неровных глыб, весящих тонны, и представить, как эти глыбы тащили и громоздили друг на дружку, было трудно.

Часть кладки справа у стены пещеры осела грудой, образуя значительный вывал.

– Вот я лопух, – покачал головой Стас, – понадеялся на лёгкую экскурсию. Надо было пару гранат взять.

Матвей промолчал. Он думал об участии проводника, да и Гришину судьба приготовила сюрприз, хотя как наёмник, побывавший на многих войнах, он привык к риску и о своём будущем не задумывался.

Взобрались на груды, по одному протиснулись в щель.

Стена оказалась не сильно толстой, всего в два с лишним метра, и, преодолев её, Котовы оказались в тоннеле, под углом уходящем в недра скального массива.

Из-за стены прилетел звук взрыва.

Матвей остановился.

– Надо помочь...

– Это его работа, – отрезал Стас. – Он знал, на что идёт. И брать его с собой нельзя, он представления не имеет, что такое МИР Акридидов. Начнёт трепаться, создаст ненужный ажиотаж, придётся его изолировать... Ничего, там можно остановить целый взвод, расселина узкая, его не обойдут.

– Сам же сказал – из гранатомёта могут достать.

– Посмотрим, что прячет это подземелье, и вернёмся.

– Келим был здесь?

– Конечно, иначе мы бы сюда не попёрлись.

– И МИР видел?

– Наверняка.

– Почему же вы не боитесь, что он начнёт распространяться о том, что видел?

– Как ты думаешь, сколько ему лет?

– За шестьдесят.

– Сто пять.

Матвей от неожиданности споткнулся.

– Правда?!

– Он с нами уже лет пятнадцать, а раньше был помощником закавказского Хранителя, много знает, облазил чуть ли не весь Кавказ.

– Его... убили?

– Не думаю, – пожал плечами Стас, явно не переживавший за участь проводника. – Триарх заставит его служить ему.

Сзади бухнуло, вздрогнули стены, с потолка пещеры посыпались мелкие камешки, в тоннель через щель в стене прилетел клуб пыли.

– Чёрт! – оскалился Стас. – Из гранатомёта шмальнули. Торопятся парни. Поторопимся и мы.

Матвей неуверенно оглянулся, не зная, как поступить в этом случае, но Стас уже скорым шагом устремился в темноту подземного хода, и ему не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Тоннель вильнул, стал круче, превратился в лестницу со ступенями чуть ли не полуметровой высоты. Ещё через два десятка метров он превратился в колодец двухметрового диаметра.

Остановились, изучая гладкие стены колодца с выбитыми в них рёбрами. Ни штырей, ни перекадин видно не было, спускаться можно было, только пользуясь рёбрами и углублениями в стенках, в которых когда-то, наверно, и были закреплены перекадины.

Где-то далеко сзади раздался глухой гул, тоннель потрясла короткая дрожь.

– Придётся спускаться без комфорта, – озабоченно сказал Стас.

– Глубоко? – Матвей попытался разглядеть в свете фонаря дно колодца.

– Да хоть километр, всё равно другого пути нет. Но я думаю, не очень глубоко. Келим ведь лазил здесь и вернулся. Вообще МИРы изначально создавались на поверхности земли, а не под землёй, и лишь

по прошествии миллионов лет опустились в недра, заплыли осадочными породами, лавой, а то и легли на дно морей и океанов. Здешний МИР явно опустился под землю в результате горообразования.

– Почему же они остались неповреждёнными, если их засыпало?

– Большинство МИРов было разрушено после Изменения, спровоцированного Монархом Тьмы. Уцелели как раз только те, что были засыпаны или утонули. Не забывай, тогда существовали магические способы защиты. По архивам Круга, всего уцелело чуть больше тысячи МИРов по всей Земле, а создано – по самым скромным подсчётам – больше десяти миллионов. Отец тебе не говорил об этом?

– Нет.

– Ладно, побеседуем на эту тему позже.

Стас снял сумку, взвесил в руке и бросил вниз, глядя на часы. Спустя короткий промежуток времени из колодца донёлся стук.

– Три секунды, метров тридцать пять. Не сдрейфишь?

Матвей стиснул зубы, не желая отвечать. На языке вертелся вопрос: зачем мы брали альпинистское снаряжение, если не собирались им воспользоваться? Но вопрос мог быть расценён Стасом как признак слабости духа, и он промолчал.

– Это хорошо, – оценил его молчание брат. – Бросай сумку и лезь первым, я за тобой.

– Надо идти вдвоём, – сказал Матвей, – спинами друг к другу. Тогда если один сорвётся, второй...

– Подставит свою спину! Хорошая идея. Поехали.

Закрепили фонари на шеях с помощью скотча, чтобы они светили под углом вниз, полезли в колодец.

Выбоины и рёбра в стенках попадались часто, поэтому спускаться было не слишком трудно, опор хватало. Немудрено, что Келиму удалось и спуститься, и подняться вверх, пришла рассудительная мысль.

Спускались недолго, минут двадцать, подспудно ожидая окрика сверху или выстрела. Но всё обошлось, преследователи не появились, вероятно, не сумев сломить сопротивление Гришина.

Дно колодца оказалось бугристым и скользким, да и стены внизу были влажными. По-видимому, где-то через трещины в стенах в подземелье просачивалась вода. Коридор, начинавшийся дырой

в стене выше человеческого роста, тоже был влажным и душным, насыщенным запахами плесени, гнили и мокрого камня. Он дважды изогнулся, явно представляя собой искусственную выработку, и вывел братьев к обрыву в пропасть, заполненную неким сооружением необычной формы, тёмным, несветящимся, угрюмым. Лучи фонарей не могли охватить всё сооружение, но отражённый рассеянный свет всё же позволил Матвею оценить размеры замка древних инсектов и его геометрию.

Высота строения достигала высоты десятиэтажного дома, и походило оно на пересекавшиеся друг с другом колокола разного размера.

– Акридиды, – хмыкнул Стас.

– Что?

– Замок царицы разумной саранчи. По слухам, их изделий осталось гораздо больше, чем остальных МИРов. Саранча – она и в Африке саранча. К сожалению, этот замок, судя по всему, умер. Ничего мы здесь не найдём. Ну-ка, погаси свет.

Матвей послушно выключил фонарь.

Темнота упала плотным пологом, но вскоре глаза отыскивали в недрах искусственной горы слабое свечение.

– Ага, кажется, капля энергии всё-таки осталась, – обрадовался Стас. – Надо проверить.

– Вы сказали – замок умер, МИРы разве живые?

– В некотором смысле, они аккумулируют энергию и могут поддерживать саркофаги царей и цариц инсектов очень долго. Этот замок почему-то потух, но центр ещё светится.

Матвей посветил вниз.

– Здесь лестница.

– Ступеньки выщербили и мокрые, не сверзиться бы, высота замка – метров тридцать.

– Можно вернуться за сумками.

– Потеряем время, рискнём так, только теперь я пойду первым. Посвети мне.

Матвей направил луч фонаря на лестницу, и Стас начал спускаться, опираясь спиной о стену, пробуя ногой каждую ступеньку каменной лестницы, вырубленной в скале в незапамятные времена.

Спуск длился четверть часа и завершился благополучно.

– Теперь ты, – донёлся голос Стаса, – скользко, но терпимо. Я буду подсвечивать потолок.

Матвей набрал в грудь воздуха и ступил на узкую, всего сантиметров сорока в ширину, лестницу, полого спускавшуюся в пещеру.

Дважды ноги скользили по влажным ступеням, одна из ступенек обрушилась, однако природное чувство равновесия удерживало его от падения, и когда капитан дрожащими от напряжения ногами коснулся пола пещеры, подошедший Стас похлопал его по плечу.

– Эквилибрист! В цирке по проволоке можешь ходить.

– Вы тоже, – выдохнул Матвей.

– Мы одного поля ягоды, – рассмеялся Стас. – Экстрасенсорного. У тебя гены отца, а он – Мастер Круга, оператор реальности, по сути – колдун.

– Он же вам не отец.

– Мне дали силу другие сущности.

Матвей хотел съязвить, что эта сущность – Монарх Тьмы, но вовремя остановился. Врагом брату становиться не хотелось.

– Идём.

Они двинулись вдоль резных, в потёках и трещинах, оснований «колоколов», образующих причудливые переходы, изгибы и конфигурации. Было видно, что сооружение Акридидов много сотен, если не тысяч лет стоит неухоженным, лишённым энергии и поддержки и уже стало разрушаться, трескаться, разваливаться. Кое-где в его выпуклых боках виднелись бреши и расселины, через одну из которых исследователи и проникли в недра замка.

Если бы не брат, Матвей, наверно, заблудился бы внутри «саранчовского» творения, настолько его коридоры были запутанны и сложны, пересекаясь друг с другом в самые неожиданные моменты. Тем не менее братьям удалось преодолеть внешнюю вязь коридоров и выйти к сердцу замка – залу царицы Акридидов, где стоял её трон. Как оказалось, именно он и светился, похожий на слиток янтаря или на ротонду из расплавленного мутноватого стекла.

Больше всего трон напоминал гигантскую детскую колыбель, висящую на растяжках из того же полупрозрачно-янтарного материала, которые образовывали над ней купол ротонды. Размеры колыбели

превосходили размеры реального грузовика, и веяло от всего сооружения застарелой угрозой и тлением.

– Ничего себе трон, – пробормотал Матвей, жадно разглядывая «колыбель».

– Саркофаг царицы, – равнодушно сказал Стас, не особенно впечатлённый необычной конструкцией; в прежней жизни ему довелось увидеть не один десяток творений инсектов. – Странно, что он пустой.

– Что вы имеете в виду?

– Саркофаг он и есть саркофаг – что-то вроде усыпальницы, где должно лежать тело погребённого. Но здесь я тела не вижу.

– Может, царицу похоронили в другом месте?

– Инсекты были абсолютно рациональными существами, если строили что-то, использовали постройку по назначению. Но если в этом саркофаге нет тела...

– То что? – не дождался продолжения Матвей.

– То нет и Великой Вещи.

– Почему?

– Потому что даже умерший инсект сохранял с ней связь, и прятались Великие Вещи преимущественно в определённых временных интервалах, доступных лишь иерархам Круга и Хранителям.

– Ты хочешь сказать... – ошеломлённый Матвей не заметил, как перешёл с братом на «ты», – что Великие Вещи находятся не в МИРах?!

– Очень часто в других местах, но главное – в определённых моментах времени. К примеру, Врата Наслаждений, или, как их называли в шутку, «наркотик гетьмана», располагались в МИРе Маргинатусов – клопов разумных, под Киевом, но – в пятиминутном интервале тысяча триста шестьдесят пятого года. Врубается?

– Нет.

– «Наркотик» доступен только в этот отрезок времени и только в указанном году, в остальные времена – будущие и прошедшие – его там нет.

– А где же он находится?

– Просто не существует. Хотя я могу и ошибаться. В магии чёрт ногу сломит.

– Чума!

Стас с улыбкой покачал головой.

– Странно, что Котов-старший и об этом тебе не рассказал. Однако надо думать, что делать дальше.

– Можно, я туда слазаю? – вырвалось у Матвея.

– Зачем?

– Интересно!

– Давай, если интересно, а я пока осмотрюсь.

Матвей обошёл «колыбель», присматриваясь к её выпуклым деталям, изловчился и полез по одному из пилонов, дугой возносящемуся вверх и соединявшемуся с другими пилонами-растяжками в подобие ротонды. «Люлька» саркофага оказалась под ним, и он спрыгнул в неё, как в сталелитейный ковш, светящийся по всей массе, словно трон Акридидов и в самом деле был раскалён. Но температура внутри «ковша» не отличалась от температуры всей пещеры, а о том, излучает ли трон в других диапазонах, Матвей не подумал, полагаясь на опыт брата; тот должен был знать, опасно или нет приближаться к творениям инсектов.

Внутри «люлька» была ребристой и пористой. Ничто не говорило об её предназначении, хотя рёбра и складывались в подобие ложа, рассчитанного на гигантское существо с геометрией насекомого.

Матвей представил, как великан-кузнечик ложится в «люльку», складывая шипастые ноги и крылья, встал в центр лежанки, потом лёг, раскинув руки и ноги.

Свечение стенок трона начало мерцать, пошло волнами, стало подобием тумана, обволакивающего тело. Потянуло в сон.

Матвей расслабился, закрыл глаза, представляя всё огромное сооружение как нечто прозрачное, сложное и функционально законченное, подчинённое одной цели – поддерживать усыпальницу древнего властителя одного из видов Акридида сапиенс.

Тихий хрустальный звон потряс голову.

Зона восприятия резко расширилась, охватывая не только замок саранчи, но и весь горный массив за стенами пещеры.

Матвей увидел колодец и ход, по которому они со Стасом двигались к пещере, лежащего в самой первой полости человека с карабином в руках, четверых мужчин, обследующих ход и колодец, но кроме этого коридора существовал ещё один, петлявший, как ручей

в лесу, и выходявший куда-то в стену каньона, по дну которого текла река.

Голова закружилась, стало трудно дышать.

Он заставил себя встать, отошёл к стенке трона, не понимая, что происходит.

Голова начала проясняться.

– Эй, капитан, – послышался откуда-то слабый голос. – Что-нибудь нашёл?

Матвей стиснул зубы, преодолевая приступ слабости, с трудом выбрался из «люльки», спустился по чешуйчато-ребристому пилону к основанию трона.

Стас смотрел на него с любопытством, отведя луч фонаря. Его лицо хорошо было видно в медовом свечении саркофага.

– Что молчишь?

Матвей присел на корточки, дожидаясь, пока пройдёт головокружение.

– Гришин убит.

– Откуда ты знаешь?

– Видел...

Стас прищуренными глазами глянул на висящее, сплющенное, многогранное яйцо «люльки».

– Не может быть... он давно сдох.

– Кто? – вяло спросил Матвей. – Там нет скелета.

– Саркофаг насекомых – это психодинамический резонатор с кучей разных функций, большинство из которых нам неизвестно. Он может служить компьютером, а может инициировать сброс глубинной памяти. Если ты увидел ход...

– Есть и второй, ведёт в какой-то каньон.

– Очуметь! Ты влез в волновой фокус саркофага... а ну-ка, я попробую.

Стас полез по ноге пилона к «люльке», однако спуститься в неё не успел: свечение всего саркофага начало вдруг ослабевать, и через несколько секунд он погас, превращаясь в стекловидную «неживую» конструкцию.

– Тудыш твою маму! – выругался Стас. – Не успел!

Он спрыгнул на пол зала, похлопал Матвея по плечу.

– Поверю тебе, братец. Что чувствуешь?

Матвей прислушался к себе. Голова была лёгкой и звонкой, в ушах потрескивало, однако неприятных ощущений не было.

– Нормально... дым в голове...

– Нейросвязи объединяются. Смотри с ума не сойди, были прецеденты, объяви, если станет плохо.

– Ладно.

– Где тут второй выход? Запомнил?

– Там, – ткнул пальцем вперёд Матвей.

– Веди.

Повернули обратно, после получасовых блужданий по лабиринтам замка выбрались наружу, и Матвей направился в тот конец пещеры, из которого выходил второй коридор, служивший когда-то Хранителю МИРа запасным.

Через два с лишним часа братья вылезли из пещеры в стене каньона на край обрыва и увидели сверху извивы реки Белой. Поход к МИРу Акридидов завершился.

Глава 8. Memento mori

Проект закона об изменении высшей меры наказания — с пожизненного заключения на расстрел для чиновников-преступников, ворующих в особо крупных размерах, предусматривающего также конфискацию всего имущества коррупционеров и членов их семей, и возбуждение уголовных дел против тех, кто не мог объяснить, на какие средства приобретено имущество, поступил в правительство ещё в конце августа, но премьер-министр не спешил дать своё заключение, так как готовил квалифицированный ответ «отказать», основанный на мнениях послушных экспертов, в том числе — известных политиков и бизнесменов.

Все резонансные дела, связанные с коррупцией в высших эшелонах власти: дело экс-министра обороны, дело Минсельхоза, дела прокуроров, погоревших на «крышевании» нелегального бизнеса, дело Минобразования, — до сих пор благополучно разваливались, но всё чаще в Госдуму попадали проекты молодых депутатов, жаждущих справедливости, и останавливать их было всё трудней.

Проект «красного юриста» Дроздова заставил серьёзно напрячься Олега Николаевича, пришлось искать нужных специалистов, на что ушло время, а поскольку юрист успокаиваться не желал и продолжал активно двигать идею, поддерживаемый администрацией президента, премьер понял, что остановить его можно лишь с помощью физического устранения.

Двадцать девятого сентября премьер-министр позвонил генпрокурору и сказал всего два слова:

— Дроздов мешает.

Меринов понял собеседника без дополнительных объяснений.

— Приму меры.

— Немедленно! Послезавтра заседание Думы, где будет рассмотрен в первом чтении новый закон о вышке, он не должен получить одобрение ни в одной фракции.

— Понял.

— Звоните, Леонард Маратович.

Меринов набрал номер помощника:

– Зайди.

Через три минуты в кабинет бесшумно просочился помощник по вопросам безопасности Черезов, маленький, тихий, незаметный, даже летом надевающий тёмно-серый костюм с галстуком.

– Слушаю, Леонард Маратович.

– Котов не объявлялся?

– Нет.

– И мне не звонит, непорядок. Депутат Думы Дроздов должен... э-э, исчезнуть.

Светло-серые глаза Черезова остались бесстрастными.

– Сроки?

– Двое суток максимум.

– Цена вопроса?

– Сто.

– Исполнители?

– Найди частника, у нас теперь много военизированных формирований, способных на любое «мокрое» дело. Закамуфлируйте нападение под случайный грабёж.

– Будет выполнено.

Черезов вышел, и Меринов занялся рутинными делами, вычеркнув из памяти порученное дело как свершившийся факт. Дмитрий Черезов его никогда не подводил.

* * *

Владимир Игоревич Дроздов, бывший спортсмен-футболист, пришедший в политику как оппозиционер-коммунист, ехал вечером тридцатого сентября на дачу, собираясь встретиться там с коллегами по фракции и обсудить предстоящее выступление в Думе, поэтому, занятый своими мыслями, не обратил внимания на следовавший за его жёлтым «Гётцем» чёрный фургон «Форд Эксплорер».

Ворота дачи открывались автоматически. Дроздов нажал кнопку дистанционного ключа, створки ворот поползли влево и вправо, открывая проезд к недорогому двухэтажному коттеджу финской сборки – из древесных плит. Время позволяло: гости должны

были съезжаться к восьми вечера, – и Дроздов рассчитывал просмотреть свою почту и записи, чтобы предложить коллегам окончательный вариант закона.

Ворота за его машиной начали закрываться, и в этот момент в них тенью проскочил чёрный «Форд», едва не влетев носом в задний бампер «Гётца».

Удивлённый Дроздов, открывающий ворота гаража, оглянулся, не понимая, что за транспорт проник на территорию дачи. К нему из фургона метнулись трое парней в чёрных спецкомбинезонах, и в тот же момент им навстречу выбежали из-за кустов и гаража ещё какие-то люди, но уже в других костюмах – камуфляжных, и в свете единственной лампочки, освещавшей въезд в гараж, началась драка, охватившая весь небольшой участок дачи. Дроздов, застыв как памятник, вытаращив глаза, лишь переводил взгляд с одного участника драки на другого.

Гости в чёрном не ожидали атаки. Уже через несколько секунд они были повержены на землю и перестали сопротивляться.

Водитель фургона сориентировался в происходящем поздно и, когда сдал машину назад, собираясь пробить ворота и дать дёру, едва успел остановиться, так как к воротам с той стороны подъехал джип «Вольво ХС90», преграждая ему путь отступления.

Парни в камуфляже ловко вытащили водителя и пассажира «Форда» из кабины и тоже уложили лицом вниз рядом с боевиками в чёрных комбезах. К Дроздову подошёл седоватый худенький мужчина болезненного вида, сказал тихим интеллигентным голосом:

– Владимир Игоревич, вам надо ездить с охраной.

– К-кто вы?! – очнулся от ступора депутат.

– «Стопкрим», если вам это о чём-то говорит. Мы сейчас уедем, но вы никому ни слова о нападении, так будет лучше для всех, особенно для вас.

– Х-хорошо... – Дроздов перевёл взгляд на тела лежащих парней. – Что это за люди?

– Спецназ одной из частных воинских контор, крышуемых прокурорами. Ваш проект закона вызвал у них переполох, и вас хотели убрать. Мы можем рассчитывать на вашу поддержку в дальнейшем?

– Конечно!

– Ещё раз: о нападении – молчок! Здесь никого не было. Завтра же побеспокойтесь об охране.

Дроздов кивнул.

Командир отряда парней в камуфляже отвернулся.

– По коням!

Парни погрузили владельцев чёрных комбинезонов в фургон, слаженно расселись по машинам, Дроздов открыл им ворота, и двор опустел. Владимир Анатольевич остался один, с недоверием таращась на оставшиеся открытыми ворота.

За дачным посёлком свернули в лес, остановились.

Допросили пленных.

Командир группы спецназначения «Стопкрима» Вениамин Романович Соколов пересел в джип и достал мобильный телефон.

– Василий Никифорович, всё в порядке, клиент жив, киллеры задержаны.

– Чьи?

– Битцевский «Бульдог», как мы и предполагали, её держит при себе прокурор Северо-Восточного административного округа. Три мясника, водила, пастух и залётный, некто Немцов. Они собирались завалить Дроздова и списать мокруху на него.

– Кто пастух?

– Не поверите – начальник подразделения собственной безопасности Генеральной прокуратуры Дмитрий Черезов.

Котов, находившийся в этот момент дома, помолчал, переживая расслабляющее чувство облегчения: Стас не принимал участия в нападении на депутата, и надежда на его порядочность ещё теплилась в душе, несмотря на компромат, собранный Самандаром.

– Проверить каждого, учитывая степень вины. Если крови на ком-то нет...

– Отпустим, Василий Никифорович, но этого волка Черезова... за ним такой шлейф тянется!

– Найдите причину.

– Понял. – Соколов спрятал мобильник, посмотрел на командира группы. – Стёпа, организуй случай.

Белобрысый мощный Стёпа кивнул.

На следующее утро стало известно, что работник Генпрокуратуры полковник Черезов во время бритья в ванной получил удар током – он

брился электрической бритвой, неудачно упал, ударился виском о край ванны и умер, не приходя в сознание.

* * *

Владелец и он же режиссёр частной радиовещательной компании «Ухо Москвы» Венедикт Горелик, поднявший при нынешнем правительстве страны градус либеральной ненависти к этой стране до предельной величины, ехал на работу тридцатого сентября на заднем сиденье служебного «Мерседеса» и размышлял о предстоящем интервью с главой оппозиционных демократов Синицыным, согласившимся вылить очередной ушат помоев на администрацию президента. Рейтинг президента пошёл в гору, и надо было этот рейтинг загнать ниже плинтуса, пустив по миру слух о планах главы государства силой присоединить к России Таджикистан, Азербайджан и Узбекистан – в точном соответствии с абсолютно лживой книгой Роберта Ладлэма «Московский вектор».

Никаких оснований для подобного заключения не существовало, но для Венечки-второго, как ласково называли Горелика сослуживцы и подчинённые, не нужны были никакие доказательства, он спокойно, на голубом глазу, врал не менее впечатляюще, чем властные лица Украины, так как выполнял определённую функцию в огромной «пятой колонне» продажных СМИ и правозащитных центров и получал за это огромные средства для развёртки «оранжевой революции» в России и покровительство западных пастухов человечества. И не только западных: в его «независимых» суждениях нуждались и доморощенные либералы, и даже премьер-министр не чурался приглашать Венечку-второго на различные форумы и симпозиумы, где глава «Уха Москвы» мог сказать веское слово в защиту геев или террористов, называя последних «борцами за свободу».

Офис компании располагался на Новом Арбате, в здании, нижний этаж которого представлял собой универмаг «Москва». Напротив универмага начиналась парковка, где у владельца компании было своё место, за которым следила охрана парковки, не позволяя, чтобы его занял какой-нибудь прыткий водитель.

Однако сегодня почему-то место было занято, а парковщик отсутствовал на своём месте, и водитель «Мерседеса» вынужден был остановиться сразу перед закрытым шлагбаумом, так как ближе к тротуару подъехать было невозможно.

– Какого чёрта? – недовольно осведомился Горелик, своими сероседыми, торчащими во все стороны кудрями напоминавший сбежавшего из заточения графа Монте-Кристо.

– Занято, – виновато ответил водитель. – А слева ремонтная машина стоит.

Действительно, у столба с грушей освещения стояла жёлто-оранжевая машина, выдвинувшая стрелу, на площадке которой стоял монтажник и возился со светильником. Ещё двое парней в спецовках вкатили на парковку тележку с электрогенератором и разматывали кабель.

– Обьедь, – буркнул Горелик, – направо и на тротуар.

Идти лишних двадцать метров ему смертельно не хотелось.

Однако пришлось вылезать из машины, так как сзади подъехал синий «Пежо» и перегородил выезд.

Чертыхнувшись, Венечка выбрался из салона «Мерседеса», прихватив портфель, и в этот момент произошло невероятное! Водитель «Пежо» решил объехать стоящий перед ним «Мерседес», не видя шлагбаума, и рванул вправо, в том направлении, куда шагнул и владелец «Уха Москвы».

Горелик инстинктивно шарахнулся влево и налетел на тележку монтажников, которая вильнула в ту же сторону и сбила опоры крана ремонтной машины. Кран резко повело к универмагу, стрела его начала падать, Горелик заметил это, бросился на карачках бежать прочь, но ударился головой о натянувшийся кабель, и стрела с треском пригвоздила его к тротуару.

Удар, треск, звон лопающихся стёкол на фасаде универмага, крики прохожих...

Когда к месту происшествия подъехала «Скорая помощь», Венечка-второй, попивший немало крови у патристически настроенных граждан и властных структур, уже не дышал.

Исчез куда-то и синий «Пежо», ставший причиной происшествия, а вместе с ним и монтажники, бросившие своё оборудование и ремонтную технику.

Котов заканчивал тренировку, когда позвонил Самандар:

– Дело сделано.

Василий Никифорович не сразу сообразил, о чём идёт речь: бандлики первой степени, которые они теперь называли случайниками, по ликвидации Черезова и Горелика прошли успешно, но комиссары об этом уже знали.

Вахид Тожиевич понял молчание друга.

– Я рассчитал случайник для генпрокурора.

– Не слишком ли крупная фигура для наших неокрепших сил? – хмыкнул Котов.

– А чего мелочиться? По низам мы начали работать без особого напряжения, словно и не расходились когда-то. Опыт есть. Однако надо и верхи чистить! Ты не представляешь, какая это гнусная чёрная дыра – наша Генпрокуратура! Да и Следственный комитет тоже!

– погоди, не спеши, поговорю с Артуром и подъеду, обсудим ситуацию.

– Всегда готов.

Василий Никифорович набрал номер Суворова, попросил приехать.

– Вы где? – поинтересовался Артур.

– Спортзал ЦСКА.

– Буду через полчаса.

Советник президента оказался точен, уже через полчаса они беседовали в опустевшей раздевалке спорткомплекса, закрывшись изнутри на ключ.

– Вахид Тожиевич предлагает нанести удар по Генпрокуратуре, – сказал Котов, собирая свою сумку; до приезда советника он тоже успел постоять под душем. – Накопилось очень много негативного материала.

– Я читал досье президента.

– В нашем распоряжении данных больше. Мало того, что прокуроры крышуют организованные преступные группировки, так они ещё спокойно отнимают бизнес у нормальных предпринимателей, провоцируя взятки, либо занимаются наркотрафиком.

– Не горячитесь, Мастер, – улыбнулся Артур, одетый в добротный тёмно-синий шевииот с кармашками и погончиками, превращавший его в солидного преподавателя консерватории. – Вы сами говорили, что Генпрокуратурой надо заниматься на другом уровне, а для этого нужны средства и спецы. Да и Игорю Владиславовичу надо подготовиться. Он просит вас не заниматься ОПГ, а бить по верхам, но так, чтобы комар носа не подточил. Вы хорошо начали, хотя и не без огрехов, продолжайте разворачиваться в полную силу, принимая меры к защите. Кстати, я уполномочен открыть вам канал финансирования, если не возражаете.

– Буду признателен. Кто бенефициар?

– Дочка компании «FedFex» на Каймановых островах.

– Офшор?

– Разумеется, проверить невозможно.

– Мы и офшорами собирались заняться. Несмотря на указания президента и активизацию Росфинмониторинга, капиталы из России продолжают утекать в офшоры. Акулы бизнеса обнаглели окончательно.

– Занимайтесь, мы поможем, но это процесс длительный, когда вы ещё доберётесь до Кайманов.

– Расстреляем парочку негодяев, наживающихся на горе народа, и капиталы резво побегут обратно, – убеждённо сказал Василий Никифорович.

– Я только «за», – кивнул советник. – Поговорю с президентом.

Василий Никифорович посмотрел на него с прищуром.

– Артур Владиленович, а почему ты не присоединяешься к нам, не торопишься в комиссариат? Ведь двадцать лет назад ты был с нами.

– Я и сейчас с вами, – наметил улыбку Артур совсем покотовски. – Иначе не вышел бы на вас и не связал с президентом. Кстати, он хочет встретиться с вами. Однако считаю, что моё нынешнее положение выгодней комиссарской должности со всех точек зрения. По сути, я контролирую канал связи с высшим руководством страны. Так как насчёт встречи?

Василий Никифорович в задумчивости присел на лавку.

– Зачем ему эта встреча?

– Игорь Владиславович хочет посмотреть вам в глаза, как он выразился.

Котов усмехнулся.

– Я не девица, чтоб в глаза мне заглядывать. Хорошо, встречусь с ним. Когда и где?

– Второго он летит в Воронеж, на полигон ВВС Погоново, там будут проходить международные соревнования по авиадартсу. Присоединяйтесь к нам, я тоже лечу. Более удобный случай представить трудно. Секретность встречи мы обеспечим.

Василий Никифорович встал.

– Хорошо, ещё свяжемся, чтобы обговорить детали. Главный вопрос – чистка...

– Генпрокуратуры, я понял.

– И Следственного комитета. После того как президент даст «добро», начнём подготовку. До связи.

– Минутку. – Артур сунул руку в карман костюма, достал бумажный пакетик, подал Котову.

– Что это?

– Посмотрите.

Василий Никифорович вытряхнул из пакета в ладонь небольшой плоский белый кругляш с рельефной вязью геометрических фигур.

– Не может быть! Щит?!

– Да, я сохранил его на всякий случай. И хотя Великие Вещи не работают, пусть он будет у вас. Когда-нибудь пригодится. – Артур сунул руку комиссару. – Будьте здоровы.

Котов очнулся, спрятал кругляш в пакет, вышел первым, осмотрел пустой коридор, махнул рукой:

– Выходи.

Через минуту и он покинул спорткомплекс ЦСКА.

* * *

Самандар встретил его в прихожей дачи, провёл в кабинет.

– Кофеёчку?

– Не хочу. Чем занят?

– Поднимаю сеть былых связей. Не всю, конечно, нужны не просто люди действия, а думающие люди действия, способные подсказать дельные идеи. Кстати, не хочешь отдохнуть в космосе?

– Где? – удивился Котов, усаживаясь в кресло.

Вахид Тожиевич кивнул на экран компьютера.

– Наши объявление дали – заработал первый в мире отель на орбите – «Высота». Четыре каюты на двоих, удобства в номерах, комфорт приемлемый, можно даже выйти в космос в скафандре. Если записаться сейчас, в мае следующего года полетим.

– Благодарю покорно, – покачал головой Василий Никифорович. – Я не любитель экстремального отдыха. Тем более что за свою жизнь навидался космического под завязку.

– А я бы полетел, вспомнил бы прежние ощущения.

– Лети, ты у нас рисковый. Я беседовал с Артуром, он просит не торопиться с Генпрокуратурой, да и я не вижу оснований для ускорения процесса. Удар надо нанести так, чтобы никто не догадался о причинах ухода генпрокурора и его замов.

– Не калапуцкайте мне мозги напоминаниями о секретности бандликов, – с досадой отмахнулся Самандар. – Естественно, всё будет сделано на высшем уровне: несчастный случай. Случайники с Черезовым и Гореликом прошли? Прошли. Кто-нибудь завопил в прессе, что их убили «террористы»? Никто.

– Генпрокуратура начала расследование.

– Это я тебе сказал, пусть расследует, Веня сработал чисто. На очереди сволочной судья Ибрагимов, выпустивший на свободу дагестанца Шатоева, убившего молодую пару, за которым и кроме этого случая тянется коррупционный хвост, одно только дело Даниила Константинова чего стоит! Парня якобы за убийство засудили только по показаниям вора-рецидивиста, который вдруг спустя два месяца после происшествия вспомнил, что видел убийцу! И опознал Данилу! Которого не было в момент убийства в Москве! Кстати, и этого вора надо мочить, подлая продажная душонка. Но это к слову, бандлики по таким делам мы просчитывали на раз. Другое дело – ликвид генпрокурора. Взгляни на моё творение.

Самандар пробежался пальцами по клавиатуре, и в глубине экрана возникла схема «случайника», в результате которого нынешний генеральный прокурор должен был «уйти в отставку».

Часть III. Легенда о «сорока сороков»

Глава 1. Дива

На этот раз утренняя пробежка по парку закончилась без инцидентов.

Матвей размеренно дышал, обегая лужи, оставшиеся после ночного дождя, вспоминал знакомство с МИРом Акридидов и думал о том, что поиски Великих Вещей для Стаса становятся идеей фикс. Бывший оруженосец Воина Закона, владевший копией *синкэн-гата* – мечом-устранителем препятствий, всё ещё надеялся добыть нечто аналогичное и... дальше у Матвея фантазии не хватало.

Зачем брату нужна была Великая Вещь, он не понимал, хотя Стас не один раз уверял его в наличии благих намерений. И ещё одно обстоятельство не давало покоя капитану: гибель Гришина в Адыгее Стаса не расстроила.

– Он знал, на что шёл, – вот и всё, что сказал брат в ответ на вопрос Матвея: почему мы не забрали тело? – Я позвоню кому надо, его похоронят.

На работе Матвея тоже не ждали неприятности. Сотрудники Управления отнеслись к «больному» сочувственно и вопросов: чем болел? – из деликатности не задавали. Только Пацюк проворчал:

– Не думал, что ты такой хлипкий, капитан, ешь побольше витаминов. Работы много, так что давай навёрстывай.

Пришлось поднапрячься, изучать горы бумаг, заявлений, жалоб и мотаться по Москве до позднего вечера.

Стас звонил дважды, однако Матвей на его призывы приехать на базу не реагировал, и уже третий день брат его не беспокоил.

Диве Матвей позвонил на следующий после возвращения в Москву день.

– Я в командировке в Питере, – сообщила девушка, – буду в четверг, позвоните мне после обеда или заезжайте на работу.

Сегодня как раз был четверг, тридцатое сентября, и в душе пели фанфары и играли скрипки, сложившиеся в оркестр ожидания встречи, хотя ничего интимного эта встреча и не предполагала. Впрочем, ему было достаточно и того, что он вызывает интерес у девушки, красивой и желанной до безумия.

Портила настроение лишь мысль о необходимости разговора с отцом. Две последние недели они ни разу не увиделись, и это обстоятельство занозой торчало в душе, мешая сосредоточиться.

В начале двенадцатого, устав от чтения бесконечных жалоб, он всё-таки позвонил отцу:

– Пап, привет, я вернулся из командировки, на работе завал, приходится сидеть допоздна.

– Где был? – поинтересовался Василий Никифорович; голос у него был обманчиво добродушный, и, представив, как он сейчас страдальчески гнёт бровь, Матвей расстроился.

– В Адыгее, в посёлке Каменноостский.

– Что тебя туда подвигло поехать?

– Встретимся, расскажу, – торопливо пообещал Матвей. – Но не сегодня.

– Завтра я улетаю.

– А вернёшься когда?

– В понедельник.

– Тогда встретимся в понедельник, – обрадовался Матвей. – Как мама, сестрёнка с братишкой?

– Сестрёнки с братишками учатся, тебя вспоминают, мама сердится.

– Ну занят я, никак не вырвусь, – пробормотал Матвей. – Я ей позвоню.

– Звони. – И отец положил трубку. Это означало, что он обижен, хотя напрямую сыну говорить этого не стал.

Страдая от собственной беспомощности: дал слово не поднимать при разговоре с отцом тему войны с Союзом Незвестных – держи! – он напился горячего чаю с лимоном и мятой, подуспокоился и вспомнил слова Дивы – звоните.

Позвонил, затаив дыхание.

– Алло, – ответил женский голос, от которого сердце сыграло самбу.

– Добрый день, – сказал Матвей голосом человека, выигравшего в лотерею. – Это Котов... Матвей.

– Узнала, добрый день.

– Мы договаривались созвониться.

– Я помню.

– Могу подъехать в вашу контору в любое удобное для вас время.
– К сожалению, я занята до позднего вечера.
– Подъеду вечером, подвезу домой, если захотите.
– Благодарю за предложение, но обстоятельства не позволяют... –
Она замолчала. – Есть идея, капитан. Не хотите завтра слетать в Погоново?

– Хочу! – мгновенно ответил он, не дослушав. – То есть куда?

Дива засмеялась.

– Какой вы решительный. Я же ещё не сказала – зачем.

– Не имеет значения, до понедельника я совершенно свободен и ни от кого не завишу. Где это Погоново?

– В десяти километрах от Воронежа, военный полигон. Там в субботу и воскресенье состоятся международные соревнования по авиадартсу. Знаете, что это такое?

– Слышал, но ни разу не видел. Это соревнования военных лётчиков по стрельбе.

– Вы согласны?

– Безусловно. Как вы собираетесь туда добираться?

– До Воронежа можно добраться и на поезде, а потом от вокзала на автобусе до полигона ВВС, но я полечу на вертолёт завтра после обеда. Могу захватить с собой.

– У вас свой вертолёт? – с уважением проговорил Матвей.

– Нет, вертолёт принадлежит курьерской службе, используется для диачела, но так совпало, что он доставляет начальство, с которым я хорошо знакома.

– Прекрасно, я только «за». Куда подъехать и в котором часу?

– Завтра в два вы должны быть в Строгино, там у стадиона есть вертолётная площадка, откуда мы и полетим.

– Понял, буду обязательно. Что брать с собой?

– В каком смысле? Оденьтесь по погоде, дни обещают быть ясными и тёплыми, бабье лето на дворе.

– Я не об этом. Еда, питьё, экипировка, я имею в виду бинокли, подзорные трубы.

– Ничего не надо, лететь всего час, а на месте нас снабдят всем необходимым. До встречи.

– До встречи. – Матвей спохватился, забыв задать вопрос: кто ещё полетит? – Но Дива уже выключила телефон.

– Ну, вот, – назидательно произнёс он вслух, обращаясь к самому себе. – А ты говоришь – неудачник. Был бы неудачником – не везло бы.

Под впечатлением от неожиданно свалившейся радости он и проработал весь день, удивив активностью даже Пашу.

– Командир, мы же не на скачках, – озадаченно сказал ему лейтенант, устав к вечеру от беготни. – Придержи лошадей. Недельную норму выполнили.

– Работа – это здоровье! – веско сказал Матвей.

– Тогда пусть работают больные, – кисло пошутил Паша.

Пикироваться с ним Матвей не стал, настроение было мажорным, и будущее виделось исключительно в розовом свете.

* * *

Вертолёт – небольшой бело-голубой «Ка-226», вмещавший всего семь пассажиров, взлетел в половине третьего.

Матвей приехал в Строгино на такси, чтобы не переживать за оставленную у стадиона машину, и теперь с любопытством приглядывался к компании Дивы, в которую входили двое мужчин и две женщины. Мужчинам было за сорок, женщинам чуть меньше, судя по их макияжу и причёскам, но вели они себя естественно, без ужимок, губы не надували, в начальников не играли, хотя тот самый знакомый Дивы, что пригласил её на соревнования, и являлся начальником московской курьерской службы при МВД России.

В салоне вертолёта было шумновато, поэтому разговаривали мало, никто не хотел напрягать горло и слух.

Дива представила Матвея как сослуживца, капитана полиции, не отвлекаясь на детали, поэтому к нему особенно не присматривались, просто посчитали своим.

Задав Матвею пару ничего не значащих вопросов, Дива тоже замолчала, изредка отвечая на реплики спутников. Одета она была в необычного покроя осеннюю куртку с блестящими вставками, с капюшоном и джинсы. Примерно так же выглядели и остальные. Матвей порадовался, что угадал с «прикидом»: на нём была мутоновая тёмно-синяя парка и джинсы.

Полёт продлился чуть больше двух часов.

Сели на воронежском аэродроме «Балтимор» в четыре часа дня, где группу ждал минивэн «Ситроен Гранд», и через сорок минут устроились в центральной воронежской гостинице «Россия». Полёты начинались в десять утра второго октября, и ехать на полигон, где для гостей и зрителей предлагались солдатские казармы, сочли делом преждевременным.

Гостиница «Россия», располагавшаяся на улице Театральной, дом двадцать три, являлась одной из самых старых гостиниц Воронежа, чьё детство пришлось на советские времена. Однако она же считалась и одной из самых комфортных и предлагала постояльцам уют, тишину и много дополнительных услуг. Всего она имела пятьдесят девять номеров, среди которых были и одноместные, стоимостью чуть более трёх тысяч рублей в сутки, и номера-студии, и люксовые номера, двух- и трёхкомнатные.

Несмотря на ажиотажный наплыв гостей, собиравшихся посетить соревнования по авиадартсу, Матвею достался современный однокомнатный номер, что он счёл благоприятным обстоятельством, подчёркивающим значение главного события – предложения Дивы ехать в Воронеж вместе. Правда, потом выяснилось, что номер был забронирован заранее, как и номера для всей компании, а с Дивой должен был лететь её давний приятель по имени Тарас. И хотя радость Матвея после этого известия поубавилась, он нашёл причину поднять себе тонус: если бы отношения Дивы и Тараса были более близкими (думать об этом не хотелось), она не пригласила бы Котова с собой либо вообще остановилась с Тарасом в одном номере.

Поели в ресторане гостиницы на первом этаже. Посидели в баре холла, заговорив о недавней трагедии, случившейся в воздушном пространстве Украины: во время военных учений, проводимых ВВС страны под надзором американских военных советников, зенитно-ракетный дивизион подо Львовом сбил свой же штурмовик Су-25, и это был далеко не единичный случай подобного рода, считая сбитый украинскими зенитчиками над Чёрным морем самолёт в две тысячи первом году и малайзийский «Боинг» в две тысячи четырнадцатом.

Матвей участие в беседе не принимал, сидел тихо, слушал, заботясь больше о своевременном реагировании на слова Дивы, но и она разговаривала мало, заметив лишь, что американцам, по сути,

управлявшим Украиной, вернее, её «обломками» – ЗУНУ – Западной-украинской национальной Унией, ЦУМ – Центрально-украинской Монархией, УДА – Украинской Днепропетровской Автономией, называемой Коломойкой, и Новороссией, выгодно устраивать провокации, во всём обвиняя Россию. С две тысячи четырнадцатого года в этом вопросе ничего не изменилось, потоки лжи и грязи лились на Российскую Федерацию, информационная война продолжалась с неослабевающей силой, и самое гнусное здесь крылось в том, что европейские обыватели и националистически настроенное население Украины, зомбированное мощнейшей ультраправой пропагандой, верили в «адские намерения» российского руководства в частности и москалей вообще.

В начале десятого начали расходиться по номерам.

Мужчины расположились в двухместном люксе, женщины – в трёхкомнатном. Расходов они, судя по всему, не считали и не боялись. А их отдельное размещение – без всякой бравады и напускного лицемерия – говорило лишь о серьёзности чувств компании.

Матвей, мучимый сомнениями – пригласить ли к себе Диву или отложить беседу на утро, дошёл с ней до номера, собрался пожелать спокойной ночи и услышал:

– Зайдёте? Поговорим без свидетелей. А то у вас обиженное лицо.

Матвей смутился.

– Да нет, всё нормально, я рад, что вырвался из привычной рутины.

Дива открыла дверь, пропустила гостя.

– Любите экзотику?

– Не то чтобы очень, но и не отказываюсь, если есть хорошая компания.

– Проходите, – кивнула девушка на комнату-гостиную, оклеенную пупырчатыми обоями, где стоял салатного цвета диван, столик с шестью стульями и шкафчик для посуды со встроенным в него холодильником. – Я на минуту.

В ванной зашумела вода.

Матвей сел, оглядывая комнату, плоский телевизор на стене. Тонко пахло духами. Он любил этот запах – с небольшой горчинкой.

Вошла Дива, деловитая, естественная в каждом движении, ведущая себя без всякой фальши и наигранности, села на другой конец дивана.

- Здесь есть бар с напитками, хотите?
- Благодарю, ничего не хочется. Хороший номер.
- Нормальный.
- Я вам звонил пару раз.
- Иногда приходится отключать звук на деловых встречах.
- Часто мотаетесь по командировкам?
- Случается.
- Почему вы выбрали эту профессию – юрист?

Дива фыркнула.

– Не по зову сердца, это уж точно. В юности очень хотелось научиться защищать простых людей от судебного произвола. Пошла в МГУ на юрфак, потом окончила Академию, преподавала там. Так и дошла до Генпрокуратуры.

- Не может быть!
- Почему? – с удивлением подняла бровь девушка.
- Институт, Академия, работа... я думал, вам от силы двадцать два, не больше.

Дива с осуждающей улыбкой покачала пальцем.

– Compliments не люблю. Мне уже тридцать. Я даже замужем успела побывать.

– Понятно, – пробормотал он. – Хотя это вовсе не комплимент, я говорю, что думаю.

- Иногда простодушие не является достоинством.
 - Исправлюсь.
 - Вообще я не верила, что вы решитесь полететь в Воронеж.
- Теперь уже удивился он.

– Почему?

– Семья, дети.

– Ни семьи, ни детей. Не успел обзавестись. – Он виновато повёл плечом. – Изредка удаётся выбраться куда-нибудь с друзьями. Прошлым летом был на Камчатке, летал на Шпицберген с отцом.

– Кстати об отце. Кто он?

Матвей еле удержался, чтобы не пожать плечами.

– Сейчас тренирует армейский спецназ, уже много лет, а до этого работал администратором в ЦСКА, преподавал основы общественной безопасности в институте.

– А ещё раньше?

– Вёл спецкурс для военных контрразведчиков.

– В молодости?

Матвей озадаченно пригладил волосы на голове.

– Вы имеете в виду...

– Кем он был двадцать два года назад?

– Почему это вас интересует?

– Мой отец рассказывал мне о своём друге – Василии Балуеве, который позже взял фамилию матери – Котов. Это не он?

– В таком случае ваш отец – Матвей Соболев... бывший контрразведчик. И ещё...

Дива улыбнулась, ни капли не кокетничая.

– ИО инфарха.

Матвей сглотнул, изумлённо глядя на собеседницу.

– Вы знали!

– Это легенда.

– Это... правда! Мой отец очень много рассказывал о вашем отце, они дружили и оба были Мастерами Круга. Потом ваш отец увлёкся «розой миров» и надолго исчез. Двадцать два года назад произошла битва между ним и Монархом Тьмы.

– Это легенда, – повторила Дива с той же тонкой улыбкой. – Доказательств никаких нет.

– МИРЫ! Модули иной реальности.

– И это миф.

– А вот и не миф, я видел их собственными глазами!

Глаза девушки потемнели, в них протаяли сомнения и неуверенность.

– Сочиняете.

– Ни в коей мере! – Матвей клятвенно прижал кулак к груди и вдруг вспомнил наставления Стаса, смутился. – Я не должен был вам это говорить. Но если вы дочь инфарха...

– Давайте договоримся: я дочь своего отца, надолго отправившегося в исследовательскую экспедицию. Ваш отец

рассказывал вам о своём друге, и мне хотелось бы встретиться с ним, выяснить кое-какие нюансы. Вы можете устроить такую встречу?

– Так вы из-за отца контактируете со мной? – с прорвавшейся обидой и разочарованием спросил Матвей. Улыбнулся: – А я губы раскатал.

Дива засмеялась; получалось это у неё хорошо, естественно, без иронии, насмешливости и притворства.

– Если честно, вы ещё не стали медийным лицом, ради которого молодые девушки, – речь не обо мне, – готовы выпрыгнуть из джинсов. Хотя дерётесь вы классно.

– Спасибо и за это. – Он с трудом заставил себя выглядеть таким же естественным. – У меня был хороший учитель... даже два.

– Отец? Кто ещё?

– Его друг Вах... – Матвей замолчал.

– Договаривайте. Или это секрет?

– Вахид Тожиевич Самандар, кстати, он владеет техникой Дим-Мак.

– Чем?

– Дим-Мак – искусство смертельного касания. Только очень прошу – не передавайте мои слова никому. Мой язык – мой враг.

– Это заметно, – задумчиво проговорила Дива. – Странно, что Стас Котов взял вас в свою команду.

– Почему?

– Он не мог не знать, что ваш отец...

– Не его родной?

– В общем, это к делу не относится. – Дива перевела разговор на другую тему. – Говорят, вы летали в Крым.

Матвей напрягся.

Во-первых, она не должна была знать о поездке в Крым, если только ей об этом не сообщил Стас. Что вряд ли имело место быть. Во-вторых, капитан не знал, что ответить на это утверждение. До конца откровенным с ней он быть не мог в силу обязательств, взятых перед Стасом. Но и уворачиваться и лгать тоже не хотелось. Надо было выбрать некий компромисс и остаться при этом с незапятнанной репутацией. Потому что при любом неблагоприятном развитии событий она вряд ли простит ему ложь.

– Летал.

– Отдыхать?

Подтекст вопроса заставил Матвея решиться на откровенность.

– Нет, я летал туда не один, со Стасом и... с его приятелями... –

Он замолчал, находясь в затруднении.

– Не хотите говорить – не говорите, – мягко сказала девушка.

– Дело не в моём «хочу», я дал слово.

– Дал слово – держи, известная сентенция. Хотя могу предположить, что летали вы не в поисках смысла жизни. Если в Крым летают не на отдых, то вариант один – работа. С другой стороны, Стас Котов не является полицейским, он помощник генпрокурора по особым делам... и ваш названный брат. Не вы его позвали в Крым, а он вас. Что он там ищет?

– Не только там, – вырвалось у Матвея.

Дива приподняла брови.

– Где ещё?

– В Адыгее, мы недавно оттуда вернулись. Помните наш разговор об отдыхе в Адыгее? Я предположить не мог, что полечу туда сразу же после встречи с вами. Но вот что я хочу попросить. – Он помолчал, формулируя просьбу. – Не спрашивайте меня больше об этом, я сам расскажу, когда смогу. Хорошо?

– Не вопрос, договорились.

Переливчато зазвонил телефон Дивы.

Она дотянулась до айкома на столе, посмотрела на экранчик, и по изменению её взгляда Матвей понял, что ему лучше уйти. Встал.

– Пожалуй, пойду спать, если не возражаете.

– Да, конечно, благодарю, – с запинкой ответила девушка. – Надо отдохнуть перед завтрашним днём.

– Когда встаём?

– В восемь завтрак, потом за нами заедет дальний родич Валеры на своей машине и повезёт на полигон.

Матвей кивнул. Валерием звали начальника курьерской службы Москвы, который легко использовал служебный вертолёт для личных нужд. Впрочем, претензий к Валере не было никаких, если бы не он, Дива не пригласила бы капитана лететь к чёрту на кулички.

Добираясь до своего номера, он думал о том, кто позвонил Диве и с кем она, судя по всему, хотела поговорить без свидетелей. Перед

глазами возникла фигура в белом... Тарас... таинственный наблюдатель с тигрино-светящимися глазами. Может быть, он?

Пришла мысль спросить об этом у Дивы напрямую. Интересно, что она ответит? И ответит ли вообще? А если рассердится и больше не захочет встречаться? Стоит ли рисковать? Жизнь сама расставит всё по местам, надо только набраться терпения. С другой стороны, можно и не дожидаться благоприятного ветра в паруса, и чтобы двигаться вперёд, надо прилагать соответствующие усилия. Что это означает?

Матвей разделся в номере, встал под душ.

Это означает, что милостей ждать ни от природы, ни от человека не стоит, надо действовать!

Молодец! – похвалил его организм, далеко пойдёшь!

С этим напутствием он и уснул.

Глава 2. Полигон

Полигон ВВС Погоново располагался всего в десяти километрах от Воронежа и в двадцати от Нововоронежской АЭС. Когда-то на нём военные утилизировали старые боеприпасы, пугая жителей города и окрестных селений частыми взрывами, но после вмешательства общественности боеприпасы стали взрывать в другом месте, а Погоново переоборудовали в полигон, где лётчики и реже танкисты испытывали новейшее оружие.

Соревнованиям по авиадартсу этого года предшествовал отбор лучших лётных экипажей ВВС России и других стран, и на аэродром Липецкого авиацентра, где и расположились самолёты, прибыло более восьмидесяти воздушных машин разных родов авиации: истребители, штурмовики, перехватчики, транспортники, бомбардировщики и вертолёты – от «Су-25», «Миг29Т» и «Белых лебедей» до новейших «Су-35», «Су-50» и «МИ28МТ».

Участники конкурса должны были соревноваться сначала по физической и теоретической подготовке, затем по воздушной навигации, технике пилотирования и боевому применению в зависимости от рода авиации.

Самыми зрелищными видами программы являлись, конечно, стрельбы из пушек и ракетных систем по наземным целям и воздушным мишеням, а также воздушные бои. Награждение отличившихся экипажей должно было состояться на военном аэродроме «Балтимор» после того, как жюри под руководством начальника воздушно-огневой подготовки Липецкой авиабазы выносило решение о победителях.

Компания Дивы прибыла на полигон в десять часов утра, аккуратно перед самым началом полётов, заняла места на трибуне, построенной ещё в две тысячи пятнадцатом году и способной вместить около тысячи зрителей.

Сели, листая программки, отпечатанные типографским способом, называя друг другу узанные самолёты.

Дамы захотели пить, и Матвейотреагировал на это по-джентльменски, предложив сбегать за напитками в один из киосков

у казарм лётного состава, заблаговременно установленных перед соревнованиями обслуживающим персоналом полигона.

– Мне, пожалуйста, чай, – попросила Лика, девушка Валерия. – Зелёный «Липтон».

– Мне тоже, – согласилась Дива.

– Всем чаю, – объявил Валерий. – Донесёшь?

– Возьму носильщика, – пошутил Матвей.

Он выбрался с трибуны в проход и обратил внимание на отдельную ложу для ВИП-гостей, нависающую над трибунами козырьком. Там началась суeta, зрители вскидывали, оборачиваясь, мобильные телефоны и фотоаппараты, снимая появившихся в ложе людей, и Матвей, приглядевшись, понял, что на соревнования прибыл сам президент. Рядом с ним появились ещё двое мужчин, моложавого вида и постарше, одетый как-то уж очень знакомо. Он держался за спиной моложавого, поэтому разглядеть, кто он – телохранитель или властное лицо с большими полномочиями, не удалось. И всё же Матвей, уже возвращавшийся к своей компании с пакетом пластиковых бутылок, задержал на нём взгляд. Что-то насторожило его в этом спутнике президента, не то манера держаться чуть в стороне и в то же время близко, не то жест, показавшийся не менее знакомым, чем куртка. И лишь несколько мгновений спустя капитан, похолодев, понял, что это отец.

Ощущение было, будто он увидел сон.

Однако ощущение прошло, а отец остался, по-прежнему держась за спиной спутника, который изредка обращался с какими-то вопросами к президенту. Потом они сели, и обоих не стало видно.

Ошеломлённый неожиданным появлением Котова-старшего, да ещё в свите президента, Матвей вернулся к спутникам, но в это время заговорили динамики полигона, оповещая о начале соревнований, в небе появились вертолёты, первыми открывшие полёты, и думать о чём-либо другом стало недосуг. Потом позвоню, решил Матвей, к вечеру.

Сначала лётчики всех родов ВВС показали технику пилотирования, продемонстрировав каскад фигур высшего пилотажа.

Вертолёты «МИ-29» и «Ка-54» с лёгкостью выполняли «мёртвые петли», а самолёты «Су-35» и «Су-50» (бывший перспективный авиационный комплекс «Т-50») зависали в воздухе невысоко над

землём не хуже вертолётот, делая «кобру Пугачёва» или разворот на триста шестьдесят градусов в горизонтали, кружились как кленовые листья и свободно выходили из пикирования, обрушивая на зрителей волны грохота и гула.

Затем начались маневры по преодолению систем противовоздушной обороны, представленной новейшими зенитно-ракетными комплексами «Панцирь-С2» и системой «С-300У».

Огромные авиадозаправщики показали своё мастерство, заправляя сразу по два самолёта.

Бомбардировщики «Су-34» и «Белый лебедь» точно вонзили в наземные цели управляемые бомбы.

После обеда начались воздушные бои.

Ни один самолёт западных стран, участвовавших в боях, в том числе хваленые американские «F-16», французские «Рафали» и китайские «J-20», не смогли победить российские «сушки», «Миги» и новейший истребитель пятого поколения «Су-50», показавший такие маневренные возможности и скорость обработки целей, какие не мог продемонстрировать ни один самолёт мира.

Зрители, вооружённые биноклями, ахали и восхищались мастерством пилотов.

Динамики вопили:

– Внимание! Лётчики вышли на пикирование! Прицел! Огонь!

Самолёты поодиночке и парами с оглушительным грохотом проносились над трибунами.

– Выход из атаки! – ревело над полем. – Цель поражена!

Шум стоял такой, что женщины вставили в уши заранее приготовленные беруши. Да и мужчины, в общем-то, страдали не меньше, хотя терпели, как и все вокруг.

В небе летали беспилотники, контролирующие все полёты и стрельбы, что подчёркивало значимость соревнований и ответственность обслуживающего полигон персонала.

Матвей изредка вставал, оглядываясь на VIP-ложу, но отца больше не увидел. Подумал даже: не привиделось ли? Несколько раз собирался позвонить, но забывал об этом, замороженный происходящим в небе над полигоном.

В пять часов пополудни собрались облака, начало темнеть, и соревнования отложили на утро воскресенья. Оставался последний

этап – стрельбы на точность по наземным целям и воздушным мишеням.

Обмениваясь впечатлениями, зрители потянулись к автобусам и личному автотранспорту, многие уезжали на такси.

Компанию Валерия дожидался тот же микроавтобус, на каком они ехали из гостиницы на полигон.

– Подождите минутку, – попросил Диву Матвей, – мне кое-что надо проверить.

– Ждём, – ответил за девушку Валерий.

Матвей повернул назад, ища глазами президента и его свиту, однако то ли они уехали раньше, то ли их вывели через другие выходы к вертолётной площадке, никого на трибунах уже не было. Тогда он достал мобильный.

Отец отозвался не быстро, да и в трубке шумело, отчего Матвей сделал вывод, что Котов-старший едет на машине.

– Да?

– Пап, я тебя видел рядом с президентом.

Василий Никифорович помолчал.

– Где?

– На полигоне. Я тоже здесь. Кстати, с Дивой, помнишь, я рассказывал? Дочь Соболева.

Пауза.

– Ты на полигоне? В Погоново?

– Ты не расслышал? Я видел тебя с...

– Понял, не кричи, я слышу тебя хорошо. Где остановился?

– В гостинице «Россия».

– Какое совпадение, мы тоже. Давай-ка встретимся, ты обещал познакомить меня с этой девушкой.

– Давай, – согласился Матвей с облегчением, не услышав в голосе отца осуждения. – Только надо спросить у неё.

– Спроси и позвони. После восьми вечера я буду свободен.

Матвей бегом вернулся к ожидавшей его компании.

– Прошу прощения, можем ехать.

Микроавтобус устремился прочь от казарм и трибун, вслед за вереницей машин и автобусов, увозящих зрителей.

В компании бурно обсуждали действия пилотов, причём женщины спорили больше, чем мужчины, хотя им нравились скорее сами

самолёты, а не мастерство лётчиков.

Дива и Матвей в споре не участвовали, только с улыбкой переглядывались, когда эмоции спорщиков зашкаливали. В конце концов все сошлись на том, что российская сборная побеждает, а на втором месте идёт команда Индии, а не Америки или Китая, несмотря на расхваленные рекламой «авиационные комплексы пятого поколения». Как и предполагалось, в лидеры выбились лётчики из Будённовска и Черниговки, показавшие лучшие результаты.

Выходя из минивэна перед гостиницей, Матвей выбрал момент и спросил у Дивы, не может ли она встретиться с его отцом.

– Он здесь? – недоверчиво спросила девушка.

– Да, с президентом.

– С президентом? – с ещё большим недоверием проговорила она.

– Точно не знаю, – смутился капитан, – но я видел его в ВИП-ложе.

– Вы специально договорились?

– Нет, я даже не догадывался, что он будет на полигоне, если бы не заметил – не вспомнил бы.

– Хорошо, давайте встретимся у меня, после ужина.

– После восьми вечера.

– Хорошо, жду после восьми.

Ужинали вместе, продолжая делиться впечатлениями от незабываемого зрелища, решили покататься по Воронежу, полюбоваться его достопримечательностями. Матвей посмотрел на Диву, и она попросила оставить её в гостинице. Призналась с извиняющей улыбкой:

– Устала, читаю книгу и пораньше лягу спать.

– Я тоже останусь, – добавил Матвей, – если не возражаете. Намечается встреча с родственниками.

Благодушно настроенная компания не возражала, им и вчетвером было неплохо.

В восемь Матвей позвонил отцу и сообщил номер своей комнаты. Котов-старший прибыл через несколько минут. Он был в голубоватой куртке свободного покроя и тёмно-синих брюках. Рубашка под курткой была бордового цвета, со стоячим воротником. Отец всегда одевался стильно и привил эту манеру сыну.

В руке он держал плоский пакет.

Они обнялись.

– Ты мне не сказал, что поедешь на авиадартс, – с упрёком сказал Матвей.

– Ты тоже, – парировал Василий Никифорович. Выглядел он помолодевшим, уверенно хладнокровным, в глазах горел огонёк сдержанной воли и силы, и Матвей невольно подумал, что отец настроен сделать ему выговор за нежелание навестить родителей. Однако этого не случилось.

– Как тебе удалось соблазнить её авиадартсом? – спросил Котов-старший, оглядывая номер сына.

– Не поверишь – она меня сама пригласила, – похвастался Матвей. – Мне бы и в голову не пришло.

– Надо иметь вескую причину, чтобы пригласить незнакомого человека на такое мужское мероприятие.

– Почему мужское, здесь и женщин много. А причина... мы с ней уже встречались при разных обстоятельствах, она приглашала меня в прошлое воскресенье на дачу к друзьям...

– Ты ей так понравился?

– Ох, не уверен, – признался Матвей. – Вряд ли. Какой-то интерес есть, но он не связан с моей крутизной.

– Ты считаешь себя крутым?

– Это сарказм. Мы говорили с ней...

– Потом обсудим, – отец глянул на часы, – пора идти, если ты договорился.

– Да, она ждёт. Я тебя видел рядом...

– И об этом потом. Держи, это конфеты. – Василий Никифорович передал Матвею пакет.

– Вот растяпа, – искренне огорчился Матвей, – я не подумал.

– Думать не вредно, vedi.

Они перешли в другое крыло гостиницы, и Матвей постучал в дверь номера Дивы.

Послышался щелчок ключа, дверь отворилась, пропуская гостей. Вошли один за другим.

Девушка успела переодеться в платье из пушистого серебра – на первый взгляд скрывающее колени, но всё равно было видно, что фигура у неё отменная. На Матвея она взглянула мельком и стала

смотреть на Котова-старшего, в свою очередь разглядывающего хозяйку номера слегка прищуренными глазами.

Пауза длилась несколько длинных секунд.

По лицу Василия Никифоровича пробежала судорога.

Дива шире открыла глаза.

– Вы... я видела ваше фото...

– Я Котов, а вы – дочь Матвея, это видно невооружённым глазом.

Дива опомнилась.

– Проходите, садитесь.

Матвей вытащил из пакета коробку нуги в шоколаде, передал ей. Дива, не глядя, положила коробку на стол, не сводя взгляда с Василия Никифоровича, глаза её стали задумчиво-отсутствующими.

Матвей, ощутив необычную робость, словно присутствовал при встрече крупных политиков, наделённых властью, примостился в уголке дивана.

– Вы знали отца? – спросила Дива.

– Разве он про меня не рассказывал?

– В глубоком детстве, но я мало что помню.

– Он был контрразведчиком ГРУ, как и я, мы пересеклись при необычных обстоятельствах. – Василий Никифорович обозначил улыбку. – Я должен был его ликвидировать по приказу своего начальства.

Дива покачала головой.

– Этого он мне не говорил. За что вы должны были его... ликвидировать?

– Задание командования – найти, уничтожить, доложить. Основание – утечка информации по разработке психотронного оружия, невыполнение приказов, уклонение от службы. Впоследствии мы подружились и вместе делали одно дело.

– «Стопкрим», – вставил слово Матвей.

Дива посмотрела на него задумчиво.

– Мне было восемь лет, когда отец ушёл вместе с мамой. Меня воспитывали дядя и тётя из Ярославля.

– Ушёл не означает – умер?

– Не означает.

– Ваш отец был инфархом, олицетворяющим светлые силы космоса, контролирующие «запрещённую реальность», то есть

в первую очередь Солнечную систему и Землю. Больше двадцати лет назад случился поединок между ним и Конкере, существом, изменившим состояние матричной реальности. В этом бою принимала участие и наша команда.

– Это я помню. Отец называл вас Мастером...

– Существует иерархия Внутреннего Круга человечества, я прошёл посвящение и стал Мастером, хотя до вашего отца мне далеко. Не понимаю, почему он перед уходом не посвятил вас в тайны Круга. В крайнем случае – мог оставить свидетельства происходящего на тот случай, если вы решитесь продолжить его дело после достижения совершеннолетия.

– Он оставил, но... мы переезжали, и диск был потерян.

– Жаль, не пришлось бы начинать всё сначала.

– Вряд ли это необходимо.

– Что вы имеете в виду?

– Я не смогу заменить отца. – Дива улыбнулась. – У меня нет магических способностей и желания биться с Конкере.

– Конкере повержен, хотя Зло неуничтожимо в принципе и снова подымает голову. Что касается магических способностей... ваш отец «вморозил» в пространственную ткань матричной реальности закон, запрещающий магическое оперирование. Порог преодоления этого закона очень высок, и я не знаю человека, способного это сделать.

– Может, это и к лучшему?

– Может быть, – согласился Василий Никифорович. – Он высок не только для светлых сил, но и для тёмных, в грош не ставящих человеческую жизнь. Страшно представить, что было бы, если бы власти Украины в две тысячи четырнадцатом году получили возможность магически изменять социум. Скорее всего украинский фашизм, науськиваемый американским нацизмом, устроил бы на Земле очередной Армагеддон.

Дива перевела взгляд на Матвея.

Он истолковал её взгляд по-своему.

– Если хотите, я расскажу вам обо всём подробнее.

Котов-старший покосился на него, но промолчал.

– Я подумаю, – сказала девушка, – надо это мне или нет. Моя жизнь сложилась так, как сложилась, безо всякой магии. Но я рада

знакомству с вами. Один вопрос: инцидент с Министерством здравоохранения не ваших рук дело?

Василий Никифорович прищурился.

— Это лично ваше предположение или кого-то в вашем ведомстве?

— Вспомнила кое-какие высказывания отца. Ведь вы тогда возглавляли СМЕРЧ?

— Сначала «Стопкрим», — уточнил Матвей. — Или «чистилище».

— По каким-то причинам ваша система перестала работать...

— Увы, команда посчитала свою работу выполненной, — сказал Василий Никифорович.

— Значит, это она наехала на Минздрав.

Василий Никифорович пожевал губами, усмехнулся.

— Вас не зря сделали замом генпрокурора, не вопрос, а обвинительное заключение. Если я отвечу — не мы, вы поверите?

Дива изменила позу, не спеша отвечать, глядя то на отца, то на сына Котова.

— Я ещё не решила для себя, как к этому относиться, как к благу или к негативу. Если вы знаете Меринова...

— Очень хорошо знаем, — бросил Матвей, виновато глянув на отца, но тот не отреагировал на реплику.

— Леонард Маратович собирается бросить на поиски «чистилища» всех силовиков, у него хорошие связи с ФСБ и МВД.

— Флаг ему в руки, — остался спокоен Василий Никифорович. — К счастью, я не имею отношения к «чистилищу», бояться мне нечего.

— Вы не встречаетесь со Стасом Котовым? Говорят, он ваш приёмный сын.

— Это было давно, — равнодушно сказал Василий Никифорович. — Мы не общаемся больше двадцати лет.

— Вы знаете, где он работает?

— Знаю.

— И не встречаетесь?

Василий Никифорович пристально заглянул в глаза собеседницы.

— Почему вас это интересует?

— Я предупреждала вашего сына и вас хочу предупредить: Стас не просто человек, человек с двойным дном, за ним тянется шлейф разных криминальных историй, и если бы он не был полезен Меринову...

– Я понял, приму к сведению. Мы вас затерроризировали вопросами, а завтра рано вставать, разрешите откланяться.

– Да, отдохнуть не мешает, – кивнула Дива.

Котовы дружно встали.

– Если не возражаете, можем встретиться в другой обстановке, поговорить о важных вещах.

– Буду рада пообщаться, звоните, капитан знает мой мобильный.

Замок двери щёлкнул за ними.

До номера Матвея шли молча. Зайдя в комнату, Василий Никифорович сказал, разглядывая лицо сына, на котором застыло виноватое выражение:

– Она дочь Соболева, это очевидно, но она чего-то недоговаривает.

– Она плохо нас знает, – осторожно сказал Матвей.

– Согласен, сейчас нельзя верить никому... разве что мне. Однако речь не об этом. Чего недоговариваешь ты? В какую авантюру со Стасом ты ввязался?

Матвей покраснел, сдерживая слишком быстрый язык, взмолился:

– Пап, не спрашивай! Я не имею права делиться информацией!

– Даже со мной?

– Даже с тобой. Но клянусь! – я тебе всё расскажу, когда будет можно. Ты ведь тоже не всё мне рассказываешь. О «Стопкриме», к примеру. Если Дива заговорила о Минздраве, то шухер там устроить мог только ты.

– Шухер шухеру рознь, – проворчал Василий Никифорович, пропуская мимо ушей обидную констатацию сына, оглядел номер. – Скромненько, но жить можно, я примерно в таком же. Когда уезжаете?

– Завтра, после соревнований. У нас вертолёт...

– Вертолёт? – простодушно удивился Василий Никифорович. – Хорошо живёте. Это кто ж такой богатый?

– Начальник курьерско-егерской службы, но это не личный его вертолёт, он взял его напрокат, совмещая...

– Приятное с полезным. Основа жизни любого чиновника: моя епархия, чем управляю, тем и владею.

– Меня пригласила Дива, я не мог отказаться.

– Да это я так, старческое брюзжание. Хочу попросить: через пару дней я буду в Москве, позвонишь ей от моего имени? Надо

встретиться ещё раз, договорить недоговоренное.

– Хорошо, позвоню.

Василий Никифорович глянул на часы.

– Посидел бы с тобой, послушал твои рассказы о МИРах, а главное – о замыслах Стаса, но у меня ещё одна встреча, так что перенесём разговор.

У Матвея отлегло от сердца.

– В Москве посидим.

Василий Никифорович хмыкнул, потрепал его по волосам на затылке и вышел.

Матвей бесцельно покружил по комнате, вспоминая события дня, страдая от того, что не может провести время с Дивой, потом махнул рукой на свои печали и лёг спать.

* * *

Наутро компания снова позавтракала пораньше и поехала на полигон.

Дива казалась рассеянной больше, чем обычно, разговаривала мало, но и вопросов не задавала, словно встреча с Котовым-старшим для неё ничего не значила, а с Матвеем она почти не знакома.

Президент со свитой появился в ВИП-ложе в половине одиннадцатого, и дождавшийся его визита распорядитель соревнований дал команду начать полёты.

Матвей поискал глазами отца, не увидел и больше не отвлекался. Начались стрельбы, лётчики лупили из всего своего оружия по наземным целям и воздушным мишеням, грохот стоял как во время настоящего боя, зрелище завораживало, и зрители каждый удачный манёвр самолётов сопровождали радостным гулом и криками.

Бинокли помогали не всегда, всё-таки во избежание инцидентов мишени располагались в километре от казарм и трибун, но слева и справа от них были установлены видеостены, на которые проецировались изображения, передаваемые с видеокамер беспилотников, и всё было видно хорошо, тем более что записи наиболее удачных атак повторялись.

Закончились полёты к четырём часам дня.

Матвей снова попытался отыскать отца в свите президента, но так и не нашёл. Возможно, он уже покинул полигон, а то и Воронеж, решая какие-то свои задачи.

В гостиницу возвращаться не стали, сразу поехали на аэродром, где компанию ждал вертолёт. Все разговоры вертелись вокруг победы русских экипажей и поломки китайского «суперистребителя» «J-20», едва не закончившейся трагически. К счастью, лётчику удалось посадить самолёт на поле в двух километров от полигона.

Говорили и о технике, о зенитно-ракетных комплексах «Панцирь-2С» и «Корнет-3М», показавших свою эффективность: из сорока с лишним самолётов, принявших участие в преодолении пояса противовоздушной обороны, лишь четверть смогла достичь цели, остальные были «сбиты».

Диве кто-то звонил дважды, она коротко поговорила с абонентами, сказала, что вечером перезвонит сама, и эти звонки – по мысли Матвея – стали причиной отказа девушки провести вечер в ресторане.

– Мне надо кое-что подготовить на завтра, – сказала она виноватым тоном. – К тому же прилетим мы поздно.

Он понял и больше к этому разговору не возвращался.

Прилетели в Москву действительно в девять часов вечера.

Валерий предложил Матвею подбросить его до метро, но капитан, скрывавший своё разочарование, гордо отказался. И тогда Дива сделала то, чего он от неё не ждал: отвела в сторону, положила тёплую ладошку на сгиб локтя и проговорила мягко:

– Не сердитесь на меня, ладно? Ваш отец разворошил мою память, и я всё время думаю о своём папе. Мы ещё обязательно встретимся. Звоните мне в любое время суток, а будете в конторе – заходите.

Матвей расцвёл, осторожно сжал пальцы девушки.

– Всё нормально, спасибо за приглашение.

– До встречи.

– Так вас подвезти? – повторил предложение Валерий, оказавшийся, в сущности, неплохим парнем.

– Да, – согласился Матвей.

В начале одиннадцатого он был дома. И тотчас же позвонил Стас, будто почувствовал, что брат освобождён:

– Ты мне нужен.
– Я только что вернулся.
– Откуда?
– Из Воронежа.
– Каким ветром тебя туда занесло?
– Дивным, – пошутил Матвей. – У меня могут быть личные дела?
– Пока да.
– Что значит – пока?
– Через три-четыре дня мы летим на Кипр, и вот там уже никаких личных дел. Подъезжай, обговорим план мероприятия.
– Завтра вечером, сегодня не приеду. И вообще меня никто с работы не отпустит.
– Мы подготовили бумагу за подписью Леонарда Маратовича, со вторника ты поступаешь в распоряжение Генпрокуратуры для выполнения важного задания. Ваш главк дал добро.
Матвей, надевающий домашнюю футболку, застрял головой в рукаве.
– Ты серьёзно?!
– Более чем. Так что дуй сюда, проработаем детали операции.
Он отшвырнул футболку.
– Завтра! Вечером!
– Не психуй, завтра так завтра, – отступил Стас. – Жаль, мы не успели пошарить ещё в двух МИРах, на Камчатке и в Подмоскowie. Придётся обходиться без артефактов. Справимся?
– Мне вообще не нравится эта затея – с ликвидацией, всегда можно найти компромисс.
– Но не с американцами, будь уверен. У них на уме одна идея – глобальное доминирование, и ради неё они способны на всё, в том числе – уничтожить любого человека, любую компанию, любое государство. Примеры приводить надо?
– Нет.
– Тогда до завтра. – Голос Стаса пропал.
Матвей сел на диван, разглядывая узор паркета. Лететь на Кипр не хотелось. Но он дал слово, и теперь надо было его держать. Интересно, что сказал бы отец, узнав об участии сына в акции по ликвидации американского Союза Незвестных?

– Чёрт! – ударил он кулаком в ладонь. – Зачем я ввязался в это дело?!

Портрет отца на стене гостиной не ответил.

Глава 3. Не ошибись!

Банковские дела отнимали много времени, но Дубинин всегда находил свободную минуту для занятий спортом или для отдыха в хорошей компании. Вот и этот не слишком весёлый осенний день второго октября он провёл не в банке, в Москве, на площади Гоголя, а в Италии, в отеле Art Hotel Villa Armista в предместьях Вероны, куда он заехал день назад и собирался развлечься с командой модельных девушек до четвёртого октября.

Естественно, поселился он под другой фамилией и не без охраны, хотя вряд ли кто осмелился бы замыслить в адрес анарха российского UnUn что-либо недоброе. Охраняли его не хуже, чем президента Соединённых Штатов, не говоря уже о президенте России.

Отель Art Hotel Villa Armista статуса «шесть звёзд» был выбран Дубининым не случайно: здесь часто останавливались не только мировые звёзды кино и политики, но и иерархи мировых Союзов Неизвестных, с кем Валерий Павлович мог обсудить ту или иную проблему.

Красавцем Дубинин не выглядел, однако, несмотря на голову огурцом, украшенную ранней лысиной, и надменно-жёсткую складку губ, он был атлетически сложен и по-мужски силён, не говоря уже о других мужских достоинствах, и женщины липли к нему, как мухи, позволяя делать всё, что ему приходило в голову. Валерий Павлович запросто мог осчастливить за ночь всю свою «команду» в количестве шести моделей, отобранную спецпомощниками в модельных агентствах столицы. И хотя в этот раз он прибыл в отель якобы для развлечений, о чём девицы не знали, на самом деле ему назначил встречу анарх сопредельного государства, известный под именем доктор Шнайдер.

Уже вечером того же четверга телохранитель по имени Башка (бывший чемпион мира по боксу в тяжёлом весе) принёс ему в номер белую визитку с изображением свастики, все элементы которой представляли собой хирургические скальпели. Ниже на немецком языке было напечатано: Dr. Schneider.

— Вам передали.

Валерий Павлович, вышедший к нему в халате, взял визитку, жестом отпустил Башку и, зайдя в комнату, дважды коснулся сенсора на своём супертелефоне, соединявшем компьютер, почтовый браузер, библиотеку с комфортным режимом чтения, устройство мобильной связи, снабжённое скремблером, и ещё множество дополнительных усовершенствований.

Полуголые девицы, расположившиеся в двух спальнях люксового пятикомнатного номера, высыпали в гостиную, но он отстранил их и прошествовал в отдельный кабинет, бросив на ходу:

– Не мешать.

Звёздочка в экране айкома перестала мигать, превратилась в птичий глаз, и Дубинин слышал астматический хрип, мало похожий на человеческий голос; говорили на немецком языке.

– Добрый вечер, уважаемый анарх. К сожалению, я не смог прилететь, надеюсь, что вы не обидитесь. Иногда возникают сверхсрочные дела.

Дубинин, переживший исключительно неприятную новость, ответил не сразу. Он был глубоко уязвлён.

– Могли бы предупредить, доктор, – сказал Валерий Павлович дрогнувшим голосом. – Встреча важна не только для меня.

Немецкий язык он знал плохо, поэтому ответил на английском.

– Прошу прощения, друг мой, – захрипел телефон (эффект работы кодирующего устройства), – проблема возникла непосредственно перед отлётом.

Анарх Германии, известный всем главам «Комитета 300» под именем доктора Шнайдера (он и в самом деле был доктором, специализирующимся на проблемах желудочно-кишечного тракта, владельцем частной евангелистской клиники в немецком Мюльхайме), печально вздохнул.

– С удовольствием отдохнул бы вместе с вами в Вероне. Но я смогу проконсультировать вас и на расстоянии, если вы не возражаете.

Дубинин испытал новый приступ бешенства. Доктор Шнайдер, по сути, дал ему пощёчину, во первых, не предупредив о своём отсутствии, во вторых, пренебрежительно заявив о своём превосходстве. Но он и в самом деле мог знать то, чего не знал Дубинин, поэтому надо было терпеть и сдерживаться.

– Хочу посоветоваться.

– Слушаю, дорогой.

– Общий Сход UnUn планируется созвать на Кипре. Кто предложил этот вариант, американцы?

– Нет, греки. По их данным, на острове расположен один из памятников архитектуры инсектов – МИР Блаттоптеров, наших, так сказать, предков. Подходы удобны для всех, местность открытая, монастырь, под которым располагается МИР, не работает, хотя туристы туда ездят. Но сейчас октябрь, туристов мало, и все делегаты смогут прибыть как туристы, со своими группами поддержки. Что вас беспокоит?

– Меня беспокоит, что американские коллеги легко согласились на этот вариант. Не секрет, что они считают наш UnUn и китайский, да и ваш тоже, конкурентами. Вас это не беспокоит?

– Сход «трёхсот» ещё ни разу не сопровождался конфликтами.

– Всё когда-то бывает в первый раз.

– Не вижу оснований для тревоги.

– Да плевать я хотел... – вспыхнул Дубинин, сдержался, добавил почти бесстрастно: – Неужели вы не видите, что американцы хотят абсолютной власти? По моим сведениям, они не раз вмешивались в ваши дела и будут делать это впредь. Не хотите покончить с этой зависимостью?

– Не горячитесь, господин банкир, – с укоризной прохрипел германский анарх, – я вас понимаю, но обстоятельства пока складываются не в вашу пользу после раскола Украины, чей UnUn влился в UnUn Штатов. Против вас настроен весь «Комитет». Это надо учитывать.

– И вы... на другой стороне, доктор? – Последнее слово Валерий Павлович выговорил так же саркастически, как собеседник, назвавший его «банкиром».

– Я на своей стороне, – хмыкнул доктор Шнайдер. – Хотя мы не отказываемся от сотрудничества, партнёрство превыше всего, особенно в такие недобрые времена. Мне тоже многое не нравится в политике отдельных Союзов, но ведь ради достижения консенсуса и собирается общий Сход? Не ассамблея, не форум – общий съезд «300»!

– Такие сходы порождают всплески передела территорий влияния, и этот ни к чему хорошему не приведёт. Вспомните тысяча девятьсот

сорок первый год или тысяча девятьсот девяносто первый.

– Ваши оценки не совпадают с нашими.

– Потому что вы, хотите этого или не хотите, идёте в кильватере американского UnUn, – грубо заявил разозлённый Дубинин. – Вы и в украинском конфликте приняли сторону американского Союза, поглотившего UnUn Украины, и что получили? Американцы кинули вас, как лохов! Проиграли все европейцы, выиграли только они!

– На всё божья воля, – смиренно ответил Шнайдер.

– Если под термином «божья» подразумевать Аморфа Конкере, то всё правильно. Но не все его изменения полезны, дорогой доктор. Я хотел предложить вам совместную платформу для выступления на съезде, но вижу, что вы уже приняли решение.

– Мы подумаем, дорогой анарх, – после паузы сказал Шнайдер. – Я вам не соперник, будьте уверены, но и предпринимать какие-то рискованные шаги...

– Не будете, – театрально расхохотался Валерий Павлович. – Я вас предупредил, а там как знаете. Ещё один вопрос: зачем всё-таки выбран Кипр? Даже если там сокрыта «сорок», мы не сможем ею воспользоваться.

– Ходят слухи, что Сход сможет её инициировать при наличии достаточного количества суггесторов. То есть членов «Комитета».

– Вы в это верите?

– Дело не во мне, сведения найдены в архиве Круга, а Хранители ничего не записывают зря. Проверим, в конце концов.

– В таком случае нам действительно надо подготовиться! Речь идёт о власти масштаба «запрещённой реальности»!

– Не преувеличивайте, Валерий Павлович, – Шнайдер впервые назвал Дубинина по имени, – вы же знаете, что нам не под силу изменить ситуацию после гибели Конкере.

– А кому под силу?

– До встречи, друг мой, увидимся на Сходе.

– До встречи, – процедил сквозь зубы Валерий Павлович, добавив мысленно: «фашист недорезанный».

Впрочем, он и в самом деле не любил Шнайдера за высокомерие и заносчивость, хотя сам ничем от него не отличался и работу строил практически в том же ключе, что и гитлеровские идеологи Второй

мировой войны, а также идеологи нацистской Украины, переплюнувшие гитлеровских.

В гостинной переливчато захохотали.

Дубинин поморщился, вышел из кабинета, кивнул на дверь.

– По своим номерам, живо! У меня дела.

Девушки, знавшие крутой нрав банкира, со смехом начали одеваться, исчезли, пожелав ему спокойной ночи. Они знали, что босс скоро сменит гнев на милость и на ночь позовёт их снова.

Телефон Меринова по защищённой линии не отвечал больше минуты, поэтому Дубинин от злости чуть не расколотил айком о стену, но генпрокурор наконец ответил:

– Извини, Палыч, я в бане.

Дубинин с трудом сдержал матерное словцо: так его никто никогда не называл, уничижительно-барски, даже панибратски; Леонард Маратович просто перешёл все границы!

– Маратыч, – язвительно-ледяным тоном проговорил анарх, – баня – это прекрасно, только перед тем как ответить, желательно посмотреть, кто звонит.

Представив, как генпрокурор морщит лоб, Дубинин остыл. Он знал обо всех делах маршала Купола, мечтавшего войти в состав Союза Неизвестных, и держал его на крючке мощного компромата, способного свалить даже такого титана криминального мира.

Пауза была долгая.

– Прошу прощения, босс, – заговорил Меринов тоном ниже, – голова к вечеру перестаёт соображать. Да и проблем много.

– Не поделитесь?

– Вы же их знаете, – озадаченно проговорил Леонард Маратович.

– И всё-таки?

– «Стопкрим» восстал из пепла.

– Знаю.

– Уже есть потери.

– Вы не можете их избежать?

– У «чистильщиков» масса поклонников, в том числе в Думе и в правительстве. Даже президент им сочувствует, по словам директора ФСБ. Убит Черезов! Убит Горелик! Полиция в панике! Кто следующий?

– Похоже, и вы в панике, милейший Леонард Маратович.

– Я просто трезво оцениваю своё положение.

– Так уничтожьте «Стопкрим», он и нам начинает мешать. Или у вас не хватает средств, с вашими-то возможностями?

По-видимому, Меринов справился с волнением, потому что ответил почти спокойно:

– Есть варианты...

– Вот и хорошо, начинайте глушить восставших, мы поможем. Теперь главное: Сход перенесен с конца октября на двенадцатое. Место сбора осталось прежним – Кипр. Вы готовы... к акции?

Ответ прозвучал далеко не сразу:

– Готовы, босс. Но мне нужны точные координаты Схода, чтобы мы могли потренироваться в виртуале и на местности.

– Кипр, Троодос, монастырь Айос Иоаннис Лампадисту. Вход в МИР – через реставрируемый в настоящее время клирос.

Меринов снова замолчал на минуту.

– У меня нет сведений... о монастыре.

Дубинин усмехнулся.

– На месте монастыря когда-то стоял замок Блаттоптеров, наших предков.

– На Земле несколько рас...

– Видов тараканов было больше тысячи, и все они стали предками своих этносов.

– Даже китайцы?

– Даже китайцы. Их предки были самыми активными в процессе размножения.

– Они знают об этом?

– Леонард Маратович, – удивился Дубинин, – вам-то зачем эта информация?

– Надо же знать, кого придётся... убирать.

– Китайский UnUn трогать пока не будем, он нам полезен в деле с американцами. Другое дело, если мы найдём в том МИРе «сорок». Тогда при инициации этой Вещи можно будет подумать и о ликвидации китайского Союза.

– Тогда мы должны быть на Кипре первыми!

– А это уже ваша забота, милейший маршал. Проработайте эту задачу.

– Непременно!

– Всех благ. – Дубинин выключил айком, походил по комнатам, размышляя о предстоящей встрече «в верхах», потом напился дженерика, активизирующего силы организма, отбросил все посторонние мысли, мешающие отдыхать, и вызвал «команду».

* * *

В Москве было уже десять часов вечера, но Меринов, возбуждённый разговором с анархом, до утра ждать не хотел и вызвал Котова.

Стас прибыл через полчаса, так как находился в черте города, в пределах Садового кольца. Выглядел он спокойно-сосредоточенным, хотя в последнее время мотался по Москве и за её пределами, одновременно контролируя тренинг группы «по зачистке неизвестных», как он когда-то выразился.

Сообщение о перемене в планах босса и гибели Черезова не произвело на него особого впечатления, хотя было видно, что упоминание об этом действует на генпрокурора как красная тряпка на быка.

– Ты обещал мне ликвидировать угрозу со стороны «чистилища», – заявил Меринов, запивая глоток джина тоником. – «Стопкрим» начинает действовать мне на нервы. Он посмел бросить мне вызов! Мне!

Меринов сделал ещё один большой глоток джина, едва не поперхнулся.

– Фак ю!

Стас подошёл постучать ему по спине, но Леонард Маратович шарахнулся от него, как от змеи.

– Ох...л ты, что ли?!

– В таких случаях надо постучать по спине, кашель пройдёт.

– Лекарь доморощенный, целитель, мля... сядь!

Стас сел.

Меринов вышел в комнату отдыха, вернулся через пару минут обратно с влажными волосами, рухнул в кресло.

– Что с МИРом в Адыгее?

– Мёртв.

– Так какого дьявола тебя туда понесло?! Ты уже объездил полстраны, где результат?

– Дмитрий Романович водит всех за нос, называя адреса предполагаемого нахождения «сорока сороков». Мы опередили его охотников дважды, но, по моим сведениям, он специально распускает слух о Великих Вещах, повышая свой рейтинг перед Сходом. Надо продолжать искать модули дальше, а лучше – найти путь к тайнику, где ваш отец спрятал свои находки.

– Это невозможно, – буркнул Меринов, – пока, во всяком случае, я потратил на поиски двадцать лет и не нашёл. Ходят слухи, что тайник запрятан в «адовых слоях» «розы реальностей», куда нам хода нет, что «сорок» якобы на Земле, и я догадываюсь, где именно.

Стас с любопытством глянул на озарённое изнутри возбуждением и неистовым желанием стать Первым из Первых лицо босса.

– Не поделитесь?

– Недавно имел счастье беседовать с банкиром (Стас кивнул, понимая, о ком идёт речь), он назвал место Схода – Кипр, монастырь Святого Иоанна Лампадиста, под ним и располагается МИР Блаттоптеров, где и спрятана «сорок». Во всяком случае, есть такая завлекаловка. Нужно опередить всех делегатов Схода, разведать местность, подготовить атаку, захватить Хранителя... если он жив, ну и так далее. Сам сообразишь, что делать.

– Если «сорок» действительно там...

– Палыч вроде бы не блефовал, да ему и невыгодно, он зависим больше нас. Надо учесть ещё одно обстоятельство: все Союзы пришлют своих охотников, которых надо будет...

– Понял.

– И ограничь мне этих мерзавцев-законолюбов! – Меринов показал зубы. – Не хватало, чтобы «чистильщики» ко мне заявились! В твоё распоряжение переходит подразделение Черезова, база «Бульдога» полностью переключается на решение наших задач.

Стас поднялся, не меняя выражения лица.

– Мы не сможем гарантировать безопасность нашего Союза. Если их предупредить – анарх и его челядь туда не полетят, а это сорвёт и всю операцию.

– Кто тебе сказал, что надо предупреждать нашего анарха? – со злой усмешкой сказал генпрокурор. – Незаменимых иерархов, как ты

сам понимаешь, не бывает. И вот ещё что... надо как-то воздействовать на Соболеву.

— В каком смысле?

— Не идёт на контакт, хоть ты тресни! Мой зам, не замужем, свободна, но все разговоры только по делу! Никакой благодарности! Сможешь?

— Не знаю. Постараюсь.

— Иди.

Стас чётко повернулся через левое плечо и вышел.

Глава 4. Настоящий чёрный человек

Виктор Цыренович Сабуров, заместитель начальника Главного Управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБ и ПК), исполняющий обязанности начальника Управления, находящегося под следствием в СИЗО «Лефортово», генерала Колбасникова, был молод (ему исполнилось сорок лет), активен и предельно амбициозен. Его не устраивало положение заместителя, так как он считал себя умнее и дальновиднее начальника, хотя и тот был не намного старше – всего на четыре года.

В принципе, это именно он подставил Колбасникова, используя связи приятеля, прокурора Центрального административного округа Москвы Ставицкого, создав преступную группу из сотрудников ГУЭБ, специализирующуюся на провокации взяток, и спокойно пользовался служебным положением в своих целях, не боясь превышать должностные полномочия. Всё это он приписал начальнику Управления, умело сфабриковав компромат, и генерал стал одним из «резонансных» фигурантов уголовного дела, которым с удовольствием занялся Следственный комитет. А чтобы генерал не пытался добиваться освобождения, Сабуров нашёл исполнителей своего замысла в СИЗО, с помощью начальника изолятора полковника Ляшко, лейтенанта Мусихина и сержанта Мухамадиева, которые веско «поговорили» с Колбасниковым, после чего он получил перелом лобной и теменной костей черепа, что списали на «падение с подоконника во время мытья окна». Когда по просьбе адвокатов начальника Управления началась проверка этого инцидента, прокурор Ставицкий поговорил по душам с начальником ФСИН Москвы генералом Березиным, и проверку прекратили «из-за отсутствия состава преступления». Хотя лечащий врач СИЗО утверждал в заключении, что человек не мог получить такую тяжёлую травму, упав с подоконника.

Кроме того, что Сабуров занимался спортом – неплохо стрелял по тарелочкам и даже входил в сборную Управления, он был истовым собирателем антиквариата, и его дача в Жуковке представляла собой, по сути, музей, где располагалось более пятисот экспонатов, от

древних китайских ваз до византийского фарфора позапрошлого века и старинного оружия. Нет нужды говорить, что половина экспонатов была приобретена с помощью давления полиции на обладателей, которые отдавали раритеты бесплатно, чтобы их не трогали представители закона.

Однако некоторые вещи Сабуров покупал в антикварных лавках и ломбардах Москвы и других городов, имея своих агентов, которые шарили по магазинам и докладывали ему о появлении антиквариата. Тогда Сабуров садился в машину и ехал в магазин, где осматривал поступившую на реализацию вещь и, если она ему нравилась, договаривался с продавцом о приобретении, с большой скидкой разумеется.

Четвёртого октября один из агентов этого плана позвонил генералу после обеда и сообщил о поступлении в антикварную лавку в Калашном переулке партии редких книг и бронзовой утвари восемнадцатого века.

— Есть очень приличные вещи, — сказал он, шепелявя; это был старый еврей, о связях которого рассказывали легенды. — Подсвечники, бронза, литьё — всё великолепного качества, не новодел. Завтра многое будет выставлено на прилавок и, что хуже, в Интернет.

— Приеду в семь, жди, — коротко ответил Сабуров, обрадованный возможностью пополнить коллекцию. Спросить, откуда появился антиквариат, он не догадался, веря опыту и нюху агента.

В начале восьмого генерал оставил водителя и охранника в служебном БМВ возле магазина и, не ожидая никаких сюрпризов, открыл звякнувшую колокольчиком стеклянную дверь, не обратив внимания на табличку «Закрето». Он был уверен, что его ждут.

Его действительно ждали: агент Порошкевич, старенький, седенький, с жидкими усиками, запавшим от отсутствия передних зубов ртом и огромными очками, и директор лавки Манский, которого Сабуров знал лично. Директор тоже был стар, но выглядел достаточно ухоженно и респектабельно, чем-то похожий на диктатора Южной Днепропетровской Украины Беню Коломойского.

— Добрый вечер, Виктор Цыренович, — пророкотал он, не подавая руки: генерал за руку не здоровался ни с кем. — Приятные новости. Пройдёмте в подсобку, покажу поступившую рухлядь.

Подсобное помещение лавки и в самом деле было заставлено ящиками с предметами быта прошлых времён, а некоторые из них были выставлены на столы и полки, сверкая глазурью, медью и гранями поделочных камней.

– Смотрите, – повёл рукой директор Манский, – не буду мешать.

Он вышел.

– Я бы посоветовал... – проблеял Порошкевич.

– Выйди, – мотнул головой Сабуров, жадно разглядывая коллекцию, – позову.

Порошкевич пожевал губами в сомнении, подёргал седыми бровками, но вышел, зная крутой нрав генерала.

Сабуров снял со стола бронзовый светильник вычурной формы, начал рассматривать.

Подсобное помещение представляло собой комнату, похожую в плане на букву «Г», имея вход и запасной выход, поэтому Сабуров не мог окинуть взглядом её всю. Услышав тихие шаги с другого плеча «буквы Г», он не встревожился, считая, что ходит кто-то из работников лавки. Но это был не работник магазина. Из-за штабеля коробок вышел черноволосый, смуглолицый, крепкого сложения мужчина, одетый в отлично сидевший на нём чёрный костюм в синюю полоску. Глаза его сверкнули, когда Сабуров оглянулся.

– Виктор Цыренович? – сказал он вежливо, гортанным голосом.

– А вы кто? – насторожился Сабуров.

Незнакомец подошёл ближе, протянул чёрную визитку с вытисненным на ней серебряным кинжальчиком.

– СК.

– Что ещё за СК? Следственный комитет, что ли? Я генерал Сабуров...

– Мы знаем. Но мы не из комитета.

– А откуда? – Глаза Сабурова остановились, он вспомнил недавний случай с министром здравоохранения. Оглянулся на дверь, жалея, что не взял с собой оружия и охранника.

– Кто вы?!

– Охотники за нелюдью, – усмехнулся смуглолицый. – За тобой тянется хвост преступлений, не совместимый с твоей жизнью. Мы хотели бы отправить тебя к хозяину.

– К кому?! – не понял генерал.

– К Монарху Тьмы. – Смуглолицый оказался рядом, Сабуров метнулся прочь, проявляя хорошую реакцию, и наткнулся на мужчину в серой куртке, оказавшегося на пути.

– Не торопись.

Сабуров отпрянул, озираясь, открыл рот, чтобы крикнуть, позвать на помощь, и в этот момент палец смуглолицего клювом вонзился ему в шею. Нестерпимая боль волной прокатилась от шеи к плечам, влилась в сердце, в голову, он закричал... и умолк, потому что второй укол пальцем парализовал ему гортань. Крик захлебнулся, не успев родиться. Схватившись за горло, Сабуров согнулся и мягко упал на пол.

Мужчина в сером поморщился.

– Никогда не привыкну... жалко... и противно!

– Мы чистильщики, – пожал плечами смуглолицый. – И утилизаторы. Он заслужил не такую лёгкую смерть. Хотя ты прав – противно.

– Уходим. – Мужчина в сером – это был Котов – забрал из руки генерала чёрную визитку, буркнул: – Не надо оставлять следов, даже таких. Пусть это будет сердечный приступ. И так все поймут, когда свяжут всю цепочку.

Самандар кивнул, соглашаясь.

Они вышли из магазина через запасной выход во двор дома, встретили молодого парня в джинсе и втроём повернули на Большую Никитскую улицу, где сели в поджидавший их джип «Инфинити».

– Удачно сходили? – поинтересовался водитель.

Котов кивнул, усаживаясь и вспоминая, как они выбирали бандлик.

Самандар составил план зачистки чиновников высших властных структур, в котором насчитывалось более трёхсот пунктов. Выбирали уродов, не подвластных уголовному преследованию из-за круговой поруки чиновного люда, являвшейся залогом выживания коррупционной системы, не сдающей своих, из десятка наиболее одиозных дел. Рассмотрели дело гражданского активиста Константина Данилова, который якобы «без всякой причины плюнул на куртку незнакомому парню, вступил с ним в драку и зарезал несчастного ножом». Такое обвинение выдвинуло следствие, хотя оно строилось на показаниях вора-рецидивиста, который вообще узнал об убийстве со

слов полиции. Следователь предложил ему сделку, вор согласился, и Данилова задержали... спустя два месяца после инцидента (!). Никаких улик не нашли, и тем не менее парня осудили и посадили, не приняв во внимание ни одного доказательства защиты, в том числе главного: Данилова в день убийства вообще не было в Москве!

По этому делу наказанию должны были подвергнуться следователь, прокурор и судья Басманного суда. Плюс вор-рецидивист, полный отморозок по всем статьям.

Второй пункт плана сообщал об «отмазке» от суда полицейского в Туле, забившего насмерть арестованного. Полицейскому было двадцать лет, и метил он в начальники отделения, будучи сыном заместителя мэра города, хотя за ним тоже тянулся хвост грехов – от воровства автомобилей до попытки изнасилования. Обращение правозащитного фонда «Общественный вердикт» к главе СКР не возымело действия, убийцу отпустили «на поруки».

По этому делу Самандар предлагал заняться и полицейским, и его папашей, и начальником УВД, и сотрудником Следственного комитета, не давши ход уголовному преследованию убийцы.

Не менее суровое наказание ждало работников Следственного комитета Ивановской области, обкатавших прибыльный бизнес по фальсификации взяточничества и коррупции, как это делал и московский глава ГУЭБ Сабуров. Они выбивали у подходящих обитателей СИЗО письменные доносы на предпринимателей и привлекали к уголовной ответственности преимущественно невиновных людей да неугодных чиновников, честных и неподкупных. Помимо высочайшей эффективности, такой способ «дознания» был совершенно безопасен. В соответствии с приказом главы СКР следователь фактически был защищён от обвинений со стороны подследственного и мог делать с ним всё что угодно, если тот не соглашался «делиться». А поддерживал всю эту свору новый губернатор Ивановской губернии Михаил Мунь, круто держащий в своих руках весь местный «бизнес».

По этому делу следовало убирать самого Муню, его помощников и чекистов из местного СКР, всего двадцать два человека. Хотя физической ликвидации подлежали всего трое, остальным грозил вброс в Интернет мощного компромата.

Статистика свидетельствовала, что из десяти уголовных дел, в которых фигурировали высокопоставленные чиновники федерального и регионального уровней, девять до суда не доходили. Этот «миропорядок» надо было менять.

Но Котов выбрал первое из дел – с генералом Сабуровым, от которого пострадал не только бывший начальник ГУЭБ Колбасников, но и множество службистов рангом ниже, трое из которых, по данным Самандара, «выпали из окна или с балкона при принятии большой дозы алкоголя». Хотя все понимали – их просто убрали.

– Что молчишь? – посмотрел на него Вахид Тожиевич.

– Думаю, – очнулся Василий Никифорович.

– О чём, если не секрет?

– О грязи людской. Чем больше живу на свете, тем больше презираю весь род человеческий.

– Не ты первый. Хотя нашёл о чём думать. Человечество, по сути, преемник тараканьей морали, гнусное порождение дьявола Конкере, и ты это знаешь.

– Обидно за судьбы хороших людей.

– Для того мы и создали «чистилище», чтобы об этом помнили наверху. Надо было воскрешать СК ещё в две тысячи четырнадцатом году.

– Тогда президентом был Путин, он не стал бы рисковать своим рейтингом. Он даже не рискнул послать в Украину ДРГ^[7], чтобы замочить убийц – Порошенко, Яроша, Тягнибока, Наливайченко, всю военную сволоту.

– Вряд ли это помогло бы, все эти нелюди – шестёрки американцев, выполнявшие указы из Вашингтона, мочить надо было Госдеп США вместе с президентом и всей военной сворой. Хотя и это не помогло бы, Зло вообще невозможно уничтожить методами самого Зла.

– Зло не уничтожить и методами Добра, если хочешь. Нет смысла философствовать на эту тему, мы с тобой давно переросли эти понятия. Есть силы и возможности бороться с ним? Тогда давай заниматься этим делом молча, стиснув зубы. Или ты начинаешь сомневаться?

– Нет, – ответил Вахид Тожиевич после паузы. – Просто я вспоминаю слова одной пары писателей: кто всю жизнь сражается

с драконами, сам в конце концов становится драконом.

– Нам это не грозит, – убеждённо возразил Василий Никифорович. – Мы ни разу не ошиблись в оценке отбросов общества, управляющих этим обществом. Попробуем и впредь действовать так же.

Самандар помолчал.

– Пора заняться ФСИН. Мы получили доказательства, что в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Краснодарскому краю якобы умер создатель ОПГ Куц, виновный в убийстве семьи фермера, а на самом деле Куц жив, убили его двойника, сам он теперь на свободе.

– По-моему, такое уже было.

– В две тысячи четырнадцатом году: умер Сергей Цапок, на самом деле – его двойник. Тогда дело спустили на тормозах, письмо пострадавших начальнику ФСИН с просьбой разобраться осталось под сукном, но это уже распространённая практика.

– Пошли туда Синельникова.

– Не царское это дело – посылать наших парней мочить сволоту. Сброшу компромат в Сеть на весь генералитет Ивановской области.

– Обсудим, и вот ещё что... – Котов посопел в нерешительности, что с ним бывало редко. – Меня беспокоит Матвей.

– Он у тебя вполне самостоятельный, к тому же у отцов и детей разные подходы к жизни. Их время – кидать камни, наше – собирать.

– Что ж мы с тобой до сих пор кидаем? – проворчал Котов. – Не выросли ещё? Он со мной не делится, но я знаю, что Стас задумал что-то, таскает его за собой по стране, показывает МИРы.

– Зачем? – удивился Вахид Тожиевич.

– Знал бы – не переживал. Не сможешь как-то выяснить, чем занимается Стас? Он каким-то образом стал приближённым Меринова, а мы знаем, что это за тварь.

– Попробую, есть у меня кое-кто в окружении заместителя генпрокурора Гены Бокова, который предупредил нас о готовящемся нападении на депутата Дроздова.

– Хорошо.

Джип свернул на набережную, к дому Котовых.

На следующее утро почти все центральные каналы ТВ России сообщили о смерти пятерых человек: сотрудников СИЗО,

исполняющего обязанности начальника Управления ГУЭЖБ и прокурора ЦАО.

Генерал Сабуров умер в антикварной лавке от сердечного приступа.

Прокурор Ставицкий умер дома, в постели, от апноэ – каким-то образом он умудрился проглотить собственный язык во сне.

Начальник СИЗО «Лефортово» полковник Ляшко выпил много пива и утонул в бассейне Коломенского центра развлечений.

Лейтенант Мусихин упал с девятого этажа стройки в Мухинском проезде.

Сержант Мухамадиев разбился насмерть на МКАД, врезавшись на мотоцикле в цистерну с бензином. Цистерна взорвалась, и опознать сержанта, известного лихача, оказалось непросто.

Глава 5. Будь настойчив – и получишь своё

Башня возвышалась над морем тумана метров на двести, и вокруг неё располагались такие же башни, больше похожие на скалистые колонны с плоскими вершинами.

Он стоял на крыше башни и рассматривал странный пейзаж, смутно знакомый и хранившийся глубоко в памяти, изредка напоминавший о себе в самые неожиданные моменты жизни.

Небо над зыбко-туманным морем было густо-фиолетового цвета, с проседью над горизонтом, однако на звёзды эта проседь не походила. И солнца нигде не было видно, хотя мир был хорошо освещён и вполне реален, если учесть, что своего тела Матвей не видел, хотя ощущение было, что он стоит на гладкой коричневой плите на собственных ногах.

Преодолев скованность, он сделал шаг, другой, третий, остановился на краю обрыва, разглядывая светящиеся корни тумана в глубине моря и странную цепочку башен-скал, исчезающую где-то далеко на горизонте.

Граница Локона Ампары, пришла ничего не объясняющая мысль. Начало «адовых» миров. Или это тюрьма для героев?

Он посмотрел на плиту, на которой стоял, и ему показалось, что в её полупрозрачной глубине шевелится мрак. Какая-то спутанная, как ком водорослей, масса поднялась снизу, ударилась о крышу башни, породив гул и свист.

Толчок едва не сбросил Матвея в туманное море. Он отскочил от обрыва, но обитатель башни – масса щупалец, лиан и когтей – снова налетел снизу на потолок тюрьмы, пытаясь пробить броню, крыша вспучилась бугром, Матвей всё-таки сорвался с обрыва... и подхватился на кровати, дыша так, словно вынырнул из-под воды.

Утро уже наступило, хотя за окном было ещё темно. Осень, октябрь, светает в девять, на часах – семь. Пора переходить ото сна к реалиям жизни. Но он ещё минут десять лежал на постели, раскинув руки и ноги, вспоминал сон и решал, сходит ли он с ума, пора ли идти к врачу, либо поговорить с отцом и принять происходящее за данность.

Сны, подобные только что приснившемуся, начали беспокоить его сразу после адыгейского вояжа, и Матвей подозревал, что связаны они с возбудившейся психикой после знакомства с саркофагом царицы Акридидов. Саркофаг что-то сделал с ним, разворошил родовую память, дал какие-то дополнительные связи, и сны являлись результатом проникновения в астрал... или ментал, кто бы его как ни называл... короче, в информполе матричной реальности, частью которой являлась Земля.

Опасно ли это для здоровья и нервной системы, Матвей не знал, однако надеялся справиться с явлением самолично и о своих ощущениях никому не говорил, тем более Стасу.

Бегать в парк не пошёл. Сделал зарядку, умылся, сварил кофе, съел бутерброд с печенью трески, обнаружил, что больше хлеба дома нет, и решил зайти после работы в булочную. Заботиться о наполнении хлебницы и холодильника вошло в привычку, и друзья, появляясь у него дома, всегда удивлялись полноте его «закромов».

До работы добрался быстро и сразу был вызван к начальству.

– Сдавай дела, – сказал вечно озабоченный Пацюк, перебирая на столе диски. – Поступаешь в распоряжение Генпрокуратуры, на месяц.

Матвей ждал этого решения, но сделал вид, что не понимает причины.

– Зачем я им нужен?

Пацюк раздвинул в улыбке толстые губы, погрозил подчинённому пальцем.

– Ох, капитан, всё ты знаешь сам, только не колешься. Приказ подписан на уровне Главка, кто-то там сильно заинтересован в твоём повышении.

– Никаких волосатых родственников у меня там нет.

– Ну, может, друзья.

– И друзей нет.

– Короче, сдавай Редьковичу дела и будь здоров. Расскажешь потом, чем занимался.

– Слушаюсь, товарищ полковник! – вытянулся Матвей.

Процедура сдачи дел и обсуждения с Пашей нюансов работы с частными предприятиями, редко соблюдавшими экосанитарные нормы, длилась около часа. Попрощавшись с лейтенантом и пообещав ему звонить, если понадобится помощь, Матвей позвонил Стасу,

получил распоряжение прибыть в Генпрокуратуру и направился к месту назначения, чувствуя возбуждение и желание переключиться на другой канал получения драйва. Себе он мог признаться, что работа в экологической полиции в последние две недели перестала удовлетворять его, несмотря на предельную занятость и жизненно важную необходимость.

Машину пропустили на территорию Генпрокуратуры, как только она подъехала к воротам. Это означало, что его уже внесли в список работников конторы и провели по всем ступенькам доступа, хотя удостоверение у него по-прежнему было определённого вида – с символом экополиции на развороте.

Поставил машину во дворе, поднялся на второй этаж... и ноги сами собой повернули направо от кабинета генпрокурора, в сторону кабинетов заместителей. Мысль позвонить Диве мелькнула и исчезла. Рука поднялась и костяшками пальцев постучала в дверь с табличкой: «Соболева Д. М. Заместитель ген. прокурора».

– Войдите, – раздался женский голос.

Он вошёл.

Это была приёмная, где за столом слева от двери сидела секретарша Дивы, а справа располагался кабинет заместителя. Рыженькая, худенькая секретарша строго посмотрела на гостя.

– Слушаю вас.

– Я к ней, – кивнул на дверь кабинета смутившийся Матвей. – Э-э... к заместителю.

– Вам назначено?

– Нет, но мы раньше договаривались... скажите, Матвей Котов, капитан.

Секретарша окинула его оценивающим взглядом, коснулась пальцем сенсора интеркома:

– Дива Матвеевна, к вам капитан Котов. – Пауза. Секретарша кивнула, посмотрев на посетителя. – Проходите.

Он открыл тяжёлую белую дверь с позолоченной ручкой, вошёл и остановился перед Дивой, ждавшей его посреди довольно большой комнаты с двумя столами и книжными шкафами. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

– Вот, зашёл... – сказал он, чувствуя сухость во рту: Дива была необыкновенно хороша в белой блузке с погончиками и синей юбке до

колен. До сердечного приступа захотелось прижать её к себе и поцеловать. – Прошу прощения за неурочный визит и без звонка. Проходил мимо. Вообще не рассчитывал встретить вас.

Она улыбнулась, подала руку.

– Проходите, присаживайтесь. Я только что появилась и скоро уеду, так что вовремя. Кофе, чай?

– Кофе.

Дива ткнула пальцем в панельку интеркома:

– Ксюша, два кофе, пожалуйста.

Повела рукой на два кресла справа, между столом справа, заваленным книгами, и окном, где устроился круглый деревянный журнальный столик.

– Уголок для VIP-гостей?

– Для гостей, – отбросила она префикс VIP, подчёркивая демократичность прокурорской службы.

Сели, присматриваясь друг к другу. Матвею стоило большого труда не смотреть на колени девушки, особенно после того как она закинула ногу на ногу. Однако её это не смущало.

– Какие новости?

– Отель на орбите заработал, – слегка расслабился он.

– Слышали о недавнем происшествии с владельцем «Уха Москвы»?

– Нет, я давно не смотрел ТВ, – признался Матвей. – Что с ним случилось?

– Упала стрела крана, убила на месте.

– Да, не повезло, – без всякого сочувствия сказал Матвей, зная, что погибший был очень специфичным деятелем, либералом до мозга костей, не раз выливавшим на Россию ушаты помоев.

– Исполняющий обязанности начальника Управления по экономическим преступлениям умер от сердечного приступа. Начальник СИЗО «Лефортово» утонул в бассейне. Прокурор Ставицкий умер от апноэ. Вам это ни о чём не говорит?

Матвей нахмурился.

– Надеюсь, вы не меня подозреваете?

– Конечно, нет, я просто перечисляю криминальные новости последних дней. Пошли слухи, что возродился «Стопкрим».

Отец! – Мысль пробила голову насквозь как пуля. Он был комиссаром «Стопкрима» двадцать лет назад! Неужели решил восстановить «чистилище»?! Почему мне ничего не сказал?!

Дива продолжала смотреть на него выжидающе, и Матвей развёл руками.

– Честное слово, я не в курсе, не до этого было. Меня перевели на месяц в распоряжение генпрокурора...

– Я знаю.

– А я не знаю, с какой целью. Не преступников же ловить? У меня другой опыт.

Открылась дверь, секретарша принесла поднос с кофейным прибором.

Взялись за чашки.

– Разве вам Стас не говорил, чем вы будете заниматься?

Кофе стал кислым. Врать Матвей не хотел, но и правду сказать не мог.

– Намекал.

– Это секрет?

– В общем... не мой. Могу сказать только, что мы ищем МИРЫ, если вы понимаете, о чём идёт речь.

Дива наморщила лоб.

– Вы имеете в виду артефакты прошлых цивилизаций?

– Их называют модулями иной реальности, созданными инсектами, предками человечества.

– Зачем они вам?

– Каждый МИР хранит Великую Вещь... хранил, если быть точным, что отличало виды инсектов и характеризовало их положение в социуме. Вы не помните, или отец вам не рассказывал?

– Помню очень смутно, да и не верю уже.

– Напрасно. МИРЫ существуют реально, я тоже в детстве сомневался, пока не увидел. – Внезапно ему пришла отличная идея. – А хотите, я вам покажу?

Глаза девушки в удивлении расширились.

– Вы серьёзно?

– Без шуток.

– Это надо в Адыгею лететь? Или в Крым?

– Никуда не надо лететь, МИРы есть и в Москве, точнее, под Москвой, в пещерах под землёй. Отец мне в юности показывал один, он находится под церковным комплексом в Троице-Лыково.

Взгляд девушки стал задумчивым.

– Никогда не думала, что мне предложат подобную экскурсию.

– Не хотите – давайте забудем об этом.

– Нет, почему же, мне действительно крайне интересно. До вечера я занята, но завтра утром смогу найти время.

Он подумал, что не знает, чем будет заниматься на следующий день, однако решил, что ради новой встречи сделает всё, чтобы она состоялась.

– Когда позвонить?

– Завтра часов в девять, а лучше я вам позвоню сама сегодня вечером, когда буду знать свои планы на завтра. Пейте, а то я подумаю, что кофе вам не нравится.

– Хороший, я люблю с кислинкой.

Внезапно дверь в кабинет распахнулась от сильного толчка, и на пороге появился Меринов собственной персоной, за спиной которого испуганной мышкой мелькнула рыжая секретарша. Генеральный прокурор глянул на сидящих из-под сдвинутых бровей, глаза его сверкнули.

– Интересное застолье в рабочее время. Господин Котов, почему вы находитесь здесь, а не у меня в кабинете? Что вы здесь делаете?

Матвей с невольной робостью поднялся. Дива спокойно продолжала сидеть, глядя на начальника с каким-то странным сомнением, потом тоже поднялась.

– Он здесь по моему вызову, Леонард Маратович, – сказала она вежливо. – Мне нужна была его консультация.

– Даже так? Консультация? По какому делу? Впрочем, это не имеет значения. Капитан Котов, я жду вас уже час, извольте зайти ко мне. А вы, Дива Матвеевна, к вечеру должны приготовить всю документацию по Самаре.

– В шесть материал будет у вас.

– Жду. – Меринов бросил мрачный взгляд на столик с кофейными чашками, на Матвея и вышел так же стремительно, как и вошёл. Дверь со стуком закрылась за ним.

Молодые люди посмотрели друг на друга.

Матвей покачал головой.

– Не выношу такой тон. Если кто-нибудь из начальников повышает голос на подчинённого, мне хочется показать ему комбинацию из трёх пальцев.

– Хорошо, что вы не хотите взяться за пистолет, – улыбнулась девушка. – Надо быть терпеливее, тогда вас начнут уважать другие люди.

Матвей пристально заглянул в глаза Дивы, силясь понять, осуждает она его или вежливо иронизирует.

– Разрешите идти, товарищ... – он вовремя заметил три звёздочки на погонах, – товарищ полковник?

– Идите. – Дива протянула руку. – Завтра увидимся.

Уходил он, полный счастливого предвкушения, забыв попрощаться с секретаршей.

Меринов был не один. В его приёмной топтался какой-то народ, трое мужчин в форме и две женщины, и не успел Матвей подойти к секретарю генерального прокурора, как из кабинета вышел Стас, заметил брата, поманил его за собой.

– Идём.

– Мне приказано зайти...

– Уже не надо, убываем на базу, Леонард Маратович занят.

– Он только что...

– Застукал тебя у Соболевой, поздравляю, худшего момента поточить с ней лясы ты не нашёл. Меринов это тебе ещё припомнит.

– Я что, не имею права зайти по делу к заму? – возмутился капитан.

– Имеешь, но только не к ней, шеф давно имеет на Соболеву виды, так что пораскинь мозгами, нужен тебе такой соперник или нет.

Матвей пораскинул, пока они спускались во двор.

– Он ей не пара.

– Что? – удивился Стас, глянув на спутника. – Не пара? Это почему?

Рожей не вышел, хотел сказать Матвей, но вслух произнёс:

– Она... другая.

– Какая же?

– Удивительная! Чистая, светлая...

– Ангел с прокурорскими погонами, – закончил Стас.

Матвей сбился с мысли и замолчал, скрывая раздражение. Обсуждать достоинства любимой девушки не хотелось ни с кем.

– Едем вдвоём, на твоей машине, – понял его чувства брат. – Начинается самое интересное.

– Новый МИР? – буркнул Матвей, усаживаясь за руль «китайца».

– В том числе, – сел рядом Стас. – Два дня на тренировки, потом летим на Кипр, ищем точку приложения сил и мочим вражеский Союз Незвестных. Возвращаемся морем, на подводной лодке.

– При чём тут МИР?

– В горах Троодоса на Кипре расположен МИР Блаттоптеров, именно там и состоится общий съезд UnUn. Наша задача – ликвидировать Союз США.

– Это ваша задача, – подчеркнул слово «ваша» Матвей.

– Мы все будем в одной лодке, как говорится, хотя у тебя – да, задача посложней. Обсудим детали на базе, стратеги разработали несколько вариантов атаки, выберем оптимальный.

– Мы же выбирали.

– Предварительно, ситуация изменилась.

Машина выбралась на Лубянку, направилась в сторону Китай-города. Погода была ветреная, но без дождя, хотя по небу и бродили несимпатичного вида облака.

Стас взялся за телефон.

– Мельник, доложи.

Неведомый Мельник докладывал долго, после чего последовал приказ:

– Предупреди всех, это люди опытные, заметят слежку – оторвут яйца, понял? Докладывай о любом подозрительном шевелении.

Матвей не понял, о какой слежке идёт речь, но ему не понравилось, что брат ничего ему не говорит конкретно, хотя и общается при нём с другими как при своём подчинённом. Он спросил индифферентным тоном:

– За кем следите?

Стас, набравший другой номер, сказал рассеянно:

– За бывшим приятелем, не нравится мне его дача, понимаешь ли, слишком удачно расположена. – Он заговорил с кем-то, давая указания по укомплектованию каких-то монад и мейдеров.

До базы доехали за полтора часа.

– Подожди здесь, – сказал Стас, когда они вылезли из машины Матвея у здания штаба. – Я на минуту.

Он исчез за дверью.

Матвей прошёлся по асфальтовой площадке, разминая ноги. После разговора с Дивой мир вокруг не казался слишком хмурым, люди встречались добрые, погода стояла отличная, и мучила капитана только одна мысль: утром надо было вырваться с базы в Москву и показать дочери инфарха МИР, который ему показывал отец.

Стас вышел не один, в сопровождении какого-то здорового жлоба с соломенными усиками, в котором Матвей с удивлением узнал вожака велосипедистов, наехавших на него в Измайловском парке. Они остановились вполоборота к капитану, обсуждая некую проблему.

Повинуясь чувству мести, Матвей подошёл.

– Привет, Костыль, узнаёшь?

Беседующие оглянулись. Глаза блондина с усиками расширились.

– А-а... и ты здесь?

Матвей сделал стремительный выпад, почти нечитаемый от скорости, попал костяшкой указательного пальца в переносицу парня, и тот, ойкнув, согнулся, прижимая к носу ладонь.

Стас поглядел на него оценивающе, перевёл взгляд на брата.

– Не с той ноги встал?

– Он тоже твой приятель?

– Нормальный парень, очень полезный... для общего дела, готов выполнить любое задание.

– В том числе наехать на брата, причём не один на один, а втроём.

– Ты о чём?

Матвей поморщился.

– Не делай вид, что не понимаешь. Этот Костыль с двумя битюгами напал на меня в парке. А я всё гадал, почему они именно ко мне приколупались. Ты послал? Зачем?

– Ну, я, – пожал плечами Стас, не смутившись. – Хотел посмотреть на твою реакцию, ещё раз убедиться в правильности своего выбора.

– Убедился?

– Вполне.

– А если бы я им рёбра поломал? Руки чесались.

– Ты обучен лучше любого бойца в команде, что меня радует, а терпения у тебя пока не хватает, учиться надо дипломатичному отношению к другим. Не злись, остальных я проверил с таким же пристрастием.

Костыль с трудом разогнулся. Из глаз его текли слёзы. Прохрипел:

– Я его убью!

– Не стоит пытаться, – осклабился Стас. – Братишка вооружён лучше, к тому же он мой помощник. Пожмите друг другу руки, нам ещё долго работать вместе.

Матвей остыл, сунул руку.

– Извини.

Блондин, ощерясь, с неохотой сунул свою.

– Держись от меня подальше.

– Всё, парни, по местам.

Костыль снова приложил ладонь к носу, зашагал обратно в штаб.

– Идём к остальным, – сказал Стас.

Дошли до тира, где, как и ожидал Матвей, собралась вся группа. К нему потянулись руки знакомых бойцов. Паламарчук дружески похлопал его по спине.

– Рад видеть в полном здравии, а то говорили, что тебе крепко намяли бока в каком-то парке.

Матвей сделал насмешливую мину.

– Не намяли, я бегаю быстро.

– Садитесь, господа добровольцы, – повысил голос Стас, выходя вперёд. – Сегодня у нас первая тренировка на местности, в овраге за базой построена соответствующая декорация. Цель – монастырь в горах Кипра. Сейчас вам раздадут планшеты с географией для ознакомления и дальнейшего изучения, а потом мы проведём виртуальную атаку на подступы к цели и охват объекта. После чего перейдём на натуру. Появятся дельные мысли – задавайте вопросы прямо в ходе тренировки.

Все начали рассаживаться на деревянные лавки, обнаруженные у стен ангара.

Матвей обратил внимание на большие белые экраны слева и справа от стола с компьютером, за которым сидели двое мужчин в штатском, и понял, что будут показаны фильмы и интерьеры объекта, то есть самого монастыря. Он подозвал к себе Стаса.

– Мне обязательно быть здесь?

– На сей раз – надо, – кивнул брат. – Вечером просмотрим варианты атаки и выберем основной и вариант «Б».

– Мне завтра утром надо быть в Москве.

– После Кипра.

– Это важно! – Матвей не отвёл глаз, собираясь идти до конца.

– Ладно, обговорим, – отступил Стас, уже убедившись в настырности и твёрдости брата, оглядел всех: – Работайте, спасители России, желаю приятно провести время.

На экранах проявились изображения: на левом – Кипр с высоты двух километров, на правом – скалы, бугры, низины и ущелья, прорезанные лентой шоссе, а также мрачноватые тёмно-серые стены строения с готическими обводами крыш и башен – монастырь Святого Иоанна Лампадисту.

– Прошу тишины, господа, – постучал патроном по столу один из инструкторов, включая лазерную указку.

– Курить можно? – спросил кто-то.

– Можно, – ответил инструктор.

Лекция началась.

Глава 6. Дивный мир

Металлическая решетчатая калитка со скрипом отворилась, и они прошли на территорию заброшенного старинного кладбища, примыкающего к территории Троице-Лыковской церкви в Строгино.

За этими могилами, утонувшими в опавшей листве и заплывшими почвой, заросшими травой и кустарником, никто не ухаживал, но не потому что монахи церкви ленились это делать, а по причине мистической: отец утверждал, что вход в МИР прикрывала «вуаль непрогляда», не позволявшая никому приближаться к объекту. Эта «вуаль», не видимая глазу, давно истаяла, однако кладбище так и осталось заброшенным, потому что в этот уголок леса ни жители деревни, ни монахи церкви не заглядывали, не было надобности.

Прошагали мимо позеленевшего холмика с обломком креста.

Зрелище было печальным, не приносящим успокоения, смотреть на остатки некогда торжественно-скорбного погоста не хотелось.

Никто посетителей не остановил. Со времени посещения этого уголка Москвы Котовыми прошло шесть лет, однако в пейзаже практически ничего не изменилось. Бывшее кладбище доживало последние годы.

На Диву пейзаж подействовал негативно, она примолкла, оглядываясь по сторонам, и зябко поёжилась, когда Матвей со скрипом потянул на себя жестяную дверь единственного строения, похожего на сарайчик и трансформаторную будку одновременно.

Он включил фонарь, надеясь, что не придётся разбирать какие-нибудь завалы или обрушившиеся стены. Отец, беря сына на экскурсию, утверждал, что этот вход в подземелье с поверхности земли является запасным и тщательно охраняется, но в прошлый раз Хранитель артефакта им так и не встретился, поэтому была надежда, что и сегодня экскурсантам никто не помешает.

Кто-то посмотрел ему в спину.

– Проходи, – посторонился он, пропуская спутницу вперёд. Делая вид, что занят разглядыванием помещения, украдкой оглядел лес вокруг, кусты, дорожку, никого не увидел, но не расслабился.

Интуиция подсказывала, что за строением кто-то приглядывает. Но отступать не хотелось.

Дверь со скрипом закрылась за спиной.

Матвей нащупал задвижку, медленно засунул в скобу, имевшую вид, будто она только что была изготовлена.

Луч фонаря пробежался по стеллажам с коробками и ржавыми канистрами, осветил нечто вроде алтаря без икон, с ванноподобным углублением.

– Ты уверен, что вход здесь? – с сомнением спросила Дива.

Он прошагал к «алтарю», оглядел сооружение и отодвинул «ванну» в сторону одним движением, почти беззвучно. Взору открылась горловина люка, уходящие вниз по стенкам колодца скобы.

– Нам сюда. Клаустрофобией не страдаешь?

– Отвыкла лазать по подвалам, – улыбнулась девушка. – Другого пути нет?

– Есть, но этот путь называется *тхабсом*. В настоящее время он нам недоступен. Если боишься, можем дальше не идти.

– Ну уж нет, начали – идём до конца, я не привыкла отступать.

– Я полезу первым, ты за мной, я подсвечу.

Скобы только казались ржавыми и пыльными, на самом деле это был цвет материала, из которого они были сделаны, не то из керамики, не то из пластика.

Спускаться пришлось на глубину шестиэтажного дома.

Пахло глиной, сыростью, краской, но воздух затхлым не был, что говорило о наличии естественной вентиляции. Матвей почувствовал себя уверенней, надежда произвести впечатление на дочь Соболева получила реальный шанс.

Задержались в кубическом помещении с бетонными на вид стенами, пытаясь открыть люк в полу. Крышка люка была ребристая, но ручки не имела, и только приглядевшись повнимательней, Матвей обнаружил две щели под краями крышки, куда можно было просунуть пальцы.

– Странно, – сказал он, вспоминая поход с отцом.

– Что? – не поняла она.

– Не берусь утверждать, но... этого люка тогда не было. Во всяком случае, я не помню, чтобы отец его открывал.

– Он вмазан?

– Не похоже, просто фундаментальный на вид.
– Давай помогу.
– Попробую сам справиться. Хочу понять, кто мог установить такую крышку, не имея никаких приспособлений.

Он примерился, просунул пальцы под края крышки, напрягся и рывком приподнял действительно тяжёлый, килограммов под шестьдесят, металлический круг, сдвинул в сторону, едва не отдавив себе ногу. Вниз уходил круглый ребристый цилиндр колодца, освещённый только лучом фонаря. Скобы на его стенках располагались в шахматном порядке и выглядели новыми.

– Ух ты! – заглянула в колодец Дива; на её лице отразился неподдельный интерес. – Мы случайно не в тайную лабораторию Минобороны попали?

– Если бы это была военная лаборатория, мы бы до неё не дошли.

– Всё как новое... блесит. Не верится, что эта конструкция торчит здесь тысячи лет.

– Десятки миллионов.

– Тем более.

– МИРЫ были надёжно спрятаны и охранялись магическими технологиями, да и сейчас они малодоступны. А колодец смонтирован скорее всего недавно, может, лет пятнадцать назад, когда тхабсом пользоваться стало невозможно.

Начали спускаться и вскоре оказались в тоннеле, довольно тесном, всего высотой в полтора метра, словно он предназначался для карликов. Пришлось идти согнувшись в три погибели, подсвечивая путь фонарём. И снова Матвею показалось, что они с отцом шагали к МИРу не по этому тоннелю, хотя вслух говорить об этом он не стал.

Приблизилось хорошо освещённое металлическое кольцо, представлявшее собой крепление переборки. Круглый люк в переборке, с кремальерой на тыльной стороне, был отодвинут. Матвей окончательно выключил фонарь, прислушался к ощущениям, ловя тонкие поля подземелья, предупреждающие об опасности, но учуял только запахи металла, сырого камня, асфальта и застарелого ожидания; сооружение впереди за горловиной люка стояло здесь невероятно долго.

Пролезли в люк, остановились, оценивая выглядывающую из огромной полости верхушку артефакта, созданного не людьми.

– Боже мой! – вполголоса проговорила Дива, делая шаг к краю пропасти.

– Осторожно! – взял её под руку Матвей. – Упадёшь – костей не соберёшь.

– Кто это сотворил?!

– Ликозиды, разумные пауки. Отец говорил, что замков Ликозидов очень мало, он знает один под Парижем и второй здесь, под Троице-Лыково.

Некоторое время оба рассматривали завитки, дуги, параболы, соты и ниши сложных стен странной пирамиды, восхищаясь гармонией пересечений узоров, ощущая эффект неповторимой геометричной стройности замка. Потом Матвей, довольный реакцией спутницы, сжал её локоть.

– Спускаемся, левее начинаются ступеньки, правда, без перил, так что иди медленно. Посмотрим на это чудо снизу, а если повезёт – проберёмся в главный зал замка, к саркофагу.

Дива очнулась, дала себя направить к лестнице, вспомнила, кто из них старше и выше по званию, освободила руку.

– Я сама. Почему всё-таки этот МИР не охраняется?

Матвей сам давно задавал себе этот вопрос, подспудно ожидая выхода Хранителя, хотя не помнил, встречал ли их с отцом кто-нибудь в прошлый раз.

– Он охраняется, я чувствую чьё-то присутствие, но мы не несём угрозы сооружению, и нас терпят.

Спустились по высеченным в стенах пещеры каменным ступеням на пол.

Снизу громада замка выглядела ещё более величественной и таинственной, чем сверху, от чего молодые люди потратили ещё с полчаса на обход строения и осмотр стен.

Дива сделалась задумчивой.

– Какие же они были великие архитекторы!

– Ликозиды? – хмыкнул Матвей, представив жвалы восьминогого паука-волка, увеличенные в сотню раз.

– Вообще инсекты.

– И какие же они были бездумные твари!

Дива с сомнением пошевелила бровью, и он добавил:

– Хотя мы мало ушли от них в этом плане. Не понимаю, почему именно тараканов выбрал Монарх Тьмы для переделки в человечество.

– Ты в это веришь?

– Как же мне не верить, если отец видел предков собственными глазами? Ну или глазами своих предков. Инсекты были! И мы их потомки.

Матвей заметил тёмную арку, открывающую вход в глубины замка Ликозидов.

– По-моему, нам сюда.

Вошли под своды тоннеля, стены которого, светящиеся изнутри, как тлеющие угли, были сплетены из жил и паутинных сетей. Через два десятка метров впереди открылся зал, выглядевший раскалённой глоткой какого-то левиафана, образованный скользкими на вид буграми «мышц», «связок» и «жабр». Посреди зала из неровного бугристого пола, почти не светящегося, тёмно-вишнёвого цвета, вырастало необычной формы сооружение, похожее на развернувшийся тюльпан из полупрозрачного материала, над которым сходились в узел крыши «беседки» членистые лапы пауков. Основание «тюльпана» представляло собой ложе саркофага, внутри которого проглядывали чёрные «кости скелета» царя Ликозидов.

Матвей уже видел саркофаг, поэтому бросил на него только беглый взгляд, обратив внимание на зал. Показалось, что с прошлого раза в зале стало темнее. Возможно, источник энергии, поддерживающий жизнеобеспечение сооружения, начал иссякать.

Дива обошла саркофаг.

– Что за Вещь там хранится?

– В самом саркофаге как в пространственном коконе находится скелет главного Ликозида, этот же кокон поддерживает и канал связи с Великой Вещью, точнее, поддерживал. Отец говорил, что под Троице-Лыково хранился Психрон.

– Психотронный генератор?

– Если честно, я не знаю, но по названию похоже.

– Значит, сейчас Психрона здесь нет?

– Его вообще здесь не было, в самом зале, саркофаг был магически связан с определённым местом, где и находился Психрон. Забрать его можно было только через данный саркофаг.

– Тогда понятно, почему МИР не охраняется.

– Почему?

– Если Вещь забрали, замок уже никому не нужен.

Матвей замолчал, так как эта мысль пришла и к нему.

Однако они ошибались. МИР Ликозидов охранялся.

После того как молодая пара обошла весь зал, осмотрела его ниши и полости, изучила саркофаг и направилась к лестнице, дорогу им преградил высокий худощавый мужчина в обычной гражданской одежде, без каких-либо экзотических деталей и «амулетов», худой, коричневолицый, с шапкой густых чёрных волос. Морщины избороздили его лицо, словно трещины – глыбу гранита, светло-серые глаза смотрели внимательно, изучающе и жёстко, сухие прямые губы напоминали клещи.

Несколько секунд исследователи замка и незнакомец разглядывали друг друга.

Дива прошептала:

– Кто вы?

Коричневолицый едва заметно усмехнулся.

– Мы забытые следы чьей-то глубины.

– Хранитель, – пробормотал Матвей. Осторожно добавил: – Мы только посмотрели...

Жёсткие губы мужчины сложились в подобие улыбки.

– Я уже понял. А вы кто? Впрочем, угадаю: ты – сын Васи Балужева...

– Котова, – поправил Матвей.

– Я знал его Балужевым. А ты, – глаза мужчины встретились с глазами Дивы, посветлели, – если не ошибаюсь... дочь Соболева.

– Не ошибаетесь, – ни капли не смутилась девушка. – Можно узнать, с кем мы имеем честь общаться?

– Меня зовут Варсонофий, я внук Матфея-Хранителя. Московские МИРы – моя епархия.

– Мы думали, этот модуль не охраняется, – сказал Матвей, вспоминая, что рассказывал ему отец о Хранителе Матфее, когда-то бывшим иерархом Внутреннего Круга.

– О существовании этого МИРа знает очень ограниченный контингент, и вы правы – деятелям Криптосистемы, включая масонские Ордена, Союзы Неизвестных и Чёрные Мессы, он не нужен. Мы отсекаем лишь исследователей от науки, копателей-

археологов, рыщущих по свету в поисках наживы. Для потребителя артефакты инсектов ещё долго не будут существовать.

– Мы никому не расскажем...

– Ну, это не обсуждается, – снова улыбнулся Варсонофий. – Дело в другом.

Откуда-то издалека в зал усыпальницы долетел мягкий гул, задрожал пол зала, мигнули стены.

Матвей замер, прислушиваясь, начиная догадываться.

Коричневолицый Хранитель (интересно, сколько ему лет? На вид около пятидесяти, но если Матфею было больше трёхсот, то и ему, наверно, далеко за сто?) качнул головой.

– Нам пришлось взорвать тот вход, по которому вы проникли в модуль.

– Зачем?

– За вами пытались пройти люди с чёрной аурой.

Матвей вспомнил взгляд, лизнувший спину. Он не обманулся, за ними следили. Кто?

– Вы знаете этих людей?

– Не имею чести. Они очень плохо пахнут. Однако сюда теперь пробраться будет практически невозможно. Нам надо было закрыть этот вход давно.

– Как же мы вернёмся? – тихо спросила Дива.

Варсонофий оценивающе посмотрел на капитана.

– По-моему, он найдёт выход. Ты ведь посвящён?

– Н-нет, – мотнул головой Матвей.

– Странно... не посвящён, а светишься. Что ж, попытайся увидеть невидимое, сын Мастера, сделаешь шаг вперёд. Прощайте, милостивые сударь и сударыня, я спешу.

Хранитель отступил и буквально испарился из зала, словно привидение.

Матвей и Дива переглянулись.

– Колдовство, – улыбнулась девушка.

– Не колдовство, – возразил он, проводив отступление Хранителя внутренним чутьём, – он просто умеет быстро двигаться.

– А ты?

Прямой вопрос предполагал прямой ответ, и Матвей сделал то, на что намекнула интуиция: вошёл в темп и оказался за спиной спутницы.

– Я здесь.

Она оглянулась, раскрывая глаза, явно ошеломлённая фокусом, покачала головой.

– Ты тоже колдун!

Матвей рассмеялся.

– Всего лишь сын своего отца. Могу и тебя научить так двигаться, а лучше, если это сделает отец. Это он меня тренировал.

– С такими данными, как у тебя, можно тренироваться.

– Ты тоже дочь инфарха, так что в твоих генах наверняка заложены возможности колдуньи.

– Я подумаю. – Дива бросила взгляд на браслет айкома. – Однако нам пора возвращаться, мы тут бродим уже три с лишним часа. Хранитель сказал, что вход со стороны Троице-Лыково взорван.

– Сейчас. – Матвей сосредоточился на вхождении в изменённое состояние сознания, как проделывал это не раз при попытках выйти в астрал.

Кровь побежала по жилам быстрее, голова наполнилась тихим звоном напряжения, по коже рассыпались мурашки, порождая щекотное ощущение лёгкого массажа.

Давай! – приказал он организму, безотчётно переходя на иную сенсорику, увеличивающую чувствительность психики на порядок.

Замок Ликозидов стал прозрачным, а вместе с ним и каменные стены пещеры, в котором он располагался. Стали видны щели и дыры в стенах, какие-то полости и перепонки. Обозначилась петля хода, начинавшегося с другой стороны сооружения пауков, ведущая куда-то к реке.

Матвей вышел из ступора, обнаружив, что Дива держит его за руку.

– Что с тобой? – шёпотом спросила она.

Сознание прояснилось, хотя обострённое обоняние продолжало воспринимать тысячу запахов, осязание – теплоту рук девушки и пульсацию пульса, слух – миллион звуков, не слышимых ранее.

– Всё в порядке, я медитировал.

– Ты был как... статуя.

– Зато увидел выход.

– Как?

– Бог его знает, – признался он. – Просто я иногда чувствую всю палитру излучений природы, знание приходит само собой. А тут ещё недавняя... – Он осекся.

– Что?

– Юстировка, – нашёлся Матвей. – В Адыгейском МИРе я залез в саркофаг Акридидов... пустой... и получил по мозгам.

Дива посмотрела непонимающе, и он добавил успокаивающе:

– Меня словно разобрали и собрали вновь, я тоже увидел второй выход. Мы со Стасом по нему и выбрались из подземелья. Нынешний случай – чуть ли не зеркальное отражение того, разве что сегодня по нам не стреляли.

– В Адыгее стреляли?

Он понял, что сболтнул лишнее, виновато сморщился.

– Было дело.

Дива подождала продолжения, изучая лицо спутника.

– Опиши, что ты видишь.

– Мир вокруг как бы расширяется, становится прозрачным, я начинаю видеть все детали в радиусе километра, а то и больше.

– Как экстрасенс?

– Что-то в этом роде.

– Ну, и куда нам теперь идти?

Матвей сосредоточился, ориентируясь в пространстве в соответствии с озарением, решительно направился к выходу из зала.

– Не отставай.

Они выбрались наружу, обошли громаду замка, обнаружили полость, ничем не отличимую от ряда других таких же ниш в стенах пещеры, и Матвей уверенно нырнул в овальную дыру хода.

– Сюда.

Полость превратилась в подобие грота, вытянулась в узкую выработку явно искусственного происхождения, которая перешла в коридор, долго петлявший из стороны в сторону, то опускавшийся, то поднимавшийся, не освещённый ни одним источником света. Наконец ход в последний раз вильнул, резко загнулся вверх и превратился в колодец со скобами.

– Я первый.

Матвей полез по скобам, приносясь к неаппетитным запахам, наплывавшим из каких-то щелей, упёрся в решётку, за которой

виднелся ржавый люк. Было видно, что ни люком, ни ходом давно никто не пользовался.

Интересно, как отсюда выбирался Хранитель? – подумал Матвей, разглядывая решётку и замок на ней.

– Что там? – слышался звякнувший металлом эха голос спутницы.

– Заперто, замок... замуровали, демоны.

– Где мы?

– Не знаю, мы протопали километра два, примерно в западном направлении, возможно, над нами Крылатское.

– Помочь?

– Кусачки есть?

– Шутишь?

– Здесь нужны кусачки или лом. – Матвей попробовал просунуть руку сквозь отверстие решётки, пошевелил висящий замок, дужку которого толщиной в два сантиметра вряд ли можно было перекусить обычными кусачками. Какого чёрта? Хранитель посмеялся, направив их сюда? Или они свернули не в тот коридор? Неужели придётся возвращаться?

Руки затекли. Он устроил фонарь между скобой и стенкой колодца, чтобы не мешал, просунул обе руки в квадраты решётки, ощупал замок, соображая, что с ним можно сделать. Озарение снизошло на голову невидимой небесной зарницей, он даже не настраивал себя на экстрасенсорное восприятие.

Мысль-воля вонзилась в тело замка, ставшее прозрачным, как виртуальная отмычка, нашла язычок, кронштейн, вилку с зубцами, винты крепления. Матвей напрягся, мысленно проворачивая «отмычку», раздался щелчок, и дужка замка отскочила вверх, освобождая скобу. Замок упал на решётку, как чугунное ядро.

Матвей выдохнул, не удивляясь своему умению, пробормотал:

– Из меня бы вышел хороший медвежатник...

– Что?

– Порядок. – Он толкнул решётку от себя, помог плечом, подлез к люку, готовый проделать трюк по открыванию ещё одного замка, но делать этого не пришлось: массивная пластина люка просто закрывала горловину колодца, как обычная крышка канализационной системы.

– Лезь сюда.

Дива завожилась внизу, выбралась к нему, с любопытством посмотрела на откинутую крышку, на замок.

– Как ты его открыл?

– Уговорил, – пошутил Матвей. – Выползаем?

– Один вопрос.

– Валяй.

– Куда вы летите со Стасом?

Нога соскользнула со скобы, он вынужден был ухватиться за плечо девушки, поддерживавшей его под локоть.

– С чего ты взяла?

– Я знаю, что готовится какая-то акция за рубежом, в которой участвует одно из частных военных подразделений, и Стас является разработчиком акции.

– Откуда сведения?

– Есть люди, приближенные к Леонарду Маратовичу. А поскольку ты повсюду сопровождаешь Котова, он наверняка и тебя вовлечёт в свои дела. Куда вы летите?

– Я не имею права...

Палец Дивы лёг на губы капитана.

– Поверь мне, это очень важно. Мне надо знать, что они затевают. Обещаю ни с кем не делиться информацией.

Сердце оборвалось.

– Значит, ты начала встречаться со мной только из-за того, чтобы получить нужные сведения?

– Не только, мне было интересно беседовать с сыном Котова-старшего, о котором в узком кругу посвящённых ходят легенды. Мне вообще интересно, как ты говоришь и воспринимаешь мир вокруг, какие принимаешь решения, а сегодня я убедилась, что ты сохранил кое-какие умения людей Круга. Тебя пропустили в МИР, хотя Хранители должны были ограничить доступ в модули инсектов, это их долг.

– Они знают отца...

– Они считают тебя своим, иначе нас здесь не было бы. Варсонофий сказал, что ты светишься.

– Ты говоришь так, словно читаешь приговор, – криво улыбнулся Матвей. – Зачем тебе знать, что затекает Стас?

– Затекает, может быть, не Стас – кое-кто гораздо опаснее его, он простой исполнитель. Но если не хочешь говорить, куда вы собрались, не говори. В конце концов это станет известно.

– На Кипр.

Дива потёрла лоб пальцами.

– На Кипр...

– Там в горах Троодоса есть храм святого Иоанна, из которого можно пройти в МИР...

– Я поняла. – Неожиданно горячие губы девушки прижались к его губам. – Благодарю! В долгу не останусь. Выходим.

Ошеломлённый поцелуем Матвей приподнял крышку люка.

Один за другим они вылезли на узкую бетонную полосу, идущую вдоль берега какого-то водоёма, с двух сторон обсаженную кустарником. Справа виднелся забор, за которым вырастали высоты близкого жилого массива.

Матвей не ошибся, это и в самом деле было Крылатское.

Глава 7. Вы не поверите

Президент выглядел неважно, и Артур забеспокоился, приглядываясь к бледному лицу Игоря Владиславовича, на котором выступили бисеринки пота.

– Плохо себя чувствуете?

– Отвратительно! – признался глава государства, умачиваясь за рабочим столом с грацией бегемота. – А мне с утра встречаться с дипломатами, потом ехать на Поклонную гору.

– Что беспокоит?

– Вы врач? – скривил губы президент.

– Я вижу, что за последний месяц вы крепко сдали. Нужно пройти обследование, в том числе на магнитно-резонансном томографе. И сдать анализы на ПСА.

– Зачем?

– Всем мужчинам за сорок рекомендуется регулярно проверяться на онкомаркёр. Вы не исключение. К сожалению, уже существуют технологии дистанционного впрыска вируса рака, откалиброванные американцами на президентах стран, не поддающихся контролю. Из свежих примеров – президенты Нигерии Чоку Мон и Северной Кореи Ким Дун Го, более ранний – президент Венесуэлы Уго Чавес. Всего таких случаев набирается больше двадцати по всему миру, большинство из них – африканцы и азиаты.

– Вы в это верите?

– Я это знаю, – мягко сказал Артур. – Убеждён, в планах американских пастухов вы номер один на ликвидацию. Колоссальная волна антироссийской истерии, поднятая ещё при Путине, до сих пор не спала, а вы не просто продолжаете отстаивать независимость страны, вы действуете намного смелее. С кем из высокопоставленных лиц США вы встречались месяц назад?

Президент потёр лоб ладонью, собираясь с мыслями.

– Не помню... я чуть ли не каждый день встречаюсь с высокопоставленными лицами.

– С послом США, с журналистами?

– Вполне возможно, это легко проверить.

– В любом случае немедленно займитесь обследованием, обострение болей в колене может быть результатом других негативных процессов в организме. Легче остановить развитие опухоли в зародыше, нежели обрушивать на организм всю мощь современной лечебной антираковой терапии. У моего школьного приятеля обнаружили рак предстательной железы четвёртой стадии, ПСА зашкаливал – больше семидесяти пяти при норме не более четырёх, а он ничего не чувствовал.

– И что?

– Я был на его похоронах.

По губам президента скользнула понимающая усмешка, сменившаяся гримасой боли.

– Вы умеете убеждать, Артур Владиленович. Вольтарен уже не помогает... Сколько вашему приятелю было лет?

– Месяц не дожил до сорока.

– Очевидно, он не отказывал себе ни в чём. А как утверждают шутники, можно дожить до ста лет, лишь если отказываться от всего того, ради чего хочется жить до ста лет. Мне пришлось пройти через это. Однако, похоже, отказ не помог.

– Обследование, сегодня же.

– Хорошо, хорошо, уговорили. Надеюсь, вы ошибаетесь, и онкомаркёры у меня в норме. Кстати, я всегда боялся уколов и отказывался сдавать кровь на анализы. Помню даже медсестру школы, которая всегда ворчала: не бойся, боец, ничего не отвалится.

Артур улыбнулся.

Президент посмотрел на него оценивающе, налил в стакан минералки, положил на язык таблетку и запил.

– К делу. Есть новости по «чистилищу»?

– Пусть и не в полную силу, но система заработала. Вы и сами можете оценить её успехи по тому переполоху, который поднялся в СМИ. Олигархи и чиновники как тараканы побежали в органы. В правоохранительных структурах тихая паника. Пока – тихая.

– Это точно, – кивнул Игорь Владиславович. – Генпрокурор мне уже докладывал о проблемах, требовал поднять на уши ФСБ и спецназ МВД.

– То ли ещё будет. «Стопкриму» доступны не все уровни контроля, «чистильщики» взялись пока только за средние звенья

управления, выискивая откровенных врагов России, но на очереди и дорожно-постовая служба, и Следственный комитет, и прокуратуры, и суды. Через полгода мы не узнаем страну.

Президент включил компьютер.

– Мне надо знать, кому надо готовить замену в первую очередь.

Артур подал ему флешку.

– Здесь список первоочередников.

Игорь Владиславович вставил флешку в гнездо, просмотрел длинный список, составленный аналитиками «Стопкрима».

– Вы считаете, все они тянут на... «вышку»?

– На «вышку» тянут самые одиозные деятели высших эшелонов власти, такие как премьер и генпрокурор. Большинство получит урок, который запомнится им на всю жизнь.

Президент ещё раз внимательно прочитал текст.

– Министр образования... да, сволочь изрядная, креатура премьера... как и пара его заместителей. Минторг... Минобразования... полиция... кое-кого я бы помиловал...

– Обсудим. На самом деле они – пешки в руках более серьёзных игроков, хотя это и не умаляет степени их вины.

– Вы снова намекаете на каких-то таинственных игроков, не раскрывая их имён, а ведь обещали посвятить меня в тему, – сердито проговорил Игорь Владиславович.

Артур помедлил.

– Думаю, вы... не поверите. Вы не готовы к восприятию этой информации.

– Значит, будем ждать, пока меня зарежут эскулапы?

Артур выдержал мрачный обиженный взгляд президента, пожевал губами, решая задачу, к которой готовился не один месяц.

– Не хотелось бы рисковать.

– Чем?

– Вашим доверием. Принять придётся совершенно немыслимые для нынешней науки, истории и социологии вещи. Проще отмахнуться и жить спокойно, отправив информатора в психушку.

– Обещаю самую лучшую, – пошутил Игорь Владиславович.

– Что ж, разговор назрел давно, давайте окунёмся в мир, который вам неизвестен. И прежде всего прошу запомнить главное, что Земля – изделие дьявола! Как и вся эта реальность, не зря называемая

адептами Внутреннего Круга «запрещённой». Дьявол у всех разный, но сущность его одинакова для всех, за чертой любой морали, этики и логики.

– Вы называли имя...

– Безусловно Второй, во многих религиях мира он персонифицирован как Люцифер. Легенды о падении Люцифера распространены практически у всех народов планеты. Желая встать вровень с Безусловно Первым – Творцом нашей метавселенной, он изменил его Творение в согласии со своим мышлением и фантазией. Мир Люцифера тоже может быть невыразимо прекрасен – в отдельных проявлениях, но всегда он беспощаден к тем, кто его населяет, ибо и он – творение Безусловно Второго, переполненного абсолютными страстями и амбициями. В этом мире хорошо живётся только подобным ему – подлым, жестоким, властным. Умные, добрые, тёплые, радостные – погибают в первую очередь.

– Вы говорите о людях?

– Люди – творение авеши Безусловно Второго, мы называем его Монархом Тьмы или Конкере. Он изменил род Блаттоптера сапиенс – тараканов разумных, превратив их в людей. Естественно, сохранив все пороки инсектов.

Президент с любопытством оглядел спокойное, с лёгкой грустинкой, лицо советника.

– Вы тоже... этот... адепт Круга?

– Я посвящён, хотя мой уровень пока низок.

– Вы в это верите?

– Я это знаю, – повторил Артур сказанное ранее, понимая чувства главы государства. – Вы и в самом деле готовы выслушать истинную историю человечества?

Президент ткнул пальцем в столешницу, отозвавшуюся тихим звоном.

– Сергей Миронович, в течение часа я буду занят, ни с кем не соединять.

– Слушаюсь, Игорь Владиславович, – отозвался секретарь президента.

– Я готов.

Артур собрался с мыслями и выложил президенту основные положения «запрещённой реальности», бережно хранившиеся

в архивах Внутреннего Круга. Хотелось верить, что Игорь Владиславович не сочтёт его сумасшедшим.

Глава 8. Отставить разговоры!

Настроение Леонарда Маратовича после разговора с премьер-министром было сродни летнему снегопаду, помешавшему загорать на пляже в сорокаградусную жару, поэтому, вызвав Котова, он обрушил на него весь свой гнев, употребив за минуту весь запас русского мата. После чего немного оттаял.

Стас, выслушав босса, никак не отреагировал на его эмоциональный взрыв, лишь заметил хладнокровно:

– Я тоже так думаю.

– Думаешь?! – снова взвился генеральный прокурор. – Чем?!

Стас помолчал, пожал плечами.

– Мозг – мой второй любимый орган.

Меринов с недоумением воззрился на него, потом захохотал, успокаиваясь. Отсмеявшись, напился дженерика цвета запёкшейся крови, ткнул рукой в стол.

– Садись. Я только что получил взбучку от диарха. «Чистилище» замахнулось на правительство. Честно говоря, мне начхать на министров, но тенденция мне не нравится. А ты обещал выйти на эту сучью структуру и ликвидировать угрозу.

– Всему своё время. Справимся с UnUn, займёмся нашими внутренними разборками.

– Мне не нравится, что ты слишком спокоен. Иногда у меня возникает почти неодолимое желание посадить тебя на кол и посмотреть, долго ли ты протянешь. – Меринов хихикнул. – Оруженосец Воина Закона, мля.

Стас остался равнодушным к угрозе.

– Никогда не стоит ограничивать себя в благих намерениях.

– Так ты не замыслил самостоятельную игру, как считает мой первый зам?

– Мне хорошо за вашей спиной.

– Странно, что ты служишь мне. – Меринов медленно стёр ухмылку с лица. – Ведь ты воевал с моим отцом.

– Я воевал со всеми. Что вас не устраивает?

– Пока что устраивает всё, хотя ты начинаешь ошибаться.

– В чём?

– Я просил тебя наладить контакт с Соболевой, до сих пор кочевряжится, строит из себя недотрогу.

– Дайте время, я её уговорю.

– Не хочу ждать! И так слишком долго жду... неизвестно чего! Ты знаешь, что она встречалась с твоим братцем?

– На уровне детского лепета.

– На уровне? Они вдвоём были замечены в Троице-Лыково, наши люди пошли за ними...

– Куда? – впервые проявил эмоции Стас.

– Под землю, где было старое кладбище. Что там расположено, ты не в курсе?

– Возможно, модуль...

– Возможно? Почему я об этом не знаю? Чей это МИР, какая Вещь там хранится?

– Я выясню.

– Выясню... поздно уже, наши парни полезли туда и взорвались к чёртовой матери! Если там и был вход в МИР, он завален.

– А эти... брат и Соболева?

– Он тебе не докладывает, куда ездит и с кем встречается? Ты что, не видел его сегодня на базе?

– Видел.

– Прекрасно, он тебе ничего не сообщил. Немедленно вызови и спроси, что он делал в компании с замом генпрокурора в Троице-Лыково. Потом доложишь. Соболева на работе как ни в чём не бывало. Побеседуй, поинтересуйся как бы невзначай. Впрочем, – Меринов допил тоник, – я сам с ней побеседую, не отвлекайся от главного. Давай пройдемся по основным пунктам операции.

– Ничего не изменилось, план у вас в компе.

– Повтори концепцию, я попытаюсь найти слабые места. Кое-что мне не нравится.

По лицу Стаса пробежала тень, но так быстро, что Леонард Маратович этого не заметил.

– Засылаем группу на Кипр за неделю до Схода. Провоцируем подготовку акции с выгрузкой инфрана. Я ещё не решил, что будет лучше, чему больше веры – инфрану, взрывному устройству или кластеру нанитов. Хотя всё это блеф, чтобы группа поверила

в серьёзность операции и ждала груз, который якобы придёт морем. Потом мы аккуратно сдадим группу службе безопасности Кипра. Все вздохнут с облегчением – путь свободен, коварные русские обезврежены. Останется только ждать прибытия делегаций.

Меринов остался совершенно неподвижен, вперив задумчивый взгляд в пространство.

– Всё, – добавил Стас, – аминь.

Генпрокурор очнулся.

– Не слишком ли всё просто? Прилетят не простые отдыхающие, но пастухи государств!

Губы Стаса изогнулись, изображая пренебрежительную усмешку.

– Да, они пересекают границы так же беспрепятственно, как парящие в небе птицы, но они всё же люди и, не имея возможности использовать тхабс, эксплуатируют те же способы доставки, что и обыкновенные туристы. Даже если это будут новейшие космические самолёты типа «Х 37-АА» или машины бизнес-класса. Без магической защиты они уязвимы, как и любой гражданский самолёт. Нам и надо-то выпустить всего одну ракету «земля-воздух»... либо «вода-воздух». Турки на севере Кипра затеяли военные учения, в ходе которых будут продемонстрированы военные стрельбы, в том числе – зенитно-ракетными системами, и мы этим воспользуемся. Виноваты будут они.

Меринов плотоядно облизнулся.

– Слишком просто... нужны ещё варианты. К тому же сбить надо будет два самолёта.

Стас понял, качнул головой.

– Решайте, что важней, ракету можно будет запустить лишь раз, после чего все спутники США возьмут Кипр под контроль. Мы сможем сбить либо самолёт с делегацией США, либо наш.

– Оба! А лучше весь «Комитет 300»!

– Вы же знаете, что это невозможно. Все спецслужбы мира будут работать на Кипре, если уже не работают, оберегая свои делегации. Мы туда даже атомную бомбу не сможем сбросить.

– Это было бы великолепно! – зажмурился Меринов, посуровел лицом. – Не хочу слышать слово «невозможно»! Для меня нет ничего невозможного! Просчитайте вариант уничтожения обоих Союзов.

– Слушаюсь.

– И вот ещё что... ты хорошо знаешь советника президента?

– Суворова? Знаю... по давней истории.

– Надеюсь, вы с ним не друзья? – Меринов закурил. – Он нам мешает. Можно найти способ его нейтрализовать?

Стас стоически пропустил подлетевший к нему клуб дыма.

– Я бы не стал действовать радикально, надо попробовать переманить его на нашу сторону.

– Попробуй, не получится – уберём. Ты уверен, что сможешь добыть «сорок» на Кипре? Твои наёмники не должны знать, ради чего мы затеваем десант на остров.

– Они не знают. Я возглавлю группу и сам проберусь в МИР... вместе с братом. Он неплохой экстрасенс.

– Брата после операции убрать! Я прилечу, как только ты сообщишь о захвате «сорока».

В глазах Стаса зажёгся огонь... и погас.

– Слушаюсь, маршал. Если «сорок» существует. И если находится на Кипре.

– Убеждён, существует, недаром Дубинин из Италии рванул на Кипр. А он ничего не делает зря.

– Великие Вещи потеряли силу. Мой братец хранит Свисток, то бишь Иерихонскую Трубу, но она мертва.

– А вдруг нет? Вдруг есть возможность их оживить? Да и Свисток должен быть у нас.

– Я контролирую ситуацию.

– Вот и отлично. Работай, завтра утром лично проверю готовность группы.

Стас встал и вышел, не оглядываясь, демонстрируя железное терпение, уверенность в себе и слепое подчинение воле босса.

Меринов проводил его нехорошим взглядом, набрал номер мобильного.

– Семёнов, зайди.

Через минуту в кабинет зашёл главный дознаватель Генеральной прокуратуры полковник Семёнов Геннадий Борисович. Тяжеловесный, осанистый, с серебристой порослью на лице, за которой он ухаживал почти так же заботливо, как недавно сошедший с ума певец Киркорин за своей знаменитой кольцевой бородкой «а-ля эспаньолка».

– Госпожа Соболева сегодня, в крайнем случае завтра, должна поселиться у меня.

– Предел воздействия? – не удивился приказу Семёнов.

– Никаких картинных схваток, погонь и стрельб, всё должно быть тихо и пристойно. Укол психотропика, глоток сока... не мне тебя учить.

– Могу предложить новейший МКН плюс эффективный альфа-поневолик.

Речь шла о применении микрокластера нанитов, способного нести дозу препарата, нейтрализующего волю человека.

Меринов помедлил.

– Она ничего не должна будет помнить.

– Я понял. Позвольте уточнить: дата Схода не меняется?

– Девятого, как и планировалось. – Семёнов имел в виду съезд генералов Купола, и Меринов не зря назвал его Сходом – по аналогии с готовящимся съездом Союзов Неизвестных: он собирался после устранения российского Союза заменить иерархов своими людьми.

– Там же?

– Я же сказал – без изменений.

Генпрокурор каждый год устраивал «симпозиум» лидеров мафиозного сообщества России в подмосковной Барвихе, где выслушивал доклады, карал и миловал, и не собирался менять привычки.

Семёнов вышел. Он был предан Меринову всей чёрной душой, так как тот вытащил его из СИЗО в Казани, где полковник работал в местной полиции и мог получить срок за превышение полномочий – иными словами, за избивание подсудимых.

Леонард Маратович расплылся в улыбке, представляя, как Дива Соболева появляется у него в спальне, голая...

– Я так хочу! – вслух заявил он.

В дверь постучали, вошла секретарша.

– К вам делегация из Перми, Леонард Маратович.

Меринов очнулся.

– Через пять минут. Свари кофе.

– На всех?

– Мне.

Секретарша вышла.

На панели селектора зажёгся красный огонёк, и тотчас же зазвонил красный правительственный телефон: звонил президент.

Меринов протянул к нему руку, потом злорадно отдернул.

– Потерпишь. – Ткнул сенсор вызова секретарши: – Клавдия, ответь президенту, что я занят. Освобожусь – позвоню.

Настроение улучшилось.

* * *

Весь день прошёл в деловой суете, не позволявшей ни расслабиться, ни позвонить кому-либо из друзей. Даже с Матвеем поговорить не удалось, хотя у Дивы были к нему вопросы.

– Вечером увидимся, – пообещала она.

– Теперь уже после возвращения, мы улетаем завтра утром, поэтому я на базе.

– Позвони попозже, к ночи, пообщаемся.

– Обязательно. – Матвей помолчал. – У меня плохое предчувствие... береги себя.

– Что со мной случится? Я на Кипр не лечу. Это ты будь осторожнее, не рискуй напрасно, тебя здесь будут ждать.

– Двое с носилками? – рассмеялся он.

– Я. – И Дива выключила телефон. Представила выражение лица молодого человека, улыбнулась. Он явно был влюблён в нее, это чувствовалось на расстоянии, но что она могла предложить? Что сказать? Ты мне нравишься? Детский лепет на лужайке... хотя, если признаться, он и в самом деле нравился, горячий, искренний, простой, открытый... и кое-что умеющий, чему научиться нельзя. Гены Мастера Круга, однако. Будь осторожен на Кипре, мальчишка, не лезь на рожон! Кстати, есть предмет для разговора с Тарасом. Что за МИР прячется в горах острова? И зачем туда летит Стас Котов?

День закончился беседой со вторым замом генпрокурора, Сашей Звигулиным, потомственным казаком, как он представился при первой встрече. Саша занимался внешнеполитической деятельностью, хорошо знал историю, нередко высказывал интересные суждения о том или ином деятеле и писал детективы, которые издавало одно небольшое московское издательство. Чтение детективов не входило в пристрастия Дивы, она предпочитала классику, но беседовала с коллегой с удовольствием.

Уже перед самым уходом ей позвонил полковник Семёнов, главный сыщик Генпрокуратуры, славившийся своей преданностью генеральному прокурору:

– Дива Матвеевна, будьте добры зайти ко мне на минутку.

Просьба удивила, полковник мог бы и сам зайти к ней в кабинет, хотя прежде их деловые интересы не пересекались.

– Что-то случилось, Геннадий Борисович?

– Для вас есть интересные новости.

– Новости, для меня? – засомневалась она.

– Для вас лично, зайдите, пожалуйста. – Семёнов положил трубку.

Дива взялась за сумочку, не понимая, что ей не понравилось в словах коллеги, набрала номер:

– Тарас, я на пять минут зайду к полковнику Семёнову, он для меня что-то приготовил.

– Хорошо, не задерживайся, – ответил ей лаконично мужской голос.

Дива заперла кабинет, дошла до противоположного крыла здания, постучала в дверь с табличкой: «Г. Б. Семёнов».

– Войдите, – донеслось из-за двери.

Потянула дверь за ручку, вошла.

Полковник, приземистый, массивный, с зализанными со лба на затылок блестящими волосами, стоял у стола, одной рукой пощипывая бородку, а в другой держа красивую шариковую ручку.

– Слушаю, Геннадий Борисович, – сказала она, удивлённая поведением главного дознавателя.

Глаза полковника сузились, он повертел в пальцах ручку, и на щеку женщины что-то упало, словно капля воды. Она почувствовала тоненький укол, похожий на комариный укус, хотела поднять руку, чтобы согнать с лица комара... и всё поплыло перед глазами.

Полковник подхватил пошатнувшуюся гостью, усадил в кресло, спрятал в карман ручку.

– Ласкин!

Вошёл молодой парень могучего телосложения, за ним второй такой же. У обоих были тугие, ничего не выражающие лица.

– В машину, отправляйтесь на вторую дачу, я за вами.

Парни взяли обмякшую женщину под руки, вывели из кабинета.

Полковник склонился над столом, нажал клавишу селектора.

– Мы поехали, Леонард Маратович, всё тихо.

– Буду поздно, – ответил голос генерального прокурора, – ничего не предпринимайте, на сколько часов рассчитано действие препарата?

– На двенадцать.

– Хорошо.

Диву вывели во двор через второй выход, усадили в джип «Рендж Ровер» с тонированными стёклами.

Джип выехал с территории Генпрокуратуры.

Мужчина с седыми волосами, сидевший в кабине белого «Порше Аллигатор», припаркованного в ряду машин напротив здания, равнодушно проводил его глазами, затем встрепенулся, поднимая брови, сосредоточился на запоминании номера джипа, в глазах его протаяли сомнения. Он включил cabinный блютуз, произнес одно слово:

– Первая.

Однако мобильный Дивы не отозвался...

Глава 9. Кипрская одиссея

Самолёт сел в Ларнаке в двенадцать часов дня по местному времени.

Матвей и Стас взяли свои небольшие сумки-чемоданчики и в толпе пассажиров влились в вестибюль таможенного терминала аэропорта как самые настоящие туристы. Им предстояло добраться до Лимассола и поселиться в отеле «Фор сизонс», чтобы наутро отправиться «на экскурсию» в деревушку Калопанайотис, возле которой располагался древний монастырь двенадцатого века Айос Иоаннис Лампадисту.

Выйдя из здания аэропорта под внимательными взглядами полицейских в белых рубашках и белых шортах, с белыми фуражками, прошли зону такси и свернули к парковке частного транспорта, где их ждал беленький фургончик «Мороженое» с одним окошечком в грузовом салоне.

Температура воздуха в начале октября на Кипре мало чем отличалась от температуры конца августа в Москве и была вполне комфортной – плюс двадцать пять градусов по Цельсию. За пределами аэропорта пахло полынью, незнакомыми цветами, созревшими финиками и горячим асфальтом.

Стас остановился напротив фургончика, разглядывая машину.

Рядом с водителем сидел смуглолицый мужчина с бородкой, заметил гостей из Москвы, вылез, уступая место, но Стас отказался сесть впереди. Спросил по-английски:

– Кондишн в кабине есть?

– Конечно, дорогой, – ответил киприот на ломаном английском, – мороженое возим.

– Тогда мы сядем рядом с холодильником.

С трудом разместились в тесной кабинке напротив окна. Дверь встала на место, фургон тронулся.

– Не стоит светиться лишний раз, – косо посмотрел на брата Стас.

– Я понял, – буркнул Матвей, у которого испортилось настроение; он дважды пытался дозвониться до Дивы, и дважды она не ответила.

– Был на Кипре?

– Был.

– Где?

– В Пафосе.

– На западе, оценишь теперь кипрское гостеприимство на востоке острова. Лимассол – хороший городишко, а полоса ресторанчиков напротив «Фор сизонс» вообще уникальна. И готовят очень хорошо.

Матвей хотел сказать, что они прилетели сюда не отдыхать, но передумал. После бесед с Дивой он старался меньше разговаривать на темы, касающиеся жизненно важных интересов, и больше слушать, следуя известному афоризму: лучше молчать и слыть идиотом, чем заговорить и развеять все сомнения.

Всего в команде, направленной на Кипр, насчитывалось двенадцать человек, включая Стаса и Матвея. Но только они вдвоём ехали к месту сбора через Лимассол, остальные должны были добираться через аэропорты Никосии и Пафоса. Из Никосии двойками и поодиночке бойцы на общественном транспорте ехали по шоссе В9 Никосия – Троодос, из Пафоса – по шоссе В7.

Стас и Матвей вылетели первыми, поэтому их ждал суточный отдых, после которого на следующее утро им должны были подать такси. На вопрос Матвея: «Где мы будем ждать остальных?» – Стас ответил:

– Возле монастыря. – Уточнил: – У каждого своя тургруппа, но всё рассчитано так, чтобы отряд собрался в нужном месте в нужное время.

– Кто рассчитывал?

– Специально обученные люди, – фыркнул Стас. – Ты думаешь, мы предоставлены сами себе? Ошибаешься. Наводкой и сопровождением группы занимается не одно подразделение спецслужб.

– У Генпрокуратуры есть спецслужбы? – простодушно удивился капитан.

– Во-первых, и у неё есть свои спецподразделения. Во-вторых, нас поддерживает Служба внешней разведки, её директор – приятель Леонарда Маратовича. В-третьих, я тебе уже говорил, что основа группы – подразделение быстрого реагирования «Вызов», база которого находится в Раменском. Всего в операции задействовано

более ста человек, плюс спутниковые сети и резиденты в других странах. Ещё вопросы есть?

Матвей покачал головой. Масштаб предстоящей операции его впечатлил. Он с трудом представлял, как будет осуществлён перехват делегатов Союза Незвестных США, хотя все варианты операции были проработаны ещё на базе, но капитана это волновало мало. В его задачу входил поиск МИРа и Великой Вещи внутри него, что было гораздо интереснее. Об этом он и размышлял, пока белый «Опелёк» вёз «туристов из Украины» – как они себя позиционировали – в Лимассол.

Пятизвёздочная гостиница «Фор сизонс» не представляла особой архитектурной ценности, будучи выстроенной на берегу залива Акротири ещё в конце двадцатого века. У входа гостей встретил фонтан в форме шара из стеклянных форсунок, пальмы справа и зеркальные вертящиеся двери.

В холле было прохладно, чисто и тихо, летний наплыв туристов закончился, у стойки администрации не толпился загорелый народ, а на диванах в глубине холла, справа от бара, сиротливо пили кофе всего два гостя мужского пола и леди пенсионного возраста, судя по мужеподобной фигуре и одежде «а-ля Меркель» – немка.

Как оказалось, номера «украинцам» были уже заказаны. Селились они под чужими фамилиями как «политик» Федченко» (Стас) и «бизнесмен» Цыбило (Матвей). Чемоданов и саквояжей у них не было, поэтому оживший было при появлении гостей молодой носильщик в форме, помогавший доставлять багаж в номер, разочарованно вернулся к двери.

Поднялись на второй этаж. Номера братьев располагались друг против друга, но окно номера Стаса смотрело на море, а Матвея – на городскую улицу и горы за ней, что отражалось и в ценах проживания: номер Стаса стоил на сто евро дороже.

– В принципе, нормально, – сказал он, разглядывая одноместный «сингл» Матвея. – Кондишн работает, свиньи по коридорам не гуляют.

Матвей непонимающе посмотрел на спутника, и Стас добавил:

– На Багамах отдыхал когда-нибудь?

– Нет.

– Там есть отель «Поркки», в котором можно отдохнуть со свиньями. Хрюшки там ходят по коридорам и даже купаются

в бассейнах с отдыхающими. Кайф сомнительный, но любителей подобной экзотики хватает.

– Дуристика!

– Согласен. Полчаса на душ, переодевание, и идём обедать.

– Вдвоём?

– Кто тебе ещё нужен?

– Нас же встречали.

– У них свои планы, а мы до утра предоставлены сами себе. Зайду через полчаса.

Стас вышел.

Матвей подошёл к окну, оглядел улицу: показалось, кто-то наблюдает за гостиницей, – потом бросил сумку в шкафчик, умылся с дороги, взял из миниатюрного холодильника запотевшую бутылку минеральной воды «АСТ», напился, размышляя о предстоящей операции.

По плану, разработанному аналитиками базы в Раменском, группа должна была скрытно обшарить окрестности и сам монастырь, убрать возможных наблюдателей и диверсантов противоположной стороны и вовремя привести в действие инфран, который должны были доставить на остров курьеры из России. Матвей же был обязан найти вход в МИР, расположенный под монастырём в недрах острова, откуда и предполагалось атаковать съехавшихся лидеров «Комитета 300», как между собой называли сообщество «пастухов» человечества сами лидеры.

Предполагалось два варианта операции: первый – уничтожить весь Сход с помощью инфрана, мощного генератора инфразвука, второй – с помощью взрывного устройства, способного обрушить потолок пещеры. Генератор, а также бомбу и должны были заложить в монастырь бойцы группы ещё до прибытия иерархов «Комитета». Отступление планировалось совершить на подводной лодке, на которой планировалось доставить средства для уничтожения.

План был прост настолько, что не у одного Матвея вызывал сомнения в его эффективности, однако инструкторы, тренировавшие группу, и разработчики операции сумели внушить всем, что именно такой план и должен привести к успеху, поэтому обсуждать детали операции в кулуарах и на перекурах бойцы группы перестали. Всем выдали хороший аванс – по двадцать тысяч «зелёных», обещав после

возвращения выдать ещё по пятьдесят тысяч, и все разговоры о риске и возможной неудаче прекратились. Хотя сомнения у Матвея остались – на уровне интуитивного «запаха опасности», не выразимого словами.

Впрочем, об успехе конечной фазы операции он не думал, в его задачу входил поиск Великой Вещи в саркофаге насекомых, – а под монастырём прятался, по словам Стаса, замок прямых предков людей – Блаттоптеров, тараканов разумных, – и доставка её в Россию. При невозможности доставки – инициация Вещи, по информации Стаса – той самой пресловутой «сорок сороков», которая могла круто изменить мир в лучшую сторону.

Ещё когда летели из Москвы на Кипр, Матвей высказал свои сомнения в форме размышления о значимости Схода для всех участвующих в нём Союзов Неизвестных.

– Все делегации наверняка будут действовать так, чтобы обезопасить главных действующих лиц, – сказал он. – Значит, к монастырю съедутся и другие спецкоманды, а над островом зависнут спутники, контролирующие район сбора.

– Так и будет, – спокойно подтвердил Стас. – Но мы, вопервых, летим раньше всех, вовторых, на нас работает и СВР, и ГРУ, и контрразведка ФСБ, а третьих, никто никогда не пытался атаковать UnUn – в силу тех же соображений: любое нападение будет отбито либо задавлено в зародыше. Все будут считать себя круче остальных. А мы – нападём! Но прежде надо найти «сорок», в этом случае мы тихо слиняем отсюда с Вещью либо приведём её в действие, и живыми всё равно никто не уйдёт.

В словах брата был резон, он рисковал не меньше остальных, и Матвей в конце концов дал себя убедить. Но сомнения преодолеть так и не смог, расстраиваясь в душе, что не может посоветоваться с отцом.

Стас позвонил через двадцать минут:

– Выходи строиться, я в холле.

Матвей бросил взгляд на синее безоблачное небо и куртку надевать не стал; погода выдалась отличная, будто готовилась к встрече гостей специально.

Стас был одет по моде «городское милитари» – в камуфляж-штаны цвета асфальта, зеленоватую рубашку-апаш и пятнистую

безрукавку. На спине безрукавка имела надпись: «Рідна мати війна». Матвей удивился броскости наряда брата, подумав, что Стас вырядился так не зря, имея какую-то стратегическую цель, но расспрашивать его не стал.

Двинулись направо, вдоль улицы, миновали угрюмоватое тяжеловесное здание отеля «Аматус», похожее на гранитный утёс. За Т-образным перекрёстком Стас свернул к маленькому ресторанчику под вывеской «У Петерса».

– Русский ресторан? – удивился Матвей.

– Нет, владелец – грек, но работают здесь в основном выходцы из республик бывшего СССР. Повар великолепно готовит клефтико.

– Что?

– Мясо «по-пиратски», бараний мосол, запечённый в фольге в глинобитной печи. За уши не оттащишь!

Сели в глубине небольшого зала, за аквариумом с живыми рыбками.

Тотчас же к гостям вышла молодая женщина в белом фартучке, блондинка явно славянского происхождения, с круглыми плечами и голубыми глазками, улыбочивая, подала меню.

– Пыва, – сказал Стас с украинским акцентом, разворачивая меню, текст которого был напечатан на английском и русском языках.

– Европа? – улыбнулась официантка. – Или местное?

– Местне, «Родос», будешь?

– Ни, – отказался Матвей, так же стараясь говорить с украинским акцентом. – Минералки.

Официантка ушла.

Стас бегло просмотрел меню, небрежно бросил тетрабочку на стол.

– Ничего не меняется. Но готовят и в самом деле вкусно. Рекомендую мясо – в любом исполнении, хотя предпочитаю клефтико, суп трахана – это куриный бульон с пшеницей грубого помола и сыром, овечий сыр и салаты. Сладости здесь в основном восточного происхождения, так себе, а вино очень даже неплохое, особенно «Соммандария», считающееся самым древним вином мира, его ещё называют «вином крестоносцев». Хотя мне больше нравится вино из винограда «вериги». Но сегодня вино мы пить не будем.

Матвей промолчал, ему было не до вина. Он всё время чувствовал на себе чей-то неприятный цепкий взгляд, однако как ни старался определить, кто за ними следит, – не смог.

Стас же вёл себя как завсегдатай-турист Кипра, не обращая внимания ни на чувства брата, ни на окружающих. Можно было подумать, что ему совершенно безразлично, смотрит кто за ним или нет. Хотя приехал он в Лимассол не для променада по местным ресторанам.

После недолгих размышлений Матвей заказал «мясо по-пиратски», салат под названием «Аналикти» и жареный сыр халлуми. Аппетит пришёл во время просмотра меню. До этого есть не особенно-то и хотелось.

Официантка принесла пиво и воду, приняла заказ.

Стас, беззаботный с виду, опорожнил полбутылки, по-прежнему не обращая внимания на гостей ресторана, в основном – немецких туристов, судя по говору рассаживающихся пар.

– Ты что, вообще не пьёшь?

– Не тянет, – сказал Матвей, отпивая глоток холодной минералки. – По великим праздникам, да и то что-либо лёгкое.

– Кто не курит и не пьёт...

Матвей снова почувал прикосновение взгляда и наконец уловил вектор «прицеливания». Дождался удобного момента, рассеянно скользнул глазами по гостям ресторана, сидящим ближе ко входу, и заметил двух пожилых джентльменов, тыкающих пальцами в меню. Всего минуту назад их не было, но он не мог ошибиться, словно ему вручили визитную карточку взгляда – прицельного, цепкого, неприятного.

– За нами наблюдают, – сказал он, почти не шевеля губами.

– Наконец-то заметил, – скривил губы Стас.

– Я давно заметил.

– Не дёргайся, всё под контролем. После обеда возвращаемся в отель, я к тебе заскочу в номер.

Принесли заказ.

Клефтико и в самом деле оказалось очень вкусным блюдом. Несмотря на неуютное чувство наблюдения и на отсутствие аппетита, Матвей съел всё мясо, восхитившись мастерством повара.

Чай с какими-то местными травами тоже понравился, и гости «с Украины» отправились обратно в отель, делая вид, что вполне удовлетворены едой, погодой и колоритом.

– Жди, я скоро, – бросил Стас, направляясь куда-то направо от стойки ресепшн, где сверкали стеклянные витрины бутиков, предлагающих постояльцам сувениры, одежду и ювелирные украшения.

Матвей проверил, не следят ли за ним давешние пожилые джентльмены, никого не заметил и поднялся на свой этаж, гадая, почудилось ли ему, что и в холле кто-то посмотрел на него подозрительно.

Кондиционер в номере работал исправно, охлаждая воздух до «арктической» температуры. Матвей слегка подрегулировал его, прилёг на кровать поверх одеяла. Захотелось спать. Но прежде чем закрыть глаза, он снова набрал номер мобильного Дивы. На сей раз ему на английском языке сообщили, что «абонент находится вне зоны связи». Дива по-прежнему не отзывалась и не реагировала на SMS: «Позвони!»

Конечно, она предупреждала, что на время совещаний и встреч отключает телефон, но Матвей начал звонить с раннего утра, и молчание девушки его угнетало. Он чувствовал, что с ней что-то приключилось.

Пришёл Стас.

– Ты чего такой кислый?

– Не нравится мне это...

– Слежка?

Он думал о другом, но ответил:

– Да.

– Ничего, я дал кое-кому задание разобраться. В принципе, это даже хорошо, что за нами следят, косвенное подтверждение правильности наших расчётов. Сюда скоро слетятся все чёрные вороны «Комитета 300», имеющего мощную службу безопасности, и все будут следить за прибывающими на остров туристами в тридцать три глаза. Ты не обратил внимание на суету возле аэропорта?

– Обратил.

– А я следил специально. Над аэропортом кружит беспилотник, и над шоссе, по которому мы ехали из Ларнаки, тоже летел

беспилотник. Думаю, и территорию возле монастыря осматривает беспилотник, не считая спутников. Кстати, и мы делаем то же самое, разве что без малой авиации. Разведка докладывает об оживлении местных спецслужб, американских баз и консульских представительств. По Кипру сейчас побегут агенты всех Союзов, загудит вся невидимая информационная паучья сеть, напрягут мускулы особые группы спецопераций, якобы подчиняющиеся своим командирам, а на деле – анархам Союзов.

– Как же мы прорвёмся к МИРу, если все подступы к монастырю будут перекрыты спецслужбами и техникой?

– Прорвёмся, – туманно пообещал Стас. – Ты же изучал план операции, чего мы не учли?

Матвей помолчал, признался:

– Не вижу.

– Ну и не забивай голову сомнениями. Главное для нас – пробраться в монастырь, остальное – дело техники. Я имею в виду мозги. Вот рация. – Он достал крохотный наушник в виде клипсы и похожую на божью коровку, но цвета человеческой кожи, каплю. – Микрофон крепишь на горле, никто не заметит, наушник тоже малозаметен. Последнее достижение забугорной шпионской техники, изделие НАТО, поддерживает связь в радиусе двух километров. Мобилкой с этого момента не пользоваться.

– Как она включается?

– От тепла человеческого тела: нацепишь – заработает. Всё, до вечера, советую никуда не ходить, будем соблюдать конспирацию хотя бы по минимуму.

– А ты?

– У меня куча дел, как-никак я координатор операции. Понадоблюсь – звони. – Стас ушёл.

Матвей повертел в пальцах гарнитуру «шпионской» рации, приладил наушник, прилепил к горлу микрофон, поглядел на себя в зеркало. Заметить эти технические причиндалы и в самом деле было трудно, и всё же ему подумалось, что их присутствие зоркому тренированному глазу мгновенно подсказало бы назначение техники связи скрытого ношения, а вместе с этим – и реальное положение человека. С другой стороны, наушниками нынче пользовались многие

владельцы айфонов и айпадов, да и слушатели музыки, поэтому отличить их от «шпиона» было бы нелегко.

Побродив по номеру, Матвей включил телевизор, поискал программу на русском языке, не нашёл, ничем не заинтересовался и, раздевшись, лёг спать. Это был самый лучший способ времяпровождения при отсутствии других.

Проспал до вечера, не дождался брата, хотя шёл уже девятый час, нацепил наушник и тут же получил разнос:

– Ты почему не отвечаешь?! Я же велел надеть рацию!

– Ты сказал, что зайдёшь...

– Некогда, ты мне был нужен два часа назад.

– Могу подойти.

– Уже не надо, обошёлся, иди ужинай без меня, рацию не снимай, на внешние раздражители не реагируй. Подъём завтра в пять утра, отъезд – в половине шестого. Я буду в холле. – Голос Стаса в наушнике пропал.

Матвей послушал тишину, посочувствовал сначала себе – получил нагоняй ни за что, потом брату – операция действительно требовала невероятного расхода сил, средств и времени. Можно было понять Стаса, связанного с группами поддержки и наводки диверсионного отряда на объект. Лишь бы этот труд не оказался напрасным, пришла неприятная мысль. Одно дело – партизанская акция, подготовленная в тылу врага незаметно для охраны, другое – действовать в присутствии таких же команд, натренированных на поиск «партизан» и на ликвидацию опасности для VIP-пастухов человечества. И кто сказал, что в МИРе, где должна состояться встреча анархов «Клуба 300», хранится Великая Вещь? Кто пустил слух? Зачем? Стас сам сказал, что Хранители не допускают утечек информации... пока живы. Не означает ли это, что Хранитель МИРа Блаттоптеров на Кипре умер? Но и в этом случае непонятно, почему возник слух о Великой Вещи, тем более о такой важной, как «сорок сороков». Если все анархи предполагают наличие «сорок» в кипрском модуле, то и они пошлют свои группы для её захвата?

Мысль была настолько очевидна, что Матвей чуть ли не запаниковал, решив поделиться ею со Стасом, однако после недолгих размышлений передумал. Стас знал, что их ждёт, и должен был

предусмотреть все варианты взаимодействий с неприятельскими разведгруппами. Провал в его расчёты не входил.

Не должен был входить, поправил Матвей сам себя. Не самоубийца же он?

Много времени на сборы не потребовалось, и уже через двадцать минут он сидел в таверне «Даная», в пяти минутах ходьбы от отеля, и изучал меню. Выбрал тот же сыр – халлуми, обжаренный на гриле, салат с осьминогом и голубцы тавва со специями. Поел практически в одиночестве, прислушиваясь к разговорам обслуживающего персонала: говорили в основном по-русски, что красноречиво говорило о большом наличии туристов из России.

Взгляд в спину уловил только раз – при возвращении, в холле отеля. Здесь по-прежнему было немногочисленно, по мраморному полу холла бродили постояльцы в количестве трёх человек (слышалась английская речь), столько же расположилось на диванчиках в зоне отдыха, рядом с баром, но кто из них «лизнул» «украинского туриста» взглядом, установить не удалось. Опыта в таких делах у Матвея не было никакого, а следивший за ним явно был профессионалом.

Матвей поднялся к себе в номер, постучал пальцем по горлу.

– Слышу, – раздался в наушнике писклявый голосок Стаса. – Поужинал?

– Только что. Там, в холле...

– Знаю, филер, не обращай внимания. Всё остаётся в силе. В пять подъём и отъезд, я тебя разбужу.

– Сам встану.

Стас не ответил.

Матвей сходил в душ, лёг на кровать, впервые в жизни освобождённый от каких-либо дел, погонял телевизор, выключил и приказал себе не занимать голову ерундой. Судьба предлагала ему отдохнуть, выспаться в комфортных условиях, и пренебрегать подарком не стоило.

Через минуту он уже спал.

* * *

Выехали из Лимассола в половине шестого, но не на автобусе, как обещал Стас, а на маленьком бежевом «Пежо», который вёл сурового вида киприот, одетый во всё черное. Стас его не представил, но судя по всему этот человек был таким же наёмником, какими были бойцы группы. Во время поездки он не задал ни одного вопроса и был нем как рыба.

Из Лимассола двинулись с кольцевой развязки в сторону Троодоса, затем доехали до деревни Продромос, где Стас вышел из машины и отсутствовал полчаса. К деревне Калопанайотис подъехали, когда уже совсем рассвело и стали видны зубцы скал и крутые склоны каких-то невысоких гор.

Деревня встретила гостей тишиной, обилием усохшей виноградной лозы и домами с белыми стенами, нависающими традиционной «многоярусностью» над живописными узкими улочками, убегающими прихотливо вверх по горным склонам или круто обрывающимися вниз, в густую тень и рокошущую прохладу каньона.

Изучив материал, предоставленный инструкторами ещё на базе, Матвей знал, что деревня располагается на высоте семисот шестидесяти метров над уровнем моря и занимает левый и правый склоны ущелья, соединённые мостом. Больше всего она была известна своими серными источниками, вода которых благоприятно действует на систему пищеварения и применяется для лечения кожных и ревматических заболеваний. Но киприоты почитали и святыни Калопанайотиса, наравне с монастырями Ставровуни и Киккоса. Одной из святынь являлся и монастырь Святого Иоанна Лампадиста, построенный в двенадцатом веке в честь местного святого. Туда и лежал путь «украинских туристов», сподобившихся навестить это чудо архитектуры почти тысячелетней давности.

Но Стас остановил машину сразу за мостом, возле небольшого алтаря с фреской, выложенного камнем. Алтарь отмечал начало пешеходной тропы, ведущей к ещё одному почитаемому месту у деревни, где, по преданию, святой Ираклидис был крещён в сорок пятом году апостолом Варнавой, принесшим христианство на Кипр.

– Ждите, – сказал Стас, вылезая.

Обойдя алтарь, он скрылся за скалами слева.

Матвей тоже выбрался из кабины, разминая ноги, прошёлся по площадке у алтаря, разглядывая старинный символ, означающий не столько связь эпох и поколений, сколько момент сопричастности к чудесному событию, произошедшему сотни лет назад. Тропа уходила в сумрачную влажную тишину, нарушаемую лишь плеском воды в ущелье, но вскоре она должна была оборваться над кручей, с которой туристы любовались горами, долиной и местом крещения.

Впрочем, Матвея туда не тянуло, в легенды о встречах с «ангелами, богами и апостолами» он не верил.

Вернулся Стас.

– Все в норме. Ждём два автобуса с туристами, из Троодоса и Никосии. Наши уже заняли места, мы присоединимся к тургруппам и соберёмся вместе на территории монастыря. – Он посмотрел на водителя, сказал по-гречески: – Достань наши вещи.

Водитель молча вылез, открыл багажник, вытащил чёрную брезентовую сумку, передал Стасу, сел на место.

– Ждём автобусы, – сказал Стас.

С треском открыв сумку, он достал фотоаппарат и видеокамеру, протянул фотоаппарат Матвею.

– Это тебе.

– Зачем? Фото можно сделать и на мобилу.

– Во-первых, будешь выглядеть естественней, во-вторых, в аппарат встроены кое-какие нужные прикрасы.

– Надеюсь, не пояс шахида?

– Люминесцентный фонарь, обнаружитель скрытой записывающей аппаратуры и телекамер, лазер и магнитный сканер.

Матвей посмотрел на фотоаппарат с уважением.

– Никогда бы не подумал... чья разработка?

– Правильно мыслишь, не российская, сделано в Корее, по заказу шведов.

– Для чего?

– У каждого генерала спецслужб свои тараканы в голове, у шведского тоже. Они не хотят отставать от израильтян, собаку съевших на шпионской технике.

– А у тебя что в камере?

– Пулемёт, – развеселился Стас, понизил голос. – Хотя я недалёк от истины, в камеру встроена «пушка», стреляющая не пулями,

а кластерами нанитов. Каждый кластер несёт свой груз, в том числе быстродействующие яды, парализующие мышцы, и электростатические заряды. Поскольку ты у нас на особом положении, оружие тебе ни к чему, у тебя будет свой телохран.

– Я сам смогу за себя постоять.

– В других обстоятельствах – да, без проблем, тем более что тренировал тебя отец, я видел тебя в деле, но нам до зарезу нужно захватить «сорок», поэтому отвлекаться будет некогда, и защищать тебя будет один из наших.

Матвей сжал губы.

– Кто?

– Кого бы ты хотел из группы?

– Пусть будет Паламарчук.

– Решено, хотя Гоша снайпер, а не спец по VIP-охране. Впрочем, это не имеет значения. – Стас заговорил по-гречески: – Магир, выезжай на дорогу.

Водитель всё так же молча повиновался.

«Пежо» неспешно покатился вдоль обрыва, поднимаясь в гору между лесными зарослями. Через минуту его обогнали два небольших автобуса «ScangYong istana», вмещавшие по двадцать пассажиров. Ехать пришлось недолго. Вскоре дорога, вильнув два раза, вывела машину к стенам монастыря, стены и башни которого иллюстрировали византийский и венецианский архитектурные стили Европы.

В состав монастырского комплекса входило несколько невысоких построек, покрытых глиняной черепицей, образующих в плане замкнутое прямоугольное пространство: главная церковь, посвящённая святому Ираклидису, часовня Айос Иоаннис, латинская часовня и самая поздняя постройка – братский корпус, возведённый в пятнадцатом веке с южной стороны внутреннего двора. Посмотреть было на что, поэтому туристы, высадившиеся из автобусов, сразу принялись фотографировать мощные стены монастыря, башни и скаты крыш.

Матвей заметил в толпе бородатого Паламарчука и усатого Мишо, а также блондинку Римму, хотел обратить на них внимание Стаса, но тот опередил его, поднимая видеокамеру:

– Не суетись, работаем, делай вид, что увлечён съёмкой. Когда войдём внутрь церкви, попробуй настроиться на Великую вещь.

– Я не камертон.

– Именно что камертон, зря я тебя что ли знакомил с МИРами? – подмигнул Стас. – Проверял твой экстрарезерв. Он у тебя выше, чем даже у меня. Слушай пространство, может, поймашь эхо.

– Какое эхо?

– Услышишь – поймёшь. На тебя основная надежда.

– А если не услышу?

– Тогда я тебя пристрелю! – Стас оглянулся, мгновение любовался вытянутой физиономией брата, рассмеялся. – Шутка. Будем работать по плану. Сегодня у нас рекогносцировочный этап, разведка, устраиваться в монастыре будем завтра, инфран прибудет послезавтра. Всё, действуй.

Они двинулись вслед за двумя группами туристов, сопровождаемых гидами, смешались с ними, направляя свои чудо-аппараты на стены монастыря, ничем не отличаясь от любителей старины. Но уже через пару минут Матвей почуял затылком знакомый липкий взгляд и понял, что избежать внимания неведомых наблюдателей им со Стасом не удалось, отчего оптимизм брата показался капитану наигранным. Заныло сердце, брат либо недоговаривал чего-то, либо вёл свою игру, недоступную пониманию Матвея, и в обоих случаях радости поведение Стаса не добавляло. А посоветоваться по-прежнему было не с кем. Интуиция на роль советчика не годилась. И ещё одна мысль не давала покоя: почему Дива не ответила ни на один звонок?

Глава 10. Нашу птичку попрошу не обижать

Коротко доложив Меринову об исполнении задания, Семёнов связался с охраной и приказал подготовить машину к выезду. У него был личный лимузин – «семёрка» БМВ, но он предпочитал пользоваться служебным «Рендж Ровером» и никогда не ездил без сопровождения.

Давно стемнело, во дворе центрального здания Генпрокуратуры было мало машин, почти все сотрудники разъехались по домам. У белого «Лексуса» курил водитель Соболевой, нетерпеливо поглядывая на часы, и Семёнов, точно зная, где она сейчас находится, подошёл к нему.

– Можешь ехать домой.

Водитель смял сигарету.

– Я должен дожидаться Соболеву.

– Она на заседании с генеральным, после совещания её отвезут.

Водитель с облегчением вздохнул, выпрямился.

– Слушаюсь.

«Лексус» уехал.

Семёнов подошёл к своему стального цвета джипу, нахмурился: телохранитель почему-то не вылез из салона и не распахнул перед ним дверцу, – но здание и территория Генпрокуратуры охранялись, опасаться было нечего, и он сам открыл заднюю дверцу, сел, не глядя на сидящих впереди водителя и глыбистого парня-телохранителя.

– Лень было выйти?

Оба сотрудника охранного подразделения промолчали и вообще никак не отреагировали на его слова. Зато рядом вдруг шевельнулся полумрак, и на плечо полковника легла тяжёлая рука.

– Спокойно, Геннадий Борисович, не шуми. Поговорим.

Семёнов дёрнулся, но плечо освободить не смог, рука почти невидимого седока казалась железной.

– Кто вы?!

– Мимо проходил, – усмехнулся обладатель глубокого бархатного баритона. – Один вопрос: куда увезли заместителя генерального Соболеву?

Семёнов снова попытался освободиться, но с таким же успехом он мог бы поднять бетонную плиту. Кинул взгляд на телохранителя.

– Он отдыхает, – заметил баритон. – Не хотелось бы прибегать к крайним мерам. Вы понимаете, о чём я, не так ли, господин Семёнов? О вас говорят как о профессионале допроса. Куда увезли Соболеву?

– Я не знаю...

Рука незнакомца сжала сухожилие до боли, полковник охнул, судорожно пытаясь освободиться.

– Геннадий Борисович, не стоит надеяться на помощь. Если уж я оказался здесь, то у меня есть для этого возможности. И живым я вас не оставлю, поверьте на слово.

Семёнов облизнул губы, лихорадочно ища выход из невероятно гнусного положения, в которое он никогда не попадал, но боль в плече отрезвила.

– Где... гарантии?

– Моё слово.

Семёнов пожалел, что перестал носить штатное оружие, однако оно вряд ли спасло бы его в этой ситуации (он ужаснулся происходящему: кто-то свободно проник на территорию конторы!), и эта мысль окончательно добила его.

– Её... к Меринову...

– Точнее, куда именно? У Меринова не одна квартира и не одна фазенда.

– На дачу в Поленово.

– Зачем? Впрочем, это я и сам узнаю. Вы были там?

– Был.

– Охрана, связь, периметр?

– Охрана обычная, прокурорская, пультовая: четверо на периметре, плюс лазеры, сканеры и камеры с выходом на монитор. Связь с местным отделением полиции.

– Кто повёз Соболеву?

– Лейтенант Панов и сержант Дяченко.

– Кто командир подразделения?

– Майор Темиргалиев.

– Кому он подчинён?

– Мне.

– Прекрасно, полковник, умница, всё правильно оценил, потому как жить хочется. Теперь прокатимся в Поленово и проверим, правду вы мне сказали или нет.

Семёнов вспотел.

– Вы мне обещали...

– Сделаете всё так, как я скажу, останетесь жить, – хмыкнул незнакомец, чей костюм смутно белел в полумраке салона. – Поехали.

И на голову полковника упала темнота.

– Выезжаем, цель – дача Меринова в Поленове.

Водитель очнулся, включил двигатель, джип покатиł со двора, через арку, к воротам.

* * *

Усадьба генерального прокурора в Поленове занимала два гектара леса и была практически скрыта от взоров жителей посёлка, равно как и органов местного управления. Центральную её часть, рядом с озерцом, занимал трёхэтажный особняк в стиле хайтек: зеркальные стёкла, алюминий, хромированная сталь, цветной кирпич, декоративные решётки и антенны. Сооружён он был недавно, два года назад, и ничем не отличался от подобных архитектурных ансамблей Рублёвки или подмосковной Жуковки. Единственным отличием от других особняков было количество антенн, две из которых представляли собой конечные устройства комплекса спутниковой связи, с помощью которого владелец мог в любую секунду «достать» любого абонента в любой части света.

Генеральный прокурор появлялся здесь нечасто, однако жизнь усадьбы от этого не менялась, все её службы всегда работали в режиме полной готовности к приезду хозяина.

Прошло два часа с момента прибытия на дачу посланцев Меринова – двух сотрудников и заместителя генпрокурора, красивой женщины по фамилии Соболева, находящейся в полуобморочном состоянии: парни поддерживали её под руки и отвели в одну из спален на втором этаже, – челядь ждала прибытия босса, и в этот момент к воротам в глухом трёхметровом заборе подъехал серый джип «Рендж

Ровер», принадлежащий гаражу Генпрокуратуры, вспыхнули и погасли фары.

Из калитки сбоку от ворот выглянул охранник в чёрном.

Парень в гражданском костюме, сидевший рядом с водителем, встрепенулся, приоткрыл окно.

– Свои, открывай.

Охранник, держа в руке рацию, согнулся, заглядывая в кабину, едва не упал головой в проём окна, выпрямился и на деревянных ногах вернулся к калитке, исчез. Ворота начали раздвигаться.

Джип, урча мощным мотором, проехал по гаревой дорожке вдоль шеренги декоративного кустарника к площадке напротив центрального входа в особняк, остановился рядом с таким же джипом. Хлопнули дверцы, выпуская трёх мужчин: охранника, полковника Семёнова и мужчину в белом костюме, с седым ёжиком коротких волос. У него были яркие янтарные глаза с хищным прищуром и твёрдые волевые губы.

К ним из коттеджа вышел ещё один охранник, огромный, сутулый верзила с угрюмым рябым лицом. Он был вооружён – на ремне висела кобура с пистолетом.

– Привет, Цератопс, – буркнул Семёнов. – Обстоятельства изменились, я забираю даму. Велено перебазировать её в другое место.

– Что случилось?

– А я знаю? Приказы босса не обсуждаются.

– Куда повезёте?

– В Терехово.

– А это кто с вами?

– Ты ещё удостоверение попроси показать, – криво усмехнулся Семёнов. – Веди.

Угрюмый Цератопс (чем-то он действительно напоминал доисторического динозавра) бросил на мужчину в белом подозрительный взгляд из-под широких косматых бровей, повернулся и повёл гостей в коттедж.

Вестибюль особняка поражал воображение обилием зеркальных и полупрозрачных стеклянных панелей, висящих чуть ли не до чёрного пола люстр и разнообразных выступов и перегородок. На делегацию глянули две молодые женщины, шмыгнули куда-то.

Поднялись на балюстраду второго этажа, опоясывающую провал на первый этаж. Здесь в креслах сидели помощники Семёнова, один листал глянцевый журнал, второй спал. Тот, что бодрствовал, вскочил, толкнул коллегу в плечо. Парень разлепил глаза, увидел начальство и встал, приходя в себя.

– Свободны, – выговорил Семёнов.

Цератопс проводил их мрачным взглядом, шагнул к двери одной из спален справа от лестницы, открыл дверь, заглянул и отступил в сторону.

Семёнов и его седой спутник вошли в комнату.

Женщина сидела на широкой кровати, глядя перед собой широко раскрытыми, но невидящими глазами, положив руки на колени. Выглядела она спокойной, отрешённой от забот, и только на виске часто-часто пульсировала жилка, указывающая на слишком напряжённую работу сердца.

Седой закрыл дверь перед носом охранника, шевельнул скулами.

– Что вы ей вкололи?

– Триклозан, – равнодушно ответил Семёнов.

– Как?

– МКН.

Седой подошёл к женщине, осмотрел слегка осунувшееся лицо с тенями под глазами, голову, погладил шею пальцами, прислушиваясь к чему-то, потом положил обе руки на лоб и на затылок пленницы, ощутимо напрягся.

Семёнов следил за ним ничего не выражающим взглядом, лишённый воли и по сути – сознания.

С минуту ничего не происходило. Затем пальцы седого налились розовым свечением, будто стекло нагрели до высоких температур, пахло озоном. Сидящая вздрогнула, беспокойно зашевелила руками, попыталась поднять голову.

Седой сделал выдох, отнял руки, разогнулся.

По лицу женщины побежала волна жизни, цвет его изменился, потеплел. Глаза наполнились тревогой: она увидела перед собой Семёнова.

– Вы?!

Седой отодвинул полковника, провёл рукой себя по лбу, нагнулся, обнял пленницу, взял за руки.

– Успокойся, всё хорошо.
– Ты! – прошептала она.
– Кто же ещё? Предупреждал же – это шакалы в прокурорской шкуре. Можешь идти?
– Попробую. Где я?
– Дача Меринова.
– Вот сволочь! – с простодушным удивлением ахнула она. – Не выдержал.

– Эта нелюдь непредсказуема. Не понимаю, почему твой психрезерв не сработал, ты должна была сама освободиться, тебе вкололи всего лишь дозу триклозана.

– Я не ты, – слабо улыбнулась женщина, механически поправляя локон, – и даже не Матвей Котов.

– Тебе видней.

– Мальчик растёт... хотя ему изредка сносит башню и он допускает детские ошибки.

– Потом поговорим. – Седой глянул на Семёнова. – Иди вперёд, с охраной повежливей, ничего лишнего.

Вышли из спальни, Цератопс подозрительно посмотрел на гостью, нахмурился.

– Я позвоню боссу...

Седой упёр в него вспыхнувший взгляд.

– Звонить никуда не надо! Всё в порядке! Босс вскоре сам присоединится к нам.

Спустились в холл, миновали второго охранника в чёрном, дошли до машины. Водитель и телохранитель полковника так и сидели в джипе, находясь в ступоре.

– Нас трое... – начал Семёнов.

– Уместимся, полезай!

С трудом, но устроились сзади, «Рендж Ровер» не был приспособлен к перевозке больших групп пассажиров.

– Вперёд!

Развернулись, подкатили к раздвижным воротам, провожаемые взглядами охранников. Несколько секунд казалось, что они не откроются, седой даже оглянулся на освещённый особняк, но Цератопс не решился на звонок боссу, несмотря на то, что подчинялся напрямую владельцу усадьбы. Створки ворот поползли в стороны.

Выехали, миновали Поленово, остановились у выезда на шоссе.

– Вылезайте, все! – звякнул металлом голос седого.

Семёнов молча толкнул дверцу. Его телохранитель и водитель не сразу поняли, что приказ относится и к ним, спохватились, полезли из машины.

Седой сел на место водителя.

– До Москвы доедете на попутном транспорте. Никому не звонить! Домой – и спать!

Окно закрылось, джип сорвался с места.

– Круто! – улыбнулась Дива, оставаясь на заднем сиденье. – Представляю, какой ты был в прежние времена.

– Я и сейчас ничего, – небрежно отозвался он.

Женщина засмеялась.

– В этом вы с Матвеем похожи. – Она замолчала, помассировала лоб ладошкой, хмурясь, достала мобильный, просмотрела записи. – Надо же, не отобрали... мне Матвей звонил пять раз... знаешь, где он?

– На Кипре.

– Их ждёт засада!

– Засада ждёт не только команду Стаса, но мы, к сожалению, решаем другие задачи. Ты знаешь – какие. Важней ничего нет!

– Всё равно их надо спасти! Его хотя бы.

– Он должен справиться.

– Тарас!

– К чёрту! Наша миссия – спасти мир, а не одного человека.

– Но это люди!

– Наёмники!

– Хорошо, Матвей – сын Котова!

– Тем более должен выкрутиться из любого положения. Твой отец напророчил ему стать Архитектором Согласия, а он никогда не ошибался.

– И тем не менее я хочу ему помочь!

– Как?

– Не знаю... ты подскажешь.

С минутой ехали молча. Время подходило к полуночи, и машин в столицу двигалось всё меньше, шоссе было свободно.

Наконец спутник Дивы закончил размышления.

– Позвони Котову-старшему.

- И что я ему скажу?
- Правду. Что Матвей влип, что их там ждёт засада, команду сдадут, а Сход «Комитета 300» пройдёт не на Кипре, а в другом месте.
- Допустим, он поверит, что дальше? До Кипра ещё добраться надо.
- Во-первых, это их возрождённое «чистилище» найдёт способ достичь острова.
- Ага, через сутки! Даже если они соберутся по тревоге за час, надо найти транспорт, экипироваться, что займёт несколько часов, плюс езда до аэропорта, плюс три часа лёта до Кипра, да там часа два ехать до места. Раньше завтрашнего вечера у них ничего не получится.
- Тхабсом мы не располагаем. Зато у нас есть козырь в рукаве.
- Покажи.
- Мой давний приятель – олигарх...
- Не тяни кота за хвост! – рассердилась Дива.
- Имеет свой воздушный флот, – закончил Тарас хладнокровно. – У него три самолёта, в том числе бизнес-джет «Citation-X». Рассчитан на доставку хозяина в любую точку земного шара за считанные часы. Не X-37B, но до Кипра долетит часа за полтора.
- Дива перегнулась через спинку кресла, чмокнула спутника в щёку.
- Я знала, что ты волшебник!
- Всего лишь посланник инфарха.
- Отца?
- Не поверишь – я не знаю, кто нынче инфарх, но задание я получил из его канцелярии.
- Я тоже, – призналась женщина с печалью в голосе. – Хотя это точно был не отец.
- Не время рассуждать на эту тему, звони Котову.
- Дива вновь достала айком.

* * *

Самандар читал газету, сидя в кресле в красном халате. На носу его были очки в роговой оправе. Увидев входящего Василия Никифоровича, он засмутился, снял очки, сунул их в карман халата.

- Что это ты на ночь глядя? Не предупредил?

– Алярм! – коротко сказал Котов, рухнув на диван.

Вахид Тожиевич кивнул на газету.

– Ты имеешь в виду новый заряд ядовитой слюны в наш адрес?

– Что?

– Все СМИ выбросили очередной заряд воплей о «чистилище».

Мы для них террористы, так как не даём шанса гнуснякам оправдаться.

– А-а... нет, я о другом, мне только что звонила Дива.

– Кто?

– Дочь Матвея Соболева. Она сообщила о замысле Меринова, а исполняют этот замысел... – Василий Никифорович помолчал, поморщился, – Стас и Матвей.

Лицо Самандара пересекли морщины.

– Ну-ка поподробней.

– Матвей и Стас вместе с командой наёмников улетели на Кипр, где якобы должна состояться встреча лидеров «Комитета 300».

– Поводыри человечества.

– Задача группы благородная – ликвидация Союза Неизвестных США.

– Ух ты! – восхитился Вахид Тожиевич. – Классная задумка! Разработчик – сам Меринов?

– Он исполнитель, заказчик акции – анарх российского Союза банкир Дубинин.

– Откуда такие подробности известны Соболевой? Хотя... если она дочь Матвея...

– Не сомневайся, я беседовал с ней в субботу, она – копия Матвея.

– Как же твой парень согласился участвовать в этой аванюре?

– Ветер в голове, хотя подробностей не знаю, Стас умеет убеждать людей, иначе не стал бы решальщиком. Но главное не это: команду ждёт засада. Точнее – её решено сдать службе безопасности американского Союза, чтобы анарх успокоился и прилетел на Кипр, где его будут мочить уже другие наёмники.

– Известно – как?

– Опять-таки подробностей она мне не разглашала, координатор операции Стас, его надо спрашивать.

– Что же он – сам себя решил подставить?

– Не думаю, он вывернется, пожертвовав командой. – Василий Никифорович сжал зубы. – И Матвеем. Надо срочно лететь туда и попытаться спасти сына.

– Сумасшествие, – покачал головой Самандар.

– Нужны добровольцы. Если никто не согласится, я полечу один.

– Я не о том, мы все полетим, сумасшествие – ввязаться в такую самоубийственную халепу.

– Что сделано, то уже сделано. Поднимай Веню, Синельникова, Парамонову я уже позвонил, он скоро будет.

– А меня ты не спрашиваешь.

Котов посмотрел на друга озадаченно.

– А чего тебя спрашивать? Мы с тобой сколько лет вместе? Или ты настолько постарел, что уже надо... спрашивать?

– Не надо, – наметил улыбку Самандар. – Это я так, должок вспомнил.

– Какой должок?

– Не я у тебя Ульяну отбил, а ты у меня.

– Дурак, я никого не отбивал, она сама решила. Да и, кстати, до сих пор любит тебя.

– Да ну? Чего ж ушла?

– Я не был таким философом, как ты.

Вахид Тожиевич засмеялся и тут же оборвал смех.

– Соберёмся быстро, но до Кипра далековато, это не Подмосковье, вся процедура займёт сутки, не меньше.

– Дива предлагает бизнес-джет её приятеля. Можем вылететь завтра рано утром, если успеем собрать команду.

– У неё такие связи? – с сомнением спросил Вахид Тожиевич. – Не слишком ли всё это подозрительно?

– Что ты имеешь в виду?

– Она работает замом Меринова, Меринов – маршал Купола, мы ему уже прищемили хвост, и он сделает всё, чтобы нас уничтожить. Вдруг вся эта суэта затеивается исключительно ради этой цели?

Котов помолчал, уходя мыслями в себя, потёр пальцами подбородок, вскинул глаза.

– Я ей верю! Она оттуда, это чувствуется. Не знаю, что у неё на уме, но она наша. Да и Матвей влюбился в неё как мальчишка, с первого взгляда.

– Он и есть мальчишка.

– Но он ещё и паранорм, хотя и скрытый, его пси-запас очень велик, он хорошо чувствует людей. Его нельзя обмануть красивой фигурой. Мы ещё встретимся с Дивой, я тебя познакомлю, и ты сам убедишься.

– Мне достаточно твоей оценки. Начинаю звонить.

Котов поднялся.

– Я быстренько смотаюсь домой, предупрежу Ульяну и вернусь.

– Вопрос: сколько человек брать?

– Кто согласится...

– Я же сказал, согласятся все, можешь не сомневаться.

– Сколько возьмёт самолёт.

– Супер-джет какого класса?

– Не спросил, она сказала – «Цитейшн Икс».

– Цесновский, самый последний, но он берёт на борт всего восемь пассажиров. Нас двое, плюс Иван, плюс Веня, уже четверо.

– Плюс Синельников.

– Его оставим на хозяйстве, больно тяжёл стал, десять пудов весу, ещё в самолёт не влезет.

– Кончай шутить.

– Я серьёзно, Сашу я бы оставил. Веню попрошу взять ещё человек шесть оперов экстра-класса, на аэродроме разберёмся. Кстати, откуда стартуем?

– Внуково.

– Работаем.

Котов вышел. На душе скребли кошки, но ради сына он был готов на всё.

* * *

Самандар превзошёл себя, обеспечил всех документами спецназа МВД, и на территорию аэропорта группа проехала, минуя все контрольные зоны и органы – для «обеспечения безопасности вылета спецборта № 001», принадлежащего московскому предпринимателю Валентину Лиханову.

Сюрприз ждал группу возле самолёта, стоящего отдельно от других лайнеров на бетонной площадке возле технического ангара. Рассвело, и группа людей у небольшого, но красивого самолёта с двумя гондолами двигателей над крыльями, позволявших ему лететь со скоростью почти в тысячу километров в час, была видна хорошо.

Вылезая из микроавтобуса, Василий Никифорович сначала не обратил внимания на мужчин – их было двое, так как сразу обнаружил женщину, это была Дива, одетая в тёмно-серый камуфляж-комбинезон. Но стоило ему подойти ближе, – группа Вени Соколова в составе восьми бойцов двигалась следом, – как сработала интуиция, фигура одного из мужчин показалась знакомой, он повернул голову и с замиранием сердца понял, что видит перед собой Тараса Горшина!

Спутник Тараса, молодой, загорелый, в ковбойской рубашке и шляпе, был незнаком. Очевидно, это и был владелец самолёта.

Мышцы лица стянуло как от порыва ледяного ветра.

– Граф! – выговорил Котов окаменевшими губами, опуская сумку со снаряжением на бетон.

За его спиной остановился Самандар.

– Диарх, – хмыкнул он. – Я почему-то так и подумал. Ты как здесь оказался?

– Стреляли, – ответил Тарас знаменитой фразой героя фильма «Белое солнце пустыни».

– Надеюсь, синкэн захватил?

– Время мечей кончилось, Мастер. Рад видеть вас в здравии, вы по-прежнему в форме.

– Бегаю трусцой по утрам. Что происходит, Граф?

Тарас перевёл взгляд на Диву, разговаривающую в сторонке по мобильному телефону.

Мужчины тоже посмотрели на неё, и она почувствовала их взгляды, опустила телефон, быстро подошла.

– Доброе утро, комиссары. Вряд ли я заменю своего отца, но помогу, чем смогу. Мы не хотели вмешиваться, нас заставили обстоятельства. И ещё не осознавший себя Архитектор Согласия, ваш сын, Василий Никифорович. О замысле Меринова мы узнали только вчера, теперь всё сошлось.

– Кто вы? – поднял брови Самандар, рукой останавливая подошедшего Парамонова.

– Дочь Соболева.

– Я имел в виду назначение.

– Всего лишь помощник диарха, – улыбнулась Дива, – с очень скромными возможностями.

– А ты, значит, до сих пор заправляешь службой безопасности «розы»? – глянул Самандар на Тараса.

– Что поделаешь? Карма, – развёл руками бывший «отступник». – Гордыня человеческая по-прежнему неистребима, тьма всё время находит своих последователей, «запрещённая реальность» всё так же находится под угрозой исчезновения. И хотя наш друг Соболев изменил законы реальности, мир остался уязвим.

– Что задумал Меринов?

– Ликвидировать Союз Незвестных США, а заодно и российский, чего нельзя делать ни при каких раскладах в нынешних условиях. Наш Союз сейчас играет роль буфера между «Комитетом 300» и властными структурами России и сохраняет структуру управления.

– Ты на его стороне?

– Что за вопрос, Мастер? Как я могу быть на его стороне. Я на стороне инфарха.

– Что ты можешь?

– У меня большие полномочия, но и мне подвластны не все тайны нынешнего немагического бытия. Однако прошу вас в самолёт, пора вылетать, там и поговорим. По моим сведениям, где-то готовится инициация Великой Вещи, а то и куста Вещей, может быть, даже на Кипре, и нам необходимо предотвратить этот акт.

– Но ведь Великие Вещи не работают, – недоверчиво проговорил Вахид Тожиевич.

– Они работают, только преодолеть порог их включения один человек не может. Зато коллективу это доступно.

– «Комитет 300»!

– Верно, для этого он и собирается. – Тарас заметил Парамонова, подал ему руку. – Здравствуйте, Иван Терентьевич. Отлично выглядите.

– На диете, – усмехнулся Парамонов, оглядываясь на бойцов Соколова. – Нас одиннадцать человек, уместимся?

Тарас тоже посмотрел на разминавшихся парней, перевёл взгляд на не проронившего ни слова мужчину в шортах и шляпе.

– Что скажешь?

– Машина – зверь! – осклабился «ковбой». – Сидячих мест восемь, остальным придётся сесть в проходе. Керосина сожжём больше, но доберёмся без проблем.

– Ты останешься, Митя, – возразил Тарас. – Не на прогулку летим. Я бы даже тебя оставил. – Он посмотрел на Диву.

– Нет, я с вами! – твёрдо заявила женщина.

Мужчины переглянулись.

Тарас подмигнул Котову, отступил в сторону, и Дива первой нащупала ногой ступеньку лесенки, заменявшей трап.

Через полчаса «Citation-X» взлетел.

Глава 11. Кипрские катакомбы

Первые признаки присутствия на территории монастыря чужих наблюдателей проявились буквально через десять минут после того, как гиды повели обе группы туристов в обход комплекса. От групп сразу отстали двое мужчин, пожилой, в кожаной чёрной куртке, с чёрным кепи на голове, обвешанный снимающей аппаратурой, наводящей на мысль, что это фоторепортёр, и помоложе, обтянутый костюмом наподобие военного комбинезона. Один сделал вид, что фотографирует башни монастыря, второй, с мобильным айфоном в руке, сразу нырнул между стенами к главному строению комплекса.

– Устоев, Бизон, возьмите обоих «на глаз», – слышался в наушнике рации Матвея голос Стаса.

– Принято, – отозвались бойцы.

Всего в группы внедрились пятеро бойцов Стаса, ещё трое подобрались к монастырю скрытно и вели наблюдение со стороны.

План Стаса предусматривал выявление разведчиков конкурентов, оценку масштаба их присутствия, поиск подступов к церкви и захват кого-нибудь из священнослужителей, ухаживающих за территорией. Монахи должны были знать тайные схроны монастыря и провести десантников в нижний ярус церкви, откуда, по словам Стаса, и начинался ход к МИРу Блаттоптеров. После чего в дело вступал Матвей. Он должен был проникнуть в подземелье и отыскать Великую Вещь.

Разумеется, о последней фазе операции бойцы группы оповещены не были. В их задачу входила нейтрализация – в нужный момент – спецназа противника, приём посылки – генератора инфразвука, доставляемого к монастырю особой группой курьеров, и включение генератора в момент сбора делегатов Союзов Неизвестных США. Что ликвидировать надо Союз, группа не знала, для неё была создана легенда о руководителях масонского Ордена Чёрной Розы, задумавших повернуть в России «революцию чёрных мозгов».

Матвей тоже обратил внимание на поведение некоторых туристов и доложил об этом Стасу.

– Не отвлекайся, за ними присмотрят, – ответил брат. – Бери Гошу и вместе с ним обойди корпус справа, загляни в часовни и в церковь.

Матвей отстал от группы, дождался Паламарчука, похожего в своём обмундировании на бородатого серба, и они вдвоём побрели к церкви, делая вид, что фотографируют друг друга на фоне стен монастыря.

К счастью, разбредись по территории и многие туристы, не желавшие слушать болтовню гидов, поэтому двор комплекса стал напоминать площадь какого-то средневекового города, по которой неспешно прогуливались жители.

Заглянули в часовню, где хранились мощи Иоанна, к которым приезжали паломники со всего света. Там же находился и череп святого в серебряном футляре. Считалось, что именно в честь Иоанна и был построен монастырь, но Матвей знал, что на самом деле он представлял собой лишь перестроенный монастырь Святого Ираклидиса.

Постояли в часовне, оглушённые тишиной и полумраком. Службы в монастыре не шли до сих пор, но монахи здесь жили в небольшом количестве, один из них тенью прошмыгнул мимо, и Матвею показалось, что голову пронзил поток странного света, будто на мгновение включили фонарь. Он даже инстинктивно закрылся от света, оглядываясь, но монах уже исчез, оставив тающее ощущение угрозы.

– Ты чего? – заметил движение спутника Паламарчук.

– Так... показалось.

Обошли все строения, изредка встречая группки посетителей, потолкались среди туристов в музее византийского искусства, зашли в церковь.

Матвей прислушался к себе, пытаясь настроиться на ментальный поиск МИРа, как во время поиска выхода из адыгейского модуля, но вместо этого мысль почему-то свернула к часовне, где лежали мощи Иоанна, и выхода в ментал не получилось. Голова была слишком перегружена впечатлениями и рассуждениями о важности миссии, возложенной на него, организм не хотел настраиваться на экстрасенсорную отдачу.

– Что нашёл? – прилетел голос Стаса.

– Ничего, – коротко ответил он.

- Через час уезжаем.
- А остальные?
- Доберутся сами.
- Поедем на той же машине?
- Нет, со всеми.

Вскоре туристы начали грузиться в автобусы, и вместе с ними сели в один из «Ссан Йонгов» Матвей, Стас и Паламарчук. Остальные бойцы куда-то делись, выполняя каждый свою задачу.

В деревне за мостом троица высадилась, и Стас провёл небольшую экскурсию по узким улочкам Калопанайотиса, пока не остановился у двухэтажного белого домика с вывеской «Отель Дигенис. Таверна».

– Заночуем здесь. Утром выходим на тропу войны. Ты и в самом деле ничего не почувял?

Матвей вспомнил часовню, помедлил.

– Слишком много посторонних.

– Не понял.

– Много людей, фон взбаламученный, все чего-то ищут, трудно сосредоточиться.

Стас оглядел лицо брата колючими глазами, качнул головой.

– Неужели я в тебе ошибся? Не врёшь? Ладно, заселяемся, вечером обсудим детали.

В крохотном холле деревенской гостиницы сидели двое мужчин восточного вида. Один из них, увидев Стаса, кивнул, и Стас кивнул ему в ответ.

Матвей вспомнил, что, по словам Стаса, их группу обслуживает большое количество специально обученных людей, и на душе полегчало. Масштаб операции требовал и соответствующих средств на её проведение.

Заселились в три номера, таких же крохотных, как и холл самой гостиницы, получившей название по имени героя кипрского эпоса. Поужинали вместе, собрались в номере Матвея, обменялись впечатлениями от похода к монастырю, и Матвей остался один. Налетела тоска. Дива по-прежнему не отвечала, и это обстоятельство тревожило больше, чем предполагаемый вояж в монастырь.

Уснул он тем не менее быстро, вдруг почувствовав, что устал.

Проснулись в пять утра, переоделись в походные костюмы, дожидавшиеся своего часа в сумках. Ничего лишнего, никакого оружия, только фотоаппараты – они же инфракрасные сканеры, перчатки-липучки, мотки скотча.

– Груз уже здесь, – сообщил Стас, отводя глаза в сторону, – заберём в обед. Наши парни хорошо поработали, выявили всех оперов, Римас даст наводку. Ищем вход в подземелье.

– Так и пойдём?

– А как ты хочешь? Рассветает через два часа, нас проведут на территорию, нырнём в церковь...

– Сначала в часовню, – предложил Матвей.

– В часовню? Почему? Ты всё-таки... учуял?

– Н-не знаю... показалось. Надо посмотреть.

– Хорошо, заглянем в часовню.

Деревня была освещена плохо, поэтому можно было не таясь идти по пустым улочкам, – местные жители не пасли ни коров, ни коз и вставали поздно.

Пересекли селение, перешли мост, освещённый единственным фонарём на столбе, также пустынный в это время, наткнулись на вышедшего из кустов человека, который оказался бойцом группы по имени Вовыч. По его словам, у монастыря расположились пять наблюдателей из разных стран – Германии, Италии и США. Все они облюбовали удобные места под прикрытием близлежащих скал и лесных склонов, не выходили из убежищ ни на минуту и обладали хорошей техникой наблюдения и связи.

– У всех «долби» и «слухари», – сказал Вовыч, что означало: наблюдатели имели компьютеризированные системы визуального сканирования с объёмным эффектом и комплексы спутниковой связи. Как бойцы группы узнали об этом, Вовыч не сообщил, но можно было догадаться, что и у бойцов группы имеется соответствующая аппаратура. Стас не шутил, утверждая, что на диверсионный отряд работает большое количество специалистов и технических устройств.

– Римас, – вызвал он командира отряда, – берём всех. На решение задачи двадцать минут, пока мы будем подходить к монастырю. Допросить и доложить.

– Есть, – отозвался бывший недоброжелатель Матвея.

– В лес, – скомандовал Стас. – Дорога может просматриваться сверху, дальше пойдём лесом.

– Я к своим, – сказал Вовыч.

– Шуруй.

Оперативник исчез.

– Зачем мы берём наблюдателей сейчас? – спросил Матвей, настраивая зрение под лесной мрак. – Не рано? Сам же говорил, что инфран доставят в обед.

– У нас есть средства заставить любого человека работать на нас. Нам главное не спугнуть американцев, которые будут продолжать сообщать своему начальству о полном контроле ситуации. Остальных мы убедим в необходимости усиления служб на Кипре, что заставит всех подозревать американцев в подготовке прибытия своих лидеров на Сход.

– Как-то уж... чересчур замысловато.

– Концепцию разрабатывали стратеги наших спецслужб, подчинённых иерархам Союза, причём как виртуальную компьютерную игру. А они хорошо разбираются в психологии мировых «пастухов». Не бери в голову, наш уровень – оперативный, мы действуем в соответствии с продуманным вариантом и заботиться должны лишь о том, как справиться со своим заданием.

По лесу, хотя не слишком густому, идти было намного труднее, чем по дороге, однако весь путь до стен монастыря небольшая группа преодолела за полчаса. Подождали, пока Римас доложит о захвате наблюдателей.

– Никто пикнуть не успел! – похвастался оперативник.

Стас выслушал доклад, приказал ждать дальнейших указаний.

– Гоша, выдвинись к стенам объекта, посмотри и замри.

Паламарчук, крадучись, двинулся к монастырю.

– Наши расчёты подтверждаются, – сказал Стас, понизив голос. – Единственная неожиданность – неоправданно малые силы противника в районе объекта. Мы ожидали прибытия как минимум двух монах – европейской и американской. А прибыли только наблюдатели.

– Может, нас водят за нос?

– Ты о чём?

– Съезд соберётся не здесь.

– Не исключено, хотя я бы знал. Да и разведка уже доложила бы о ложном замахе. Великая Вещь точно находится в МИРе Блаттоптеров, а это – колоссальная приманка для всех Союзов. Владеющий Вещью выбивается в лидеры.

– Но ты сам утверждал, что Великие Вещи лежат в других временах и в определённые моменты.

– Не все, «сорок», по легенде, является «вещью в себе» и привязана к текущему времени.

– Что она собой представляет?

– Никто не знает. Всё что угодно, от очень простой вещи до очень сложной, от мотыги до компьютера, образно говоря.

– Ты говорил, что замки насекомых и есть компьютеры.

– У них множество функций, в том числе и эта – служить вычислителем. А так как наши предки-тараканы были очень агрессивными существами, но в отличие от ос, шмелей, пчёл и клещей не имели средств биологической защиты-нападения – жал, мощных челюстей и ног, как у богомола, то они скорее всего изобрели какое-нибудь универсальное оружие.

– Синкэн-гата.

– Нет, «меч» изобрели другие существа, не насекомые, предположительно – их предки.

– Аморфы?

– Возможно, не уверен, архивы Круга по этому поводу хранят молчание.

– Ты говорил ещё, что «сорок сороков» – это некая Мера Всех Вещей.

– А оружие и есть Мера Вещей, уравнивающая слабых и сильных. Всё, потом поговорим, не отвлекайся.

Вернулся Паламарчук, умеющий передвигаться бесшумно, несмотря на свои габариты и медвежью мощь. Фонари стены и двор монастыря не освещали, но Матвей видел его хорошо на фоне ясного звёздного неба, посветлевшего на востоке.

Двинулись ко входу на территорию.

Матвей вдруг почувствовал озноб, будто спину лизнул шершавый язык собаки, споткнулся, отставая.

– В чём дело? – оглянулся Стас, так же легко ориентирующийся в темноте.

– Здесь всё просматривается...

Стас остановился.

– Римас, кого-нибудь заметили?

– Двух монахов, один возится на подворье, второй зашёл в церковь.

– Нас видите?

– Как на ладони.

– Всё в порядке, – еле слышно шепнул Стас Матвею. – Ты чувствуешь взгляды наших парней.

Капитан промолчал. Он действительно начал различать тянувшиеся из темноты к монастырю струйки внимания, но из них не все были позитивными.

Прошмыгнули мимо братского корпуса к часовне. Дверь тихо закрипела, пропуская диверсантов. Замерли, прислушиваясь к тишине часовни и вокруг неё.

Иконостаса часовня не имела, только киот с рядом небольших икон с житийными клеймами.

Напротив иконы с изображением святого Иоанна, висевшей на перегородке перед стеной часовни, на постаменте рядом с аналоем, служащим, очевидно, подставкой для требника, горела лампадка. Справа от неё располагалась панелька из полированного дерева, на которой стояло блюдо с потухшими свечами и стеклянный куб, внутри которого виднелась серебряная чаша с черепом святого и корытце, в котором хранились его мощи. Никого внутри небольшого помещения с двумя выступами из стен – справа и слева от киота – не было. Монахи, ухаживающие за монастырём, были уверены, что их владениям ничто не угрожает, поэтому о замках и охране не побеспокоились. За сотни лет служений ни один смертный не осмелился проникнуть на территорию монастыря со злым умыслом.

– Обыщи, – повёл головой Стас, указывая на стены часовни, сложенные из известняковых блоков.

Паламарчук включил фонарь, пошёл кругами вдоль стен часовни.

Матвей остановился перед киотом.

– Что видишь? – подошёл Стас.

– Кто-то смотрит... сверху... и ещё сюда кто-то летит...

Стас завертел головой, всматриваясь в готические своды потолка и прислушиваясь к звукам, долетавшим в часовню извне.

- Ничего не слышу.
- Они ещё далеко.
- Кто?
- Похоже, два или три... нет, всё-таки два вертолёта.
- Гоша!
- Паламарчук тенью метнулся из часовни.
- Римас, будьте готовы к нападению!
- Принято.

Матвей снова сосредоточился на тишине внутри себя, уже не обращая внимания на отвлекающие звуки и мысли, погрузился в иную жизнь – жизнь пульсирующей по жилам крови и тонких биений биоэлектрических полей.

Озарение снизошло с неба как бесшумная зарница, расширив границы восприятия, объединив с телом пространство вокруг и сделав прозрачными стены часовни, и не только часовни, но и всех строений комплекса, и даже горных пластов, слагавших основание местного поднятия. Стали видны овраги, каньон, трубы водостоков, ниши и щели, а главное – ведущие в глубь пород извилистые ходы и полости. Один из таких ходов начинался прямо под часовней, ещё один нырлял под землю от угла братского корпуса, и там что-то шевелилось, живое и многорукое, как змеи в гнезде.

Откуда-то послышался тихий рокот.

– Командир, «вертушка»! – сообщила рация.

В часовню вбежал Паламарчук.

– Командир!

– Группе скрытно отступить к стенам монастыря! – приказал Стас. – Кроме Риммы и Бизона. Рассредоточиться и укрыться. Пойдёт десант – встретить на ножи, огонь открывать только в крайнем случае! Матвей, что застыл словно статуя?

– Там... в братском корпусе... засада! Человек шесть.

– Римас, в братском корпусе шесть стволов, займись! Гоша, помоги им.

Паламарчук исчез, проворчав:

- Говорил же – винтарь нужен!
- Что ты ещё увидел?
- Ход... под землю. Здесь, в часовне.
- Не в церкви? Точнее!

– Сейчас... – Матвей заторможенно, как сомнамбула, прошёлся по часовне, не глядя по сторонам, наткнулся на клирос, на угол выступа, обернулся вокруг своей оси. – Сюда...

Стас метнулся к нему, заглянул за выступ, обнаруживая низенькую дверцу в нише, которую увидеть можно было только под определённым углом. Потянул дверцу на себя... и на него бросился сгустившийся клочок мрака, превращаясь в громадного монаха, вооружённого не то секирой, не то вычурной формы топором. Предупредить брата Матвей не успел, хотя и почуял присутствие человека за дверцей.

Однако Стас не зря когда-то стал оруженосцем Воина Закона, да и тренировал его один из величайших мастеров рукопашного боя за всю историю Внутреннего Круга, поэтому монах недолго махал топором, каждый удар которого мог развалить человека надвое. Пропустив два свистящих удара слева и справа от себя, Стас вывернулся по спирали, нырнул под руки, держащие топор, спиной к груди монаха, нагнулся и бросил его через себя.

Монах пролетел по воздуху четыре метра, врезался в стену часовни так, что зашаталось всё сооружение, и рухнул на пол, роняя топор. Осветив ворочавшуюся тушу – монах не потерял сознание, демонстрируя недюжинную силу, – Стас ударил его ребром ладони по загривку, и монах сунулся лицом в плиты пола, затих.

– Хорош бугай!

Рокот снаружи разделился на два вектора, вертолёт сажались вокруг монастыря в двух точках либо высаживали десант. Послышался слабый треск выстрелов.

– Говорил же – в ножи! Римас, что у вас?!

– «Гуси» с неба! – доложил командир группы поддержки. – Дуб ранен.

– Сколько их?

– С моей стороны с десятков «упаковок», – Римас имел в виду бойцов спецназа, экипированных по полной боевой программе, – не меньше и с другой стороны. Судя по экипировке – это морской спецназ. Хотя не понимаю, откуда тут «котики».

– У них тут база в Пафосе. Сходите к церкви, будете удерживать плацдарм, только сначала очистите братский корпус, чтобы вам не ударили в спину.

– Понял.

Стас оттолкнул Матвея от двери, из которой выскочил монах.

– Я пойду первым!

Подсобка пропахла кожей и ладаном, загромождённая какими-то рулонами, деревянными лавками, никаких проходов в её стенах не было видно, но ведомый интуитивным озарением Матвей уверенно указал на угол под ящиком, Стас быстро отшвырнул ящик в сторону и обнаружил квадратную деревянную крышку, закрывающую устье колодца. Поднять её удалось только с третьей попытки, настолько она была тяжёлая, сколоченная из плах сантиметров тридцать толщиной.

Стас посветил в открывшийся колодец, стены которого были сложены из таких же плах, почерневших от времени. Вниз уходили неожиданно чистые, практически без ржавчины, скобы, отсвечивающие, как хромированные автомобильные ручки.

– Ты уверен, что этот ход приведёт нас к МИРу?

Матвей с трудом выплыл из странного эйфорического состояния, начиная чувствовать запахи, слышать звуки, ставшие вдруг очень громкими, и видеть реально плотные предметы.

– Больше никаких нор здесь нет.

Снаружи снова донёсся грохот выстрелов, но уже ближе к монастырю.

– Успеем, – оскалился Стас. – Не думаю, что десант ориентирован на МИР, он ориентирован на нас.

До Матвея не сразу дошёл смысл сказанного.

– Что значит на нас? Ты хочешь сказать... на группу? Или только на нас с тобой?

– На группу, конечно.

– Зачем же мы тогда полезли... – Матвея осенило. – Ты знал заранее, что на группу нападут?! И никому не сказал?!

– Не бери в голову, – отмахнулся Стас. – Это отвлекающий маневр. Парни знали, на что шли. Нам до зарезу нужно первыми спуститься под землю и завладеть Великой Вещью! Ради такого дела и жизни не жалко.

– Не своей...

Глаза брата сузились.

– А ты чего хотел, пацан? Прокатиться на саночках под горку, улыбнуться Деду Морозу и получить подарок? Так не бывает, мир

гораздо более материален и жесток, и к цели надо идти, несмотря на потери. Полежай, у нас нет времени на дискуссии!

Стрельба за стенами часовни стихла. Послышался быстро приближающийся гул, так же быстро удалился, будто над монастырём пролетел реактивный самолёт.

– Поторопись!

Но Матвей медлил. Слова Стаса обрушили на него лавину мыслей, главная из которых была: «тебя обманули»!

– Как же вы собирались ликвидировать американский Союз? Группу уничтожат... или захватят в плен!

– Потом объясню. Живей, чёрт побери, иначе и нас обнаружат, чего бы мне хотелось избежать.

– Нас и так обнаружат.

– Ошибаешься, ни один иерарх UnUn не рискнёт направить сюда знающих истинную подоплёку вещей оперов! Во избежание всплеска нездорового интереса к истории человечества и к сохранившимся артефактам. Мы тоже не посвящали своих бойцов в наши дела. Даже если их захватят, они ничего не смогут рассказать, кроме рутинного задания выйти к монастырю и замочить коллег из родственных структур. Другое дело – если ты ошибся.

– Ход под землю здесь... я его вижу.

– Верю, ты скрытый паранорм, да ещё подкорректированный адыгейским МИРом. Поэтому у нас есть отличный шанс найти «сорок» и применить на пользу.

– Кому?

– Человечеству, естественно, – заверил брата Стас не моргнув глазом.

– Ты не ответил на вопрос.

– Чёрт бы побрал твою привычку разбираться во всём до тонкостей! У нас нет времени... хорошо, в двух словах. Все Союзы будут добираться до Кипра на самолётах, в крайнем случае на яхтах, и сбить их или потопить очень легко, надо лишь знать время вылета. А для этого у нас есть все возможности. Уразумел?

Матвей подумал несколько мгновений, взвешивая не столько идею, сколько тон, каким она была высказана, и полез в колодец, включая свой фонарь. Стас присоединился к нему, со стуком опустив крышку люка над головой.

Вертикальный колодец кончился метрах в двадцати от поверхности, упёрся в каменный пол, в котором тоже был люк, накрытый крышкой, но уже металлической, круглой, ребристой, с длинными ушками. На сталь или железо металл не походил, скорее на бронзу или медь, судя по зеленоватому налёту и потемнению. Крышка оказалась ещё более тяжёлой, чем деревянная наверху, братья с трудом подняли её вдвоём, посветили вниз.

Этот колодец был чуть ли не вдвое уже и сверкал гладкими каменными стенами, покрытыми глазурью либо отшлифованными до блеска. Скоб колодец не имел, только небольшие выступы и выбоины под ними, предназначенные, очевидно, для того, чтобы в них можно было просунуть мыски ботинок. Он уходил на невероятную глубину, метров на восемьдесят, на сколько хватало света фонарей, и Матвей невольно подумал, что подняться по нему наверх будет чрезвычайно трудно.

– Теперь я пойду первым, – сказал Стас, начиная спускаться.

Матвей прислушался к тишине подземелья – звуки с поверхности сюда не долетали, рация тоже молчала, о судьбе группы можно было только догадываться, – и полез вслед за братом с мыслью: почему их не останавливает Хранитель?

* * *

МИР Блаттоптеров производил потрясающее впечатление!

Больше всего он походил на гигантскую «летающую тарелку» из сверкающего как золото материала, слепленную из отдельных зёрен, ребёр, перекладин, выпуклых щитов, похожих на фасетчатые глаза гигантских стрекоз, и чешуй.

Он не был освещён источниками света в пещере – их здесь не было, но изнутри корпуса замка сквозь щели и дыры пробивались лучи света, рассеиваясь и отражаясь от потолка пещеры, и творение Блаттоптеров было видно хорошо.

– Всё-таки наши шестиногие предки были великими архитекторами, – удовлетворённо заметил Стас, опираясь руками о гладкую стенку балюстрады, опоясывающей пещеру по всему периметру. – Мы многое от них взяли.

Матвей не ответил, созерцая совершенную геометрическую «тараканью» конструкцию, хотя подумал, что люди взяли от предков и все самые худшие их качества.

– Спускаемся.

Начали спускаться по лесенке без перил, высеченной в каменной породе в незапамятные времена. Точно такие же лесенки вели к замкам инсектов и в других районах расположения МИРов, подтверждая вывод Матвея о намерениях Хранителей создать аварийные выходы из подземелий на случай невозможности выбраться из них с помощью тхабса. И этот случай произошёл, когда инфарх – «бог равновесия», как однажды выразился друг отца Вахид Тожиевич, поднял порог магического восприятия и оперирования, отрубивший всем колдунам и экстрасенсам возможность свободного доступа к изделиям предков. Скорее всего проходы делали сами Хранители, отвечавшие за сохранность МИРов, потому что разгерметизации знаний о чудовищно древних памятниках архитектуры до сих пор не произошло. О существовании МИРов по-прежнему знали только adeпты Круга и бывшие «пастухи» человечества из «Комитета 300».

«Летающая тарелка» Блаттоптеров выросла в гору.

Остановились перед её сверкающим ажурно-сотовым боком.

– Где же он? – хмыкнул Стас.

– Кто? – очнулся Матвей.

– Хранитель.

– А разве монах с топором... не был Хранителем?

– Конечно, нет, обыкновенный сторож, хотя он и был полезен Хранителю. Пошевели мозгами – никого не чувствуешь?

Уши выросли виртуальными парусами, пронзив пещеру и сооружение в ней.

– Кто-то внутри...

– Один, группа?

– Один человек... и ещё что-то... не понимаю.

Стас вытащил из-под куртки пистолет.

– Пошли, мы у цели. Твоя экстрасенсорика реагирует на Великую Вещь.

Матвей шагнул к ближайшей ячейке в сложном переплетении чешуй и жил «летающей тарелки».

Глава 12. Без тхабса

Несмотря на свой богатый опыт аэропутешествий, Котов впервые летел на самолёте бизнес-класса, поэтому за время полёта конкретно оценил преимущества этого вида воздушного транспорта, комфортного, удобного, быстрого. До Кипра они долетели всего за один час тридцать пять минут, поднявшись на высоту более двенадцати километров.

– Где будем садиться? – спросил Василия Никифоровича Самандар, сидевший рядом. – В Ларнаке?

Тарас, сидевший по другую сторону прохода, услышал его вопрос.

– Частные рейсы в аэропорту Ларнаки принимает четвёртый терминал, но времени мало, от Ларнаки до монастыря добираться не менее трёх часов, поэтому попробуем сесть где-то рядом с деревней.

– А нас не собьют? – безразлично поинтересовался Веня Соколов.

– На Кипре нет ЗРК, – улыбнулся Тарас. – Точнее, на той части острова, который принадлежит Греции. Турки на севере имеют противовоздушную оборону, но они оберегают свои владения.

– А если сесть поблизости не удастся?

– Существует план «Б» – парашюты, однако я уверен, что мы сядем. – Тарас поколебался немного, встал. – Снижаемся, пойду проконтролирую.

Самандар проводил взглядом бывшего Отступника, проворчал, обращаясь к Василию Никифоровичу:

– Что молчишь? Веня прав, если мы не сядем рядом с монастырём, опоздаем.

– Он же сказал – парашюты.

– Ты давно прыгал?

– Какая разница?

– А и вправду – какая? Прыгнем даже и без парашютов, если придётся. Ты готов?

Котов на шутку не отреагировал, и Самандар, посидев с минуту неподвижно, спросил:

– О чём думаешь?

– Господи, удержи меня от рокового обыкновения думать, что я обязан по любому поводу что-то сказать.

Самандар хмыкнул.

– Ты снова толкаешься на моей философской территории. Твоё изречение хорошо в ресторанной компании, а мы на операции.

– Тем более говорить не о чем.

Самандар подмигнул оглянувшемуся на них Соколову, но продолжать не стал. Было видно, что старый друг думает о сыне, страстно желая быть рядом с ним в этот момент.

Дива тоже смотрела на Котова, перевела взгляд на Самандара, кивнула ему; она тоже понимала чувства комиссара.

Самолёт опустился ниже облаков.

Уже рассвело, Кипр был виден чуть впереди и слева, напоминая облезлую жёлто-коричневую шкуру барана. Стали видны прибрежные города, дороги, горы и возвышенности, лишённые зелени.

Самолёт повернул, остров исчез под его носом.

Василий Никифорович встал, успокаивающе положил руку на плечо встрепенувшегося бойца группы Соколова, сидящего на полу между рядами кресел. Боец подвинулся, пропуская комиссара, за ним то же самое сделали ещё трое спецназовцев.

Кабина супер-джета была маленькая, в ней едва уместались командир корабля и второй пилот, поэтому Тарас согнулся за спинками их кресел, наблюдая за процессом снижения. Когда подошёл Котов, он слегка подвинулся, позволяя комиссару самому оценить положение самолёта.

– Вы здесь бывали, Василий Никифорович?

– На Кипре? Давно, много лет назад, когда начинал карьеру в ГРУ.

– Понятно, местность вам не знакома.

– Нет.

– Будем искать ровную площадку.

Несколько минут прошли в молчании, только ровно гудели двигатели «Citation», да командир переговаривался с наземными службами.

– Дали добро на пересечение острова, по курсу Термес, – показал вперёд безволосый первый пилот, он же командир экипажа, – за ним Калопанайотис, монастырь справа от него.

– Там ущелье...

– Горы Троодоса, – добавил второй пилот, – невысокие, но скалистые. Боюсь, площадку мы не найдём.

– А вот там, ещё правее? – Тарас протянул руку вправо по курсу.

– Начало хребта.

– Я вижу неплохой склон.

Пилоты замолчали.

– Сделаем заход, – решил командир.

– Вижу «вертушку»! – вдруг быстро сказал зоркий Котов. – За мостом, левее монастыря.

– А правее ещё одна! – добавил второй пилот.

– Опоздали?! – выдохнул Василий Никифорович. – Полиция уже здесь?

– Может, береговая охрана? – неуверенно проговорил второй пилот.

– Монастырь не на берегу стоит, – возразил Тарас. – И окрас у «вертушек» другой, это американцы, у них база в Пафосе. Виталий, садись за вон тем рёбрышком, за которым склон начинается более или менее ровный, это всего в километре от монастыря. Мы выберемся, и сразу взлетай, не жди.

– Если не разобьёмся.

– Тут уж как повезёт.

Самолёт устремился к земле, намечая сесть на свободную от кустарника полосу за гребнем каньона.

– По местам, – разогнулся Тарас. – Переодевайтесь, у нас «оборотни».

Он имел в виду диверсионные спецкомбинезоны, ткань которых изменяла цвет в соответствии с освещением и превращала бойцов в «невидимок».

Котов вернулся в салон.

– Пристегнитесь кто чем может, садимся.

Взвыли двигатели, колёса самолёта коснулись поверхности ровного поля длиной около двухсот метров, самолёт затрясло, в днище ударили попадавшие по пути камни. Двигатели взвыли ещё раз – на реверс, завизжали тормоза, ещё несколько толчков, серия ударов, и наступила тишина.

– Приехали, – будничным голосом проговорил Тарас, помог Диве встать. – Я бы посоветовал тебе лететь вместе с ними обратно.

– Нет!

– По нам будут стрелять не холостыми.

– Я тоже кое-что умею.

– Тогда держи. – Тарас протянул ей необычного вида дуствольный пистолет. – Не слишком эффективен, зато эффектен, главное – успеть спустить курок раньше противника.

– Кольт? – заинтересовался Самандар. – Сорок пятый калибр?

– Наша российская разработка – АБ-2015, клон итальянского АФ-2011-А1, но помощнее.

– Что значит «АБ»?

Тарас усмехнулся.

– Наши конструкторы нередко подбирают удачные названия оружию, АБ – это аббревиатура мультяшных героев лисы Алисы и кота Базилио. Готовы?

– Так точно, товарищ генерал! – взял под козырёк Соколов.

– Все за борт!

Через две минуты отряд спускался по склону невысокой горы, поросшей сосново-буковым лесом, к монастырю на краю каньона, оставив в стороне, километрах в двух, один из окрашенных в серый «натовский» цвет вертолётов с американской базы.

Глава 13. Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко

Зал царя Блаттоптеров изнутри по форме напоминал трёх тараканов, сросшихся головами. В этой объединённой «голове» — центре зала — и находился трон царя, опять-таки по форме напоминавший трёх гигантских насекомых, неистребимых никакими ядами. И он был чёрным, в отличие от других саркофагов, которые видел Матвей, с чуть заметным шоколадным оттенком.

— Дохлый он, что ли? — пробормотал Стас, жадно рассматривая удивительное сооружение. — Действующие саркофаги светятся. И Хранитель нас не встретил.

Матвей вновь почувствовал головокружение, сопровождавшее его со времени нахождения внутри МИРа, присел на корточки на задрожавших ногах. Всё-таки энергии он потерял много, как физической, так и нервной, пока искал проход к центральному залу замка. Удалось это сделать не с первой попытки, и дважды они заходили в тупики, хотя, казалось бы, три сходящихся в один зала не имели сложных интерьеров. И тем не менее они вышли к центру не сразу.

— Ищи Вещь, — опомнился Стас, озираясь.

Матвей впервые видел, что брат нервничает.

— Погоди, есть вопросы.

— Нашёл время. Потом задашь.

— Я не железный... тебе придётся ответить.

Стас показал зубы, блеснувшие в рассеянном свете зала, стены которого неравномерно испускали оранжевое и жёлтое свечение.

— Осёл упрямый! Давай быстрее!

— Инфран... блеф?

— Какая разница?

— Что тогда не блеф?

— Инфран и бомба — ложный замах, группа играет роль подсадной утки, а мы с тобой — роль отмычки, главная цель — МИР и Вещь в нём.

— Как же вы всё-таки собирались уничтожить американский Союз?

– Ракета «вода-воздух» с борта турецкого катера собьёт самолёт с американской делегаций, а мы свалим всё на учения турецких морских сил.

– Хитро...

– Всё, вопросов больше нет?

Матвей поднялся с корточек.

– Как ты собирался выбираться отсюда?

– А это уже твоя забота, если хочешь жить. Ты же сенс, найдёшь запасной выход.

– А если его не существует?

Стас снова хищно оскалился.

– Должен быть, Хранители оборудовали запасные выходы не от хорошей жизни, перестав пользоваться тхабсом.

– Почему же этот МИР не охраняется?

– Он охраняется, – раздался чей-то тихий голос.

Стас мгновенно обернулся, поднимая пистолет.

У стены зала в двадцати шагах от них стоял высокий, худой, смуглолицый мужчина в затрапезном мятом костюме. В его лице было что-то знакомое.

– Кристопулос! – процедил сквозь зубы Стас.

Хранитель бесшумно, словно шёл босиком, прошагал до середины зала, каким-то образом ухитряясь не спотыкаться о рёбра и выступающие из пола жилы.

– Что вам здесь нужно?

– «Сорок»!

Кристопулос оглядел братьев исподлобья.

– «Сорок» – легенда.

– Она должна быть здесь!

– Это легенда, – повторил Хранитель равнодушно. – В этом МИРе нет Великой Вещи.

– Врёшь, старик!

Кристопулос посмотрел на Матвея.

– Уходи отсюда, сын Мастера, в пещеру спускаются плохие люди, вам не справиться с ними.

– Я кое-чего не понимаю, можно задать вопрос?

– Слушаю тебя.

– Вы же были в Крыму...

– Я отвечаю за несколько модулей, Хранители которых умерли.
– МИР на мысе Айя...
– Кипр, материковая Греция, Италия, Турция.
– Почему же вы не взорвали вход в этот МИР?
– Одному это не под силу, нужна помощь, и не все Хранители сочувствуют друг другу.

– Довольно! – перебил его Стас. – Мы теряем время. Вещь здесь есть, позвоночником чую, и это должна быть «сорок», иначе «Комитет 300» не стал бы устраивать Сход под монастырём.

– Он и не устраивает.

Стас недоверчиво уставился на Хранителя.

– Что ты говоришь, старик?! Как это не устраивает?!

– Сход «Комитета» состоится в Киеве, точнее, в МИРе под Киево-Печерской лаврой. Там же хранятся и тридцать семь Великих Вещей, найденных Рыковым-Мериновым.

– Не может быть! Ты лжёшь, старик!

По губам Кристопулоса промелькнула тень улыбки.

– Зачем мне лгать? Это вы, слуги Тьмы, всегда лжёте, мы говорим правду либо...

– Что – либо?!

– Молчим. Ещё раз прошу покинуть модуль, иначе мне придётся обрушить оба выхода, и вы останетесь здесь навечно.

Стас побелел, направляя ствол пистолета на старика.

– Ты этого не сделаешь! Скажи, что за Вещь здесь прячется, и можешь уходить. По моим данным, «сорок» может принимать любую форму, даже становиться невидимой! Покажи нам её – останешься жить!

Кристопулос прислушался к чему-то, склонив голову к плечу.

– Верить людям тебя так и не научили, оруженосец, ставший Отступником. Здесь нет «сорока сороков», это выдумка анархов древних Неизвестных, уводящая поиски истины в сторону. Мы только подыграли им, хотя и не смогли нейтрализовать утечку информации.

– Врёшь!

– Какую утечку? – вырвалось у жадно слушающего Матвея.

Хранитель посмотрел на него с печалью и осуждением, пожевал губами.

– Существует сорок Великих Вещей, способных при их инициации изменить реальность так же круто, как это сделал с инсектами Конкере. Тридцать семь собрал Рыков, поместив их в МИР Акарин под Киевом. Ещё два находятся в Москве, одна у тебя – свисток, другая у твоего отца – Щит Дхармы. Требуется ещё одна, чтобы достичь полноты реализации замысла.

– И она здесь!

Кристопулос покачал головой.

– Я всё сказал, уходите, у вас всего несколько минут на размышления и отступление. – Он повернулся, с изумительной быстротой преодолел расстояние до ниши в стене зала.

Стас снова вскинул руку с пистолетом, раздувая ноздри.

– Нет! – крикнул Матвей, бросаясь к нему, но не успел.

Грянул выстрел.

Хранитель споткнулся, засеменил ногами, пытаясь не упасть.

Стас с изумлением глянул на пистолет.

– Блин!

– Ты его...

– Да не я, я не стрелял!

Раздался ещё один выстрел, и Матвей увидел, как из дыры в стене на противоположной стороне зала выбежали одна за другой плохо различимые зеленовато-серые фигуры тающих очертаний.

– К саркофагу! – каркнул Стас, спуская курок и делая подряд несколько выстрелов.

Матвей хотел было броситься к раненому Хранителю, но того не оказалось в зале. Очевидно, он всё же нашёл силы добежать до выхода и скрыться.

Пули со свистом заплясали по буграм и рёбрам пола.

Оружия не было, пришлось бежать со всех ног, обретая на ходу состояние «адекватной реакции» и уклоняясь от пуль. Восприятие пространственных шатаний резко обострилось, он даже спиной начал ощущать трассы опасности, тянувшиеся из стволов и опережавшие пули, но реакция Матвея в настоящий момент перешла грань темпа, и он дважды сумел сойти с вектора смерти, на мгновение опередив первую и вторую автоматные пули. Ещё несколько пуль сыпанули в чешуйчатую опору саркофага, наделав в ней дырок.

Спрятались за «тушей таракана» – одной из трёх, служивших основанием «люльки-головы».

– Ищи Вещь! – прошипел Стас, высовываясь и стреляя по зеленоватым теням.

– Он же сказал – здесь её нет!

– Ищи! Я не такой мощный сенс, как ты, но чую запах!

Матвей послушно перестал обращать внимание на шум в зале, стрельбу и тяжёлые шлепки пуль, настроился на просветление, находясь в состоянии резонирующей струны. Диапазон чувствования-восприятия раздвинулся, стены зала и всего, что находилось в нём, стали прозрачными.

«Скелет» царя Блаттоптеров внутри саркофага напоминал чудовищный веник из неровных ветвящихся прутьев, накрытый двумя «хитиновыми» выпуклостями крыльев. Он не светился и никаких сигналов не подавал. Не получил Матвей ответа и от выступов в стенах зала и потолка, за которыми не прятались скрытые источники полей, излучений и дверцы сейфов с древними раритетами.

Однако общее впечатление от всего интерьера зала Матвея озадачило: зал смотрел на него затаённо и с любопытством, словно прислушиваясь к человеку, видящему суть вещей, и точно так же всматривался в него весь многосложный комплекс замка, удивительно похожего на «летающие тарелки», какими изображали их современные художники.

– Ну?! – оглянулся Стас, меняя обойму.

– Не понимаю...

– Есть Вещь?!

– В зале нет, но на нас смотрят...

– Естественно, их тут четверо живчиков как минимум, экипированы «хамелеонами», попасть трудно.

– Нет, тут другое.

Стас выстрелил четыре раза подряд.

– Ищи, у нас нет шансов отбиться. Я их отвлеку. – Он метнулся к стене зала, из которой выросал зубастый выступ, напоминающий морду таракана.

Зал наполнился грохотом автоматных очередей.

Матвей напрягся, вспоминая воинскую заповедь: попал в беду – слушай тишину внутри себя, она подскажет выход, – снова обнял

саркофаг и весь зал МИРа Блаттоптеров. Показалось – кто-то погрозил ему пальцем... и сердце замерло: справа от него возник зеленоватый дымящийся «призрак», навёл пистолет-пулемёт, отнюдь не виртуальный и не призрачный, зримо материальный, красивый особой хищной красотой, геометрически совершенный и смертельно опасный. Он был слишком близко, буквально в двух метрах, и ни одно движение капитана не могло изменить эту геометрию смерти, несмотря на реакцию Матвея и просчитанную им зону адекватного ответа. Секунда превратилась в вечность, но и эта вечность закончилась.

Ствол пистолета-пулемёта дёрнулся... но не выстрелил!

За спиной «призрака» возник ещё один – льдисто-голубоватый – и разрядил ему в голову пистолет.

Затем что-то изменилось вокруг.

Грохот выстрелов стих.

Матвей, нашедший наконец силы сойти с вектора смерти, нырнул в спираль и остановился, услышав знакомый голос:

– Свой!

– Отец?!

Голубоватый «призрак» снял шлем и обрёл голову и лицо. Это и в самом деле был Котов-старший, державший в руке пистолет «Волк». За его спиной сгустились ещё два «призрака», превратились в Самандара и в мужчину с короткими седыми волосами и янтарно-светящимися глазами.

– Вахид... Тожиевич?!

– Я.

– Так это вы... стреляли?!

Василий Никифорович понял.

– По вам стрелял спецназ перехвата, судя по экипировке – американские «морские котики». Это вторая группа, первую мы нейтрализовали наверху. Но за ними ползут под землю и остальные, их там как тараканов. Надо выбираться отсюда.

Ещё одна тень возникла рядом с Матвеем, и в висок ему упёрся ствол пистолета.

– Никто не уйдёт, пока мы не найдём «сорок»! – прогремел голос Стаса.

Пистолеты в руках Котова и Самандара грозно глянули на решальщика, почти скрытого телом Матвея.

– Оруженосец, – пробормотал Вахид Тожиевич.

– Пистолеты на пол!

– Отец, прости! – выдохнул Матвей.

Василий Никифорович поднял ствол «Волка», положил пистолет на пол, покосился на Самандара.

– Опустит.

Вахид Тожиевич раздвинул губы, медля.

– Он у меня на стволе.

– Опустит!

Самандар выпустил пистолет из руки, ловко поймал его ногой, опустил на пол.

За спинами мужчин появилась женщина в камуфляжном комбинезоне.

– Дива?! – прошептал Матвей, не веря глазам.

– Явление ангела народу, – блеснул зубами Стас, лихорадочно-возбуждённый, клокочущий ложным весельем и яростью. – Я почему-то ждал вас, мадемуазель.

– Не делай глупости, Котов, – покачал головой Тарас; оружия в его руках не было. – Тебя обвели вокруг пальца. «Сорок» не существует в природе.

– Какого же дьявола вы припёрлись сюда?!

– Не поверишь, – усмехнулся Самандар. – Нам не нужны ни «сорок», ни «сто», ни ты сам, нам нужен он. Отпусти и свободен.

– Ага, так я вам и поверил! В прошлый раз Тарас меня уже пытался «лечить», владея синкэн-гата, второй раз я не попадусь на этот трюк.

– А кому ты веришь? – пожал плечами Василий Никифорович. – Двадцать лет назад ты сделал фатальную ошибку, и мы думали, что Тарас выбил из тебя Тьму, но, похоже, мы ошибались. Я ошибался! Больше всех! Не надо было оставлять тебя одного в надежде на правильный выбор пути.

– Я его сделал!

– Но не в пользу света.

– К чёрту, много говоришь, комиссар, дайте мне завершить комбинацию, не мешайте. Он найдёт «сорок», инициирует – он сможет, не зря же я таскал парня по МИРам в поисках работающего саркофага? – и мы уконтропупим всю эту натовскую свору!

Тарас покосился на Диву, ответившую ему красноречивым взглядом.

– Нашёл?

– Что?

– Работающий саркофаг.

– Я сначала даже не поверил, он сам туда влез. Ему разбудили спящий генный запас, он теперь сможет преодолеть порог включения магии, хотя и не догадывается, что он пока единственный на всю Землю оператор реальности!

Матвей облизнул пересохшие губы, начиная готовить себя к темпу.

– Не понимаю...

– Тебе и не надо понимать, братишка, – оскалился Стас. – Тебе надо только найти Вещь и включить, и мы откорректируем эту грёбаную «запрещённую реальность», ликвидируем «Комитет 300» со всеми его структурами и развеём Тьму!

– Не развеем.

– Почему?

– Тебе сказал Хранитель... здесь нет «сорока сороков», это миф.

– Какой Хранитель? – быстро спросил Тарас.

– Кристопулос.

– Что ещё он сказал?

– «Комитет 300» собирается в Киеве, – просипел с трудом Матвей (Стас сжал ему горло), – в МИРе под Киево-Печерской лаврой, где Рыков спрятал тридцать семь Великих Вещей. Нужны ещё три, и тогда лидеры Союзов Неизвестных смогут инициировать сорок и получить доступ к магическому переделу.

Котов и Самандар переглянулись, зная, что две Вещи находятся у них.

– Он врёт! – Стас бешено сверкнул глазами, ударил Матвея рукоятью пистолета в висок. – Ты врёшь!

Вскрикнула Дива.

Котов и Самандар сделали общее движение.

Стас вновь воткнул ствол пистолета в висок Матвею.

– Стойте где стоите! Мне терять нечего! Вы слишком долго собирались изменить жизнь к лучшему, и мне пришлось действовать на свой страх и риск, пойти в услужение к этому ублюдку Меринову,

решать его проблемы! А теперь я с помощью «сорок» сделаю то, что собирались сделать вы! Выбью из людей всю их злобу, агрессию и ненависть! Все станут добрыми и любящими! Разве это не великая цель, достойная воплощения?!

– Мечтатель, – с лёгкой грустью и сожалением проговорил Тарас. – Я тоже когда-то мечтал победить Зло одним ударом и его же методами.

– Мы с тобой одинаковы! Я такой же Отступник, как и ты! Но насилие нельзя победить добром, его можно победить только ответным – и более жестоким! – насилием! Вся история человечества подтверждает этот тезис! Всё меняется – мораль, этика, история, сама жизнь, в мире нет ничего постоянного, кроме силы!

Тарас качнул головой.

– Я ошибался, и ты ошибаешься тоже. В этой реальности, где действительно нет ничего постоянного, я становлюсь единственной константой постоянства как носитель абсолютных законов – божественных.

– Ты? – презрительно бросил Стас.

– Так вышло, – пожал плечами Тарас, взглядом останавливая Диву, собравшуюся вставить слово. – Инсекты жили не по божественным принципам, и мы живём так же в большинстве своём. Эту ситуацию действительно пора менять, но не тем способом, какой предлагаешь ты.

– Какой же предлагаешь ты?

– Рецепт один – воспитать людей жить по совести.

– Пропаганда!

– Истина, друг мой. Она требует времени и невероятного терпения для воплощения, но иного пути нет.

– Добавлю: российский Союз Незвестных нельзя уничтожать ни в коем случае, – сказал Самандар. – Худо-бедно он держит страну цельной. Если его убрать, страна развалится, нынешние государственные структуры не в состоянии выстраивать стратегию существования в окружении сплошного кольца врагов.

– Но ведь есть надежда...

– Надежда – не план спасения.

Матвей наконец достиг необходимой концентрации воли и энергии, вспыхнул, переходя в иное состояние – почти «вне

времени», выкрутился-выскользнул из рук Стаса и ударом крест-накрест выбил пистолет из его руки.

Надо отдать должное бывшему оруженосцу Воина Закона, он прекрасно владел рукопашным боем, воспитанный Котовым-старшим, и мгновенно пошёл в атаку, ослеплённый гневом и завышенной самооценкой, двигаясь так же быстро, как его противник. Но отец тренировал Матвея дольше, и не один, в крови капитана кипели «пузырьки генов Мастера», и пространство адекватного ответа создавалось им бессознательно, на уровне рефлексов, он так жил, поэтому поединок братьев длился недолго.

Матвей лишь один раз пропустил удар Стаса, сам трижды посылая его в нокдаун. Четвёртый его удар – с выплеском силы, в область грудной клетки напротив сердца, оказался последним. Стас вскрикнул, хватаясь за грудь, отбежал назад спиной, мелко-мелко перебирая ногами. На губах его показалась кровавая пена.

– Проклятье! – прохрипел он, оседая на пол.

Матвей вышел из темпа, опустил руки.

К нему бросились отец и Дива. Василий Никифорович глянул на неё, удержался от объятий и слов, спросил только:

– Надеюсь, ты его не убил?

– Нет, – с трудом выговорил Матвей.

Котов-старший кивнул и вернулся к остальным, поднял с пола пистолет Стаса.

Дива схватила Матвея за плечи, заглянула в глаза.

– Ты как?!

– Живой, – слабо улыбнулся он.

– Если бы ты знал, как я переживала!

– Я знаю. – Он потянулся к ней, чтобы обнять, но к ним подошёл Тарас.

– Неплохо дерёшься, куколка.

– Кто? – удивилась женщина.

– Он имаго Архитектора Согласия. – Тарас посмотрел на победителя. – Отец тебе не говорил об этом?

– Нет.

– Пора уже. Однако выбираться отсюда всё равно надо, тхабс даже мне до сих пор недоступен. Кстати, ты уверен, что этот МИР не хранит Великую Вещь?

– Он сам – Вещь.

– То есть?

– Стас был отчасти прав, МИР Блаттоптеров всё-таки Вещь. Он весь – одна гигантская Великая Вещь, которая ещё работоспособна.

– Что она может? – заинтересовался Самандар.

– Летать.

– Да ладно. Всего-то?

– Тараканы и в те времена не умели летать, поэтому создали транспорт, который мог перемещаться не только в атмосфере Земли, но и в космосе.

– Откуда ты знаешь?

Матвей окончательно пришёл в себя, расслабился, лицо его смягчилось.

– Скелет царя шепнул.

– Пора, – подошёл Василий Никифорович. – Наверху наши отбиваются от атак этих натовских «хамелеонов», надо им помочь и убраться с острова.

– Есть ещё один выход.

– Где?!

– Покажу. Пап, извини, что я...

– Жаль, что я не пользовался ремнём при воспитании, – без улыбки сказал Котов-старший. – Вахид, зови Веню.

– Что будем делать с ним? – кивнул на приходящего в себя Стаса Самандар. – Оставим здесь?

– Возьмём с собой, выбьем дурь из головы.

– Тарас уже пытался выбить из него дурь.

– Пока есть шанс – будем верить в лучшее. – Василий Никифорович подошёл к приёмному сыну, протянул руку.

– Вставай.

Стас поглядел на него снизу вверх затуманенными глазами, скривил губы, вытер с них кровь, помедлил, но руку подал.

– Значит, Сход «Комитета 300» состоится в Киеве, – задумчиво проговорил Тарас, глядя на эту сцену.

– Но им не хватает трёх Вещей, как сказал Хранитель, – напомнил Матвей. – Кстати, он был ранен, надо бы его отыскать и помочь.

– Поищем. Что ж, ангел света, – посмотрел на Диву Тарас, – меняем планы.

Матвей напрягся, постигая смысл сказанного.

– Ты... кто? – прошептал он.

– Дочь инфарха, – засмеялась она. – Обычная женщина.

– Ты не была бы здесь, если бы была обычной.

– Тебе придётся в это поверить. Ну, может быть, кое-что я умею...

как все дети посвящённых в тайны Круга. Но это не мешает нам оставаться людьми.

– Уходим, – окликнул их Василий Никифорович.

Матвей взял Диву за руку...

Август 2014

notes

Примечания

1

Санитарные правила и нормы.

Доклад ФСБ о судебных перспективах, предназначенный только для президента.

Н. В. Гоголь. «Мёртвые души».

ПАО – пространство адекватного ответа, ШАО – Школа адекватного ответа, «барс» – боевая армейская система.

САО – Северный административный округ Москвы.

А. Проханов.

Диверсионно-разведывательная группа.